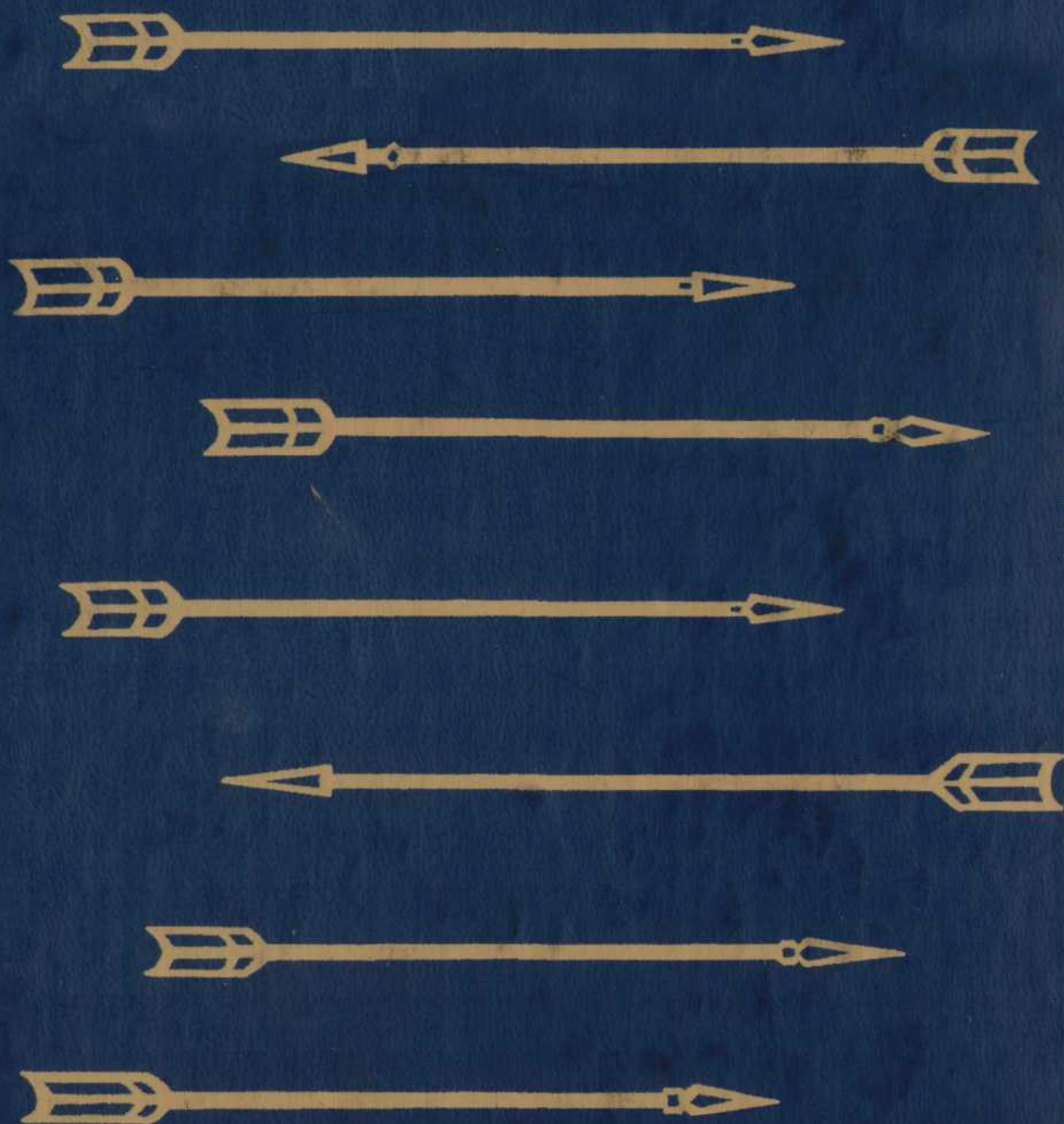

ГЭСЭР

УЛАН-УДЭ
БУРЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ГЭСЭР

БУРЯТСКИЙ
НАРОДНЫЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС

Том I

Перевод
Владимира
Солоухина

Иллюстрации
Александры
Сахаровской

1025495

Сводный текст
на бурятском языке
Намжила Балдано

Подстрочный перевод
доктора
филологических
наук
Алексея Уланова

Рецензент
доктор филологических наук
Василий Найдаков

Научный редактор
кандидат филологических наук
Сергей Чагдуров

Оформление
Елены Зонхоевой

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС БУРЯТ

С древних времен буряты обладали богатым наследием устной поэзии, которая, выражая чаяния и ожидания людей, сопутствовала жизни народа на протяжении всей его истории. Оригинальны и неповторимы по своему содержанию и форме мифы, легенды и предания, исторические и лирические песни, сказки, благопожелания, пословицы и поговорки.

Вершиной устной поэзии бурят является героический эпос — большие эпические народные поэмы, отражающие длительную борьбу предков бурят за этническое единство и сложные взаимоотношения с окружавшими их в прошлом племенами и народами.

«Гэсэр», крупнейшее произведение бурятского героического эпоса, справедливо считается главным достоянием эпического наследия бурят, а также и других народов Центральной Азии. Обширна и многоязыка география бытования «Гэсэра»: Бурятия, Монголия, Джунгария, Калмыкия, Тибет. Но среди всех разнонациональных вариантов (версий) этого общего эпического памятника народов Центральной Азии бурятский «Гэсэр» занимает особое место, так как в отличие, например, от монгольских и тибетских версий в наибольшей полноте сохранил своеобразие первоизданного духа и взгляда «младенческого периода» этноса.

Одной из причин этого явилось, по-видимому, то, что хозяйственные связи и социальные отношения в обществах так называемых лесных племен (бурят, ойратов, якутов и др.), то есть охотников и собирателей, постепенно переходивших затем к стадии приручения скота, в течение продолжительного времени оставались на уровне, фактически не выходящем за пределы родовых общин. Они оказывались в стороне от воздействия объединительных тенденций, перераставших в межплеменные государственно-экономические отношения.

Более того, даже в новое время, вплоть до XX века, у бурят во многом сохранились патриархально-родовые отношения, так как капиталистические отношения тогда не успели развиться, не появились у них «сельфакторы, железные дороги, локомотивы и электрический телеграф», о которых писал К. Маркс, характеризуя условия появления «художественного производства как такового»¹. В силу этого архаичный бурятский эпос дошел до нашего времени в почти нетронутom виде, сохранив исконную форму благодатного времени бытования богатырских сказаний.

Секрет первоизданной свежести бурятских улигеров-сказок, эпических сказаний заключается также в их идейно-эстетической природе: они выражали в образах большой художественной силы подлинно народные представления об идеале прекрасной жизни. Созданный в доклассовую эпоху бурятский героический эпос поэтизирует и воспекает равенство и исконный коллективизм членов рода, понимаемого как человечество. Мощь и сила человеческого коллектива, его трудная, героическая борьба с грозными явлениями природы, его победы на пути исторического восхождения человека воплощены в образе героя-богатыря и его подвигах. Герой эпоса — это лучший, храбрейший и сильнейший представитель родового коллектива, защищающий общие интересы народа, выражающий его разум и силу и неизменно побеждающий врагов рода человеческого: огромных и страшных чудовищ, стихийные бедствия, голод.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 737.

Героическому эпосу бурят свойственны оптимизм, светлый, жизнеутверждающий пафос, героический гуманизм, с особой силой воплощенный в образе богатыря. В обрисовке героя эпоса и его подвигов фантазия народа не скупится на любые преувеличения, подчеркивающие его силу и могущество.

Идеал народного героя — борец за справедливость, за счастливую мирную жизнь народа. После каждой победы Гэсэр да и другие герои улигеров со словами: «Хорошее время вернулось, мирное время пришло», — убирают лук и стрелы, устраивают всенародный праздник, собирая людей южной и северной стороны. Именно этот идеал мира и покоя, выраженный в ярких, впечатляющих образах, обусловил долгую жизнь улигеров в народе.

Сказания — улигеры были горячо любимы народом не только потому, что в них воплощены воспоминания о невозвратимой поре «детства человеческого общества», которая, по словам К. Маркса, может «обладать для нас вечной прелестью»¹, но и потому, что в них жила мечта трудового народа о будущей счастливой жизни. Пожалуй, наиболее полно эти мечты представлены в образах и картинах героического эпоса. Более того, созданные в отдаленную эпоху, но выражающие в совершенной художественной форме непреходящие, благородные и высокие идеалы, произведения бурятского героического эпоса и в XX веке звучат как современные, выражающие сокровенные стремления и чувства народа. Именно поэтому «они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»². И в наше время, когда профессиональные рапсоды-улигершины стали редко встречающимся явлением, народ в массе своей помнит и любит свой героический эпос. В селах есть немало людей, рассказывающих длинными зимними вечерами различные фрагменты о подвигах славных богатырей. Объяснение этому мы находим в словах академика Д. С. Лихачева: «Худшее не наследуется в широком смысле этого слова, оно не имеет длительных национальных традиций, оно непрочно, оно легко возникает, но еще быстрее исчезает. Лучшее же в человеке бессмертно. ...Произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи. В лучших своих произведениях — произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова — искусство не знает старения. Наиболее высокие произведения искусства продолжают быть современными столетия и тысячелетия»³.

Бурятский героический эпос не искажался в угоду идеологии господствующих сословий, как это было в частности с некоторыми монгольскими и особенно тибетскими письменными версиями Гэсэриады, а жил в устной передаче народа в первоизданном виде, что помогло ему сохранить в относительной чистоте взгляды и представления древних бурят, то исконно народное мировоззрение, в котором оказалось много созвучного с идеологией нашего времени.

Как известно, монгольские, тюркские и другие народы Центральной Азии и Южной Сибири вступали между собой в определенные исторические связи, что неизбежно оказывало влияние на формирование и развитие эпоса, пополняя его сюжет и обогащая его новыми мотивами. Происходило постоянное обновление и активное перемещение возникавших в разных местах сказаний и на этой почве — взаимопроникновение сюжетов и мотивов, сказывавшееся на становлении местных эпических традиций. Развитие эпоса «Гэсэр» у каждого народа шло своими путями на всей обширной территории его бытования, отражая социально-экономический уклад, культурные традиции и особенности устной поэзии населявших ее народов. Все это определяло своеобразие сюжетов, образов и всей художественной системы каждой национальной версии.

Монгольский «Гэсэр» со времен распространения ламаизма в Монголии испытал влияние традиций письменной литературы, а также идеологической и культурной системы буддизма. Светские и духовные власти феодализирующегося в то время монгольского общества не оставили в нетронутном виде это популярное произведение народного творчества. Им был чужд образ мужественного, независимого народного богатыря, а также дух воляности и коллективизма, которым пронизан эпос. Буддийская церковь проявляла нетерпимость к системе народного мировоззрения, проникнутого стихийно-материалистическими представлениями. Служители религии стремились по-своему упорядочить расцвеченный фантазией мир улигеров, приспособить их к нуждам своей идеологии.

Со времени обнаружения в первой половине XIX в. письменной монгольской версии «Гэсэра» и опубликования ее Я. И. Шмидтом эпос всегда оставался в центре внимания ученых-монголистов. Публикацию и изучение различных версий этого эпического произведения осуществляли многие ученые.

Обнаружение бурятских версий «Гэсэра» явилось крупным открытием советского эпосоведения. В начале XX в. был выявлен целый ряд бурятских поселений и районов, где эпический памятник, давно известный науке в письменных списках и публикациях,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 12, с. 737.

² Там же.

³ Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве — героический пролог русской литературы. М.-Л., 1961, с. 128—129.

продолжал бытовать в устной традиции и сохранять свое место в уховной жизни народа. С тех пор «Гэсэр» попал в поле зрения специалистов и привлек внимание таких ученых, как В. В. Стасов, В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский, Г. Н. Потанин, Б. Я. Владимирцов, А. М. Позднеев и другие. Заметным явлением стало издание Академией наук в 1930 г. варианта сказителя М. Имегенова «Абай Гэсэр-хубун» в записи Ц. Жамцарано на бурятском языке. Перед читателями предстал национальный эпос бурят в своей исконной форме со всеми присущими ему издревле специфическими чертами: богатой фантазией, чудесными превращениями героев, походами и подвигами богатыря. Эпический мир улигера поражаел воображение масштабностью совершающихся событий, столкновением могучих сил и природных стихий, борьбой и единоборством богоподобных героев. Эпос утверждал идеалы коллективной общинной жизни. Академик Б. Я. Владимирцов высоко оценил бурятскую версию «Гэсэра» и ставил ее в один ряд с шедеврами мировой литературы. Он назвал ее «колоссальной бурятской эпопеей, далеко превосходящей размером «Илиаду»¹.

Ученые считают бурятский героический эпос типологически более ранним, чем тюркский эпос среднеазиатских народов. Действительно, в нем, как и в эпосе народов Центральной Азии и Южной Сибири, отражены существенные черты древних общественных отношений эпохи родового общества на этапе перехода от материнского права к отцовскому, а также ранних государственных объединений. В содержании эпоса, основная идейная направленность которого — прославление воинского подвига, прослеживаются древние мифологические сюжеты. Так, герои борются не только с ханами — иноземными захватчиками, но и с демоническими силами: мангадхаями, чудовищами.

Исследователи отмечали, что ранние формы эпоса зародились в пору, когда предки бурят жили на огромных пространствах Восточной Сибири и занимались охотой, рыбной ловлей и скотоводством. На территории современного расселения бурят происходили тогда большие события: возвышались и приходили в упадок кочевые, полукочевые и оседлые племена. Объединения гуннов, сяньби, жуэан, киданей, киргизов, уйгуров, их возвышение и борьба с соседями влияли на судьбы всех племен, в том числе и протобурятских.

Образы главных героев улигера четко разделены на положительные и отрицательные, что традиционно для бурятского героического эпоса. Гэсэр воплощает в себе идеальные черты народного богатыря, вобрав в себя этические, эстетические и философские понятия народа. Это — герой, вставший на путь борьбы и ратных подвигов не ради личной славы и власти, а во имя осуществления благородной цели: избавить людей от бед и несчастий, дать им свободу и мирную жизнь.

Как создание народной фантазии образ Гэсэра является самым крупным художественным обобщением. Не случайно циклизация бурятского эпоса, превращение отдельных богатырских сказаний в эпопею завершающей стадии развития эпоса началось с Гэсэра: улигер об Ошор Богдо и Хурин Алтае (сыновья Гэсэра) представляет вторую часть «Гэсэра». В сознании сказителей и знатоков старины Гэсэр представляется старшим (главным) богатырем в семье эпических героев, таких, как Еренсей, Айдурай мэргэн, Аламжи мэргэн. Хараасгай мэргэн. Буху хара хубуун.

Жизнь богатыря и его особое предназначение совершать подвиги на земле получают глубокое эпическое осмысление. Вся его жизнь — один большой подвиг. Гэсэр — сын небожителя — тэнгри Хурмасты, вступив в пределы земли и став обитателем срединного мира, заново рождается на земле от земных родителей. Такая «двойственность» образа обусловлена миссией Гэсэра — посланца небожителей — с целью вмешательства в устройство земных дел. Смысл спуска и второго рождения его в том, что, по представлениям создателей эпоса, небесному жителю не дано вмешиваться в земные дела, такое «вторжение» в иную сферу признается невозможным. Чтобы получить право участвовать в делах людей, эпический герой должен сделаться земным по происхождению, т. е. приобрести новую, земную иностась. Хотя Гэсэр не простой смертный, но ему все же свойственны страх и сомнения, он трезво учитывает свои возможности и в критической ситуации достаточно осторожно, как, например, при выступлении против Гал Нурман хана, хочет отложить сражение, зная, что пока уступает ему в силе.

Помимо всего этого Гэсэр характеризуется цельностью внутренних человеческих качеств. Движимый общенародными целями, свои дела и заботы он не отделяет от общих, коллективных, не жаждет чужого добра и земли. Он не честолюбив, не гонится за славой. В эхирит-булагатской версии Гэсэр говорит: «Отец, с рождения самого и до старости я сражался с врагами. (Так) провел я всю жизнь». Однако свою миссию на земле Гэсэр понимает шире, чем просто борьбу и военное противоборство с определенным кругом противостоящих ему противников. Он стремится очистить землю от всякой скверны. В конце жизни Гэсэр утверждает, что он не оставил на земле ни одного злодея или зловредного существа, т. е. полностью выполнил свою «очистительную» миссию.

¹ Владимирцов Б. Я. Монгольско-ойратский героический эпос. Пб.-М., 1923, с. 16.

Вся жизнь Гэсэра проходит в ратных подвигах. Он совсем не показан с бытовой стороны, в будничных делах. Осмотреть и сосчитать умножившиеся стада ездят его соратники — баторы. А сам обычно, вернувшись домой из очередного похода, устраивает всенародное торжество по случаю победы над врагом и предается веселью и отдыху так же страстно, как ранее сражался.

Гэсэр — истинный народный богатырь: в нем живет и бродит могучая сила, у него ясный, светлый взгляд на окружающий мир. У него, как у подлинного эпического богатыря, нет разлада между словом и делом: он делает так, как думает, поступает всегда «по уму и совести». Богатырь по-человечески надежен во всем: в делах и в словах, постоянен в своих привязанностях.

Гэсэр совершает подвиги, уничтожает врагов и чудовищ, один поход сменяется другим, появляются новые враги, и каждый раз ему нужно идти навстречу им, не допуская их в пределы родной земли. Борьба принимает титанический характер: в нее вовлекаются все новые участники, она переносится с земли на небо, затем в подземный мир. Из того, как обходится Гэсэр с различными пришельцами — врагами, можно заключить, что эпический богатырь вовсе не жаждет крови. Поначалу он хочет понять, с кем имеет дело и как велика угроза. Но каждый раз идти на бой вынуждает его коварство и вероломство врагов, жестокость которых не знает границ. Гэсэр, побеждая врагов, всегда восстанавливает на земле справедливость, дарует народу свободу и мирную жизнь. Эпическая формула «Хорошее время пришло — колчан и стрелы убрали, спокойное время вернулось — лук и стрелы убрали» означает конец войны и наступление мирной жизни, к чему направлены все усилия Гэсэра.

Гэсэр не только центральный герой народного эпоса, но и самый популярный персонаж всего фольклора бурят. Он как бы аккумулировал в себе лучшие человеческие черты и качества. В этом заключен секрет исключительной притягательной силы образа Гэсэра. Создатели эпоса видели в нем героя с возвышенной душой и добрыми помыслами. Гэсэр идет навстречу судьбе, полный веры в справедливость своего предназначения. Он не меняет раз принятых решений и неизменно добивается достижения поставленной цели. Гэсэр верен дружбе, но непреклонен в борьбе с врагами. Согласно нормам обычного права родового общества, Гэсэр хоронит побежденного врага по древнему обычаю с воинскими почестями. При этом богатырь говорит: «Не следует мне похвалиться, что врага подавил я могучего». Такое отношение к врагу продиктовано требованием соблюдать осторожность в связи с тем, что борьба еще не завершена, а за побежденным противником остается круг его близких.

Гэсэриада, как особая форма поэтического отражения мира, как эстетическая грань философии народного сознания, играла в прошлом исключительно важную роль в духовной жизни бурятского народа, в историческом процессе формирования его как этноса.

В содержании эпического словесного искусства обычно усматривают два аспекта: во-первых, в нем отражается действительность героической эпохи, во-вторых, творческая фантазия певцов-улигершинов. Стало быть, любой вариант бурятской Гэсэриады содержит в себе как объективные, так и субъективные элементы. Идея, мораль эпоса о Гэсэре, как важнейшие компоненты содержания, присутствуют в нем не в виде оценок его безымянных создателей, а вытекают из характера подачи событий, из его стилистики и поэтики. Одни герои в устах сказителя-улигершина эстетически привлекательны, поэтому вызывают у слушателей симпатии, одобрение (сыны Матери-Земли, называемой Улгэн); другие — отталкивают, вызывают презрение, негодование (отпрыски Неба-Отца, называемого Ундэр). Слушатели порой настолько «вживаются» в эти события, что у них возникает впечатление подлинного соучастия. И достигается это прежде всего формой Гэсэриады, элементами ее поэтической структуры.

Определенное событие из истории рода, племени, сохраняясь в памяти певцов-улигершинов, постепенно превращалось в идеал, в объект воспевания, восхваления, потому что наилучшим образом отвечало чаяниям и ожиданиям народным. Однако, об идеале, предмете почитания и восхищения, следовало говорить приподнято, возвышенным языком. Слова должны были поражать воображение, оказывать сильное воздействие своей особой упорядоченностью, особой поэтической окраской. Это была единая целостная система стилистики и поэтики героического эпоса, в которой важное место занимали реликты более ранних этапов художественного освоения мира: двойственная природа идеологических представлений доклассового общества, своеобразие культа предков (тотемов), культов огня и деревьев, их связь с возвышенной природой эпического слова («хуур»), с ореолом знаков письма, священных формул стиха («хэб») и т. д.

С точки зрения современных достижений в изучении стилистики и поэтики эпоса искусство слова в глубокой древности начиналось с устного текста гармонически соотносящихся друг с другом стихотворных строк, которые (как и распев, пение) возникали в условиях особой, поэтической одухотворенности общественного сознания.

У создателей поэзии отдаленного прошлого была выработана своя, во многом отличная от современной, эстетика восприятия художественной выразительности. Один из видных специалистов в области структурной поэтики Ю. М. Лотман пишет: «Если современное ис-

кусство исходит из представлений о том, что оригинальность, неповторимость, индивидуальное своеобразие принадлежит к достоинствам художественного произведения, то средневековая эстетика считала все индивидуальное греховным, проявлением гордыни и требовала верности исконным «богowedохновенным» образцам. Искусное повторение сложных условий художественного ритуала, а не собственная выдумка, вот что требовалось от художника¹. Эстетика, которую Ю. М. Лотман назвал эстетикой тождества, вырабатывалась в условиях, когда общая модель мира мыслилась как заранее созданная богами, а автору эпического произведения отводилась лишь роль исполнителя, неукоснительно воспроизводящего авторитетный поэтический текст, освященный вековыми традициями. При такой обязательной регламентации «сверху» исключалось как несущественное все, что составляло индивидуальное своеобразие. Однако, как это ни парадоксально, именно в противовес складывавшейся ситуации, именно оказываясь в жестких условиях эстетики священных традиций, обрели свои реальные очертания принципы поэтики эпоса, эстетическое кредо его создателей. Иначе говоря, эстетика священных традиций, совершенно естественно породив условия для становления своего антипода, сама же постоянно давала достаточно весомые поводы к неизбежному развитию и совершенствованию в этих условиях соответствующей стилистики эпоса, основные целевые установки которой сводились к бесспорному стремлению возвысить Землю, к борьбе за земной, человеческий взгляд на жизнь и к скрытой критике Неба.

Бурятская эпическая поэзия является детищем той эпохи, когда общество ранних кочевников не знало классового расслоения. Так было, разумеется, и у ближайших соседей: созданные коллективным сознанием рода и племени, истоки эпической поэзии удовлетворяли духовные потребности всего общества сородичей и соплеменников. Однако с течением времени в первобытном родовом коллективе начали играть заметную роль отдельные личности.

Выдвижение личности из общины (рода, племени) привело к социальной дифференциации и на определенной ступени общественного сознания — к зачаточным формам управления родовой общиной, освященного, как правило, культом богов. В этих условиях наметившегося неравенства и социальных противоречий улигерная поэзия, которая складывалась под непосредственным влиянием исконных обрядовых традиций, постепенно превращалась в идеологию низов общества. Если улигеры стали складываться как творение масс, первоначально не знавших социальной дифференциации, если они создавались вначале коллективным сознанием, то религия, в какой бы форме она ни проявлялась, была творением не коллективного, а индивидуального сознания. Жрецы выдвигались на арену родовых и межродовых отношений именно как личности — как шаманы, пророки, перерожденцы. Они возвышались наравне с князьями, а нередко сами бывали старейшинами родов и племен и даже государственных объединений.

В противовес власти родовой верхушки, ее засилию в сфере духовной культуры, оказывавшей свое воздействие на народные массы, выдвигались личности другого характера и плана: народные заступники, защитники низов от бед и невзгод — эпические герои, богатыри, восплаемые улигершинами. Естественно, что между религией — идеологией верхов, и эпосом — идеологией низов, была неизбежна борьба, то скрытая, то явная, но по сути своей непримиримая. Сказание о Гэсэре складывалось и утверждало себя в условиях, с одной стороны, расцвета эпического героизма и относительной свободы творчества народных масс, а с другой — в условиях интенсивного проникновения религии в эпос, а чаще всего — в условиях борьбы и вражды между ними. Сравнение поэтики эпоса и стилистики религиозных проповедей выявляет, что они диаметрально противоположны. И это понятно: низы и верхи общества не могли пользоваться одним и тем же оружием.

Внешне контрпозиция эпоса и религии выражалась в форме подачи эпического и религиозного.

В героическом эпосе монголоязычных народов никогда не выделялось авторское «я». Улигершин изображал не себя, а эпическое событие — материальный мир, воссоздаваемый художественными средствами. В шаманских же призываниях и ламских проповедях, наоборот, высоко возносилось это личное начало, тогда как изображаемый словом материальный мир отходил на второй план или вовсе игнорировался. Поэт-улигершин никогда и никак не вывоял себя в своем творении, отстранялся от него, чтобы всецело, на весь передний план эпического события выдвинуть героя, народного заступника и защитника. А шаман или лама, наоборот, выдвигали на передний план панорамы восприятия именно и только себя, именно и только искусство воздействия своего «я». За этими внешними приметами поэтики эпоса и стили религиозных проповедей скрываются социальные корни глубоких внутренних противоречий.

¹ Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970, с. 158.

Поэтическая структура бурятской Гэсэриады в течение длительного времени сохраняла в своих глубинных слоях взгляд древних племен и народов Южной Сибири и Центральной Азии на окружающий мир. Она несла в себе дыхание многих столетий, следы чувств и мыслей кочевников, живших, быть может, еще до нашей эры. Но потом по мере социально-экономического развития этносов, эти древнейшие следы тысячами нитей переплелись с более поздними напластованиями, сначала шаманского толка, а затем в форме идей религиозных сект, явившихся на смену шаманству.

Именно под влиянием этих развитых, культурных форм религиозных идей и письменности, освященной ими, эпос претерпевал изменения, кое-где даже значительные. С появлением в родовой общине зачатков классовых противоречий религия начала внедряться и в бурятский героический эпос. Однако заставить его служить интересам социальной верхушки она не смогла. А в условиях Тибета и Монголии религия постепенно становилась мощнейшим оружием касты всевозможных пророков, перерожденцев-монахов, которые, переодевшись в тогу рапсодов, стремились подчинить себе идеологические основы устного народного творчества, и многого сумела добиться в этих регионах.

Условия же Бурятии, особенно западной, оказались совершенно иными — подобная обработка эпоса была здесь попросту невозможна. Убедившись в этом, ламаизм пошел по другому пути. Достаточно успешно распространившись по восточной части Бурятии, он принял меры к тому, чтобы искоренить здесь бытование эпоса о Гэсэре. Это было отзвуком той ненависти, с которой ведущие авторитеты буддизма (например, Сумба-Хамбо Эши Балджор, XVIII в.) вели борьбу против народного богатыря Гэсэра, называя его предком еретиков и бунтовщиков. Вот почему к началу XX века в памяти восточных бурят остались лишь имя Гэсэра да глухие прозаические упоминания, рассказы о его справедливых сражениях (в основном отголоски рукописных версий, обработанных ламами). Зато в западной Бурятии, где ламаизм не сумел утвердиться, эпос достиг вершин расцвета и в глубинных слоях своей сказочно-иносказательной структуры сохранил исключительно резкую критику религии.

По изначальным стихийно-материалистическим представлениям родовой общины человек в образе героя-богатыря фактически был важнее богов и демонов: именно он оказывался потенциально способным совершить героический подвиг — очистить землю от скверны, которая возникла сначала в сфере небесной. В соответствии с этими представлениями в бурятской Гэсэриаде все пороки социального неравенства (собственнические интересы, корыстолюбие, жадность, стремление подчинить себе других, агрессивность, жестокость и т. п.) обнаруживаются в первую очередь у богов: не начнись на небе война между двумя лагерями богов из-за неподделенной верховной власти, не было бы на земле страшных чудищ, вредящих всему живому.

Гэсэр, родившись на земле от земных родителей, был вынужден обстоятельствами, сложившимися по воле богов, бороться со всем, что имеет отношение к Небу и в сущности послано самим Небом. Он был вынужден сражаться не только с прямыми «творениями» богов: Гал Нурман ханом, тремя шарайдайскими ханами, разными мангадхаями, зверями-чудищами, деревьями-символами, священными горами, сотворенными из частей тела Атай Удаан тэнгри, чтобы полностью очистить от них землю, но и с другими выразителями небесных интересов: сыновьями и родичами богов, которые и на Земле продолжают оставаться ими же, не заземляясь, как сам Гэсэр или его мать Наран Гоохон, и не воплощаясь, как они, в человека.

И боги, и их небесные родичи, и посланцы ведут себя в бурятской Гэсэриаде в общем-то одинаково агрессивно. Если боги на небе способны творить злодеяния, горазды на угрозы, жаждут крови и слез, то и богатыри, воеводы, оруженосцы Гэсэра (сыновья богов) и дяди Гэсэра (родичи богов) на земле не менее кровожадны: они радуются, когда Гэсэр, соглашаясь идти в поход на врагов, повелевает им готовиться к войне, и сердятся, когда Гэсэр отказывается братья за оружие.

Согласно традициям бурятской Гэсэриады, среди людей ничего похожего на борьбу за власть не происходит и не может произойти. Наоборот, людям и земным героям больше по душе мирная жизнь и покой. Им чужды любые притязания на власть (светскую или духовную). Все их действия и поступки своей внутренней сущностью направлены против воинственных происков Неба. Боги, изображенные в Гэсэриаде, более могущественны по сравнению с людьми: они обладают магическими волшебными силами, способны творить буквально все, в том числе пользоваться чудом — читать начертанные на свитках таинственные письмена, их священные молитвенные узоры-строки. Это неизбежно приводит богов к признанию своей исключительности, к осознанию своего превосходства над людьми.

Но согласно той же эпической традиции, не боги, а люди дают жизнь всему на свете. Вот почему у Гэсэра только от земной жены Санхан Гоохон дуухэй рождаются три сына, тогда как от небесных жен нет у него никакого потомства, несмотря на всемогущество богов. Симпатии создателей Гэсэриады явно на стороне людей, на стороне их защитников — земных героев, их земных родителей, земных жен, земных детей.

Таким образом, эпическая поэзия у бурят является по сути своей гимном земному

человеку, гимном матери-земле. Она воспекает в земных людях доброе, созидательное начало и сурово осуждает небесных богов и демонов, их распри, вражду, т. е. восстает против злого, разрушительного начала.

* * *

Бурятский героический эпос стал привлекать внимание филологов разных стран относительно недавно. Причем тех, кто имел возможность изучать его в оригинале — большей частью в публикациях на бурятском и реже — в рукописях и магнитофонных записях, интересовало прежде всего идейное содержание, иногда сюжетная структура. Что же касается других его сторон, скажем, композиционной и образной системы, традиционных эпических формул — хэб, строя стиха и напева, исторически сложившихся исполнительских традиций, то все это вплоть до последнего времени оставалось за пределами внимания специалистов. Правда, дело сразу же круто менялось, когда широкому всеознанию читателю представлялась редкая возможность познакомиться с тем или иным улигером в переводе на русский язык — особенно в художественном переводе. Так было, например, когда в результате творческого сотрудничества известного монголиста Г. Д. Санжеева и крупного русского поэта-переводчика Ивана Новикова был издан на русском языке улигер «Адамжи Мэргэн» (1936 г.).

Нечто подобное происходит ныне и с Гэсэриадой: различные ее варианты выходят в академическом издании на двух языках — русском и бурятском; переводы делаются настолько оперативно, что некоторые варианты удалось перевести даже дважды для издания на двух языках (в Улан-Удэ и Москве). Причем разными переводчиками. Но, пожалуй, самым важным событием, связанным с именем Гэсэра, явится, как мы полагаем, настоящее издание сводного варианта в художественном переводе известного русского поэта Владимира Солоухина.

Работа по подготовке свода улигеров о Гэсэре к изданию началась еще в довоенные годы. Было решено, что свод нужно составить из традиционных девяти ветвей. Знатоки и собиратели устного народного творчества писатели Н. Балдано, Ц. Галсанов, Х. Намсараев, А. Шадаев и др., привлеченные к подготовке свода, исходили из того, что самые опытные сказители обычно исполняли эпосом в течение девяти вечеров — каждый вечер по одной ветви. Такова была традиция. Поэтому вместили в рамки всего лишь девяти ветвей накопившийся к тому времени огромный материал, записанный от ряда общепризнанных мастеров-улигершинов: Маншута Имегенова, Пёхона Петрова, Парамона Дмитриева, Альфора Васильева, Папы Тушемилова, Платона Степанова, Майсына Алсыева, Аполлона Тороева, Бажая Жетухаева... Эхирит-булагатский вариант знаменитого Маншута Имегенова был записан в 1906 году и достаточно хорошо изучался, однако ряд унгинских вариантов был записан только после войны. В конце 40-х годов были записаны уникальные материалы Альфора Васильева и Папы Тушемилова, ставшие полностью доступными для изучения только к середине 80-х годов. Что касается восточных вариантов, то они были отголосками письменных изданий, обработанных ламами.

В основу свода были положены наиболее совершенные с точки зрения составителей и компактные по сюжету унгинские варианты, лучшим из которых был признан вариант Пёхона Петрова. Последовательность ветвей была предложена известным улигершином Омпо Хайнтаевым.

В том, что свод был, наконец составлен — и притом весьма добротной, талантливо, с размахом, велика заслуга видного бурятского драматурга Н. Г. Балдано, который более 15 лет напряженного труда отдал титанической работе по изучению и сличению различных вариантов замечательного улигера, создав основу для того, чтобы героический эпос бурят стал достоянием всего советского народа. Созданный им свод успешно выдержал два издания (в 1959 и 1969 гг.), неоднократно частями издавался на русском языке. И вот теперь выходит полностью в художественном переводе на русский язык.

Конечно, в окончательный текст свода вошло не все многообразие художественной структуры различных вариантов эпосов. Неизбежно за чертой сводного текста остались некоторые сюжетные реалии и художественные находки, а также определенная часть деталей, иносказательно раскрывающихся выразительных средств, направленных своим острием против Неба. Это было обусловлено тем, что одни улигершины лучше знали какую-то одну группу приглянувшихся тонкостей открытой критики богов, другие — другую. А выбрать лучшие варианты — это было делом вкуса и уровня специальной эрудиции составителя.

В ходе подготовки сводного текста «Гэсэра» к изданию на русском языке доктором филологических наук, поэтом Алексеем Улановым был сделан его подстрочный перевод. Высокое качество подстрочника помогло Владимиру Солоухину, редкостному знатоку русского народного искусства, верно почувствовать исконный дух бурятского национального творения, точно уловить своеобразие его эпического звучания. В отношении к эпосу, к его многослойному арсеналу приемов и средств высочайшей пробы мало быть поэтом — раскован-

ным, свободным, размашистым. Надо быть еще и психологом, аналитиком, ученым — тонким, скрупулезным, точным. Все эти требования переводчик предъявил к себе. Перевод давно ожидался культурной общественностью республики. Таким образом в ряд прославленных эпических героев разных народов страны — Ильи Муромца, Давида Сасунского. Рустама, Манаса, Джангара, Нюргун-боотура и других — отныне встал во весь свой рост бурятский богатырь Гэсэр, что, конечно же, обогатит идейно-эстетическую и художественную сокровищницу нашей великой Родины. Опыт крупного знатока былинного стиля и талант мастера слова сделали свое дело, которое наверняка благотворно скажется на дальнейшей судьбе бурятского народного эпоса. Владимир Солоухин вдохнул в Гэсэриаду свежее дыхание, новую жизнь — на этот раз на языке Пушкина и Маяковского, не менее яркую, чем на языке оригинала. Только теперь будущая судьба сказания развернется в совершенно других масштабах — на всю культурную географию страны, а может быть и еще шире.

И это тем более отрадно, что величественное творение народа — героический эпос «Гэсэр» — ярко воплотивший в себе идеал народного богатыря, поборника правды и справедливости, давно уже перестало быть только фактом устного народного творчества и вошло неотъемлемой частью в культуру Советской Бурятии. Идея и образы «Гэсэра» активно участвуют в духовной жизни наших современников, на новом, профессиональном уровне питают литературу и искусство социалистического реализма. Балет «Сын земли» (либретто Н. Балдано, муз. Ж. Батуева), драма «Сердце Гэсэра» Н. Балдано, лирический цикл стихотворений Н. Дамдинова «Тропа Гэсэра», прозаические пересказы отдельных эпизодов для детей М. Степанова, графические серии А. Сахаровской, оформившей и настоящее издание, «Эпическая поэма» композитора Б. Ямпилова — таков неполный список произведений, созданных деятелями искусства и литературы Бурятии на основе «Гэсэра».

Художественный перевод «Гэсэра», осуществленный Владимиром Солоухиным, заметно увеличит вклад бурятского народа в интернациональную сокровищницу советской многонациональной культуры.

Василий Найдаков,
доктор филологических наук,
Сергей Чагдуров,
кандидат филологических наук.

ЗАПЕВ

Сундуки заветные откроем,
Тридцать стрел каленых достанем,
Тридцать баторов и все достойны,
О достойнейшем петь мы станем.

Сундуки потайные откроем,
Двадцать стрел оперенных достанем,
Двадцать стрел мы людям покажем.
Двадцать баторов и все достойны,
Будем петь о самом отважном.

Древнее,
 дажнее,
 тьмой сокрытое
Приглашаем сегодня в гости.
Прошрое,
 дальнее,
 позабытое
Напоказ рассыпаем горстью.

Пока не погаснут звезды на юге,
Почему бы нам сказания не послушать?
Пока друзья все сидят по кругу,
Почему бы песнопения нам не слушать?

ВЕТВЬ ПЕРВАЯ

ИСТОКИ ЛЮДСКИХ СУДЕБ

*Д*евять ветвей у зеленого дерева,
Каждая ветвь листвою повита,
Девять знаем сказаний древних,
В каждом сказанье — битва.

*В соболя, что ценнее всех зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?*

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

Когда время из вечной вечности,
Как река, лишь брало начало,
Когда части из цельной цельности
Возникали мало-помалу,
Вот когда это было.

Наше небо, яркое, светлое,
Мутным маревом лишь стояло,
А земля наша, твердая, крепкая,
Мелкой пылью вокруг витала,
Вот когда это было.

Сун далай — море великое
Грязной лужицей лишь плескалось,
Вот когда это было.

Сумбэр у́ла — гора боголикая,
Жалким холмиком поднималась,
Вот когда это было.

А змея желтобрюхая Абарга могóй
Червячком в грязи извивалась,
Вот когда это было.

А огромная рыба в мелководье
Мальком беспомощным трепыхалась,
Вот когда это было.

А все лебеди, все птицы большие
Как воробьи летали, не выше,
Вот когда это было.

А все кони, все аргамаки,
Бегали маленькие, как мыши,
Вот когда это было.

Зеленоколенные травы
Корней в землю еще не пустили
(И далеко до этого было),

Широкие, длинные реки
Свои воды еще не струили
(И далеко до этого было),

Первоначальное пышное дерево
Еще ветвями не распространилось
(И далеко до этого было),

Пятнисто-серая матка-изюбриха
Еще телят не отелилась
(И далеко до этого было),

Земли устойчивая поверхность
Среди моря еще не утвердилась
(И далеко до этого было),

Дорог земных великое множество
По земле еще не змеилось
(И далеко до этого было),

Белое и черное, светлое и темное
Еще друг от друга не分离лись
(И далеко до этого было),

Белое и серое на многие цвета
Еще как радуга не дробились
(И далеко до этого было),

Многие восточные племена
Между собой еще не сразились
(И далеко до этого было),

Хан Хурмас и другие ханы
Своей силой еще не хвалились
(И далеко до этого было),

Небо светлое, небо синее
Облаками еще не белело
(И далеко до этого было).

Небо черное, небо серое,
Грозно тучами не кипело
(И далеко до этого было),

Голова Эсэгэ Малаана великого
Еще не облысела
(И далеко до этого было),

(Эхэ Юурэн, наша матушка,
Еще не поседела, не постарела
(И далеко до этого было),

Тогда, при начале времени,
При истоке его из вечности,
Предсказанья сбывались вещие.
Задуманное становилось сказанным,
Сказанное становилось сделанным,
Цельное дробилось на части,
Слова превращались в вещи.

На западе Эсэгэ Малаан, властелин
Пятидесяти пяти небесных долин,
Сидящий на верхушке девяти высоких неб,
Творящий историю семи глубоких земель,
Сына своего новорожденного
Хана Хурмаса божественного
На коленях постоянно держал,
Около своего подбородка убаюкивал и кач
Сына достойного вырастивший,
Богатыря великого выпестовавший.
Кормилица — матушка Эхэ Юурэн
Тоже мальчика не отпускала с колен,
Его нянчила, пеленала
И поила и согревала.
Она уж до этого
Вырастила тысячу белых богов,
Она уж до этого
Вынянчила тысячу славных богатырей,
Седою ставшая, белее снегов,
Опорой ставшая для вселенной всей.

Пятидесяти пяти небесных долин
Народившийся властелин
Также бабушку имел, говорят,
Мудрую бабушку Манзан Гурмэ,
А сила ее — в ее уме.
Тысяча телохранителей окружает ее,

Чаша тонкой работы в руке у нее,
Чаша эта — чистое серебро,
В чаше напиток, под названьем — Добро.

Вырос Хан Хурмас,
Как в сказаньи говорится,
И появилась тотчас
Гэрэ Сэсэн, белолицая, молодая царица,
Войлок мягкий для отдыха разостлавшая,
Головой к голове Хана Хурмаса приникшая,
Сыновей ему нарожавшая,
Дочерей ему надарившая,
Все желания его исполнявшая,
Все желания вновь возбуждавшая.

Если в зеркало поглядится:
Белоснежное облако, а не царица.

Жил Хан Хурмас, властелин,
Среди небесных долин не один:
Три сына статных росли у него,
Три дочери ладных росли у него,
Братьев младших у него было — три,
Богатырей бесстрашных — тридцать три,
Военачальников смелых три сотни,
Оруженосцев верных тридцать сотен.

Старший сын его с телом гибким
Обитал на белой скале среди гор
Его звали Засэ Мэргэн батор.
Конь его был, как ястреб, сер,
А сам он был и горяч, и смел.
Конь помчится — не видно ног,
Черный ветер его обогнать не мог.
Еще был этот сын и молод, и мал,
Но уж зло видал и добро познал.
Всему хорошему он был — покровитель,
Всего недоброго — истребитель.

Средний сын его с телом мощным
Обитал на красной скале среди гор
Его звали Бухэ Бэлигтэ батор.
Грудь его была, как гора,
Плечи его, как два бугра,
Шея его, как у быка,
На руках два каменных кулака,
Жилы у него были крепкие,
Пальцы у него были цепкие,
Как два дерева — две опоры ног,
Никто его одолеть не мог.

Младший сын его с телом стройным
Обитал на острой скале среди гор,

Его звали Хабата Гэрэл батор.
Был живым умом этот сын наделен,
С высоты устремлялся как беркут он,
Самые суровые дела выбирал,
Самые трудные подвиги совершал.
Был он мыслью скор, был он сердцем чист,
А конь его был — серебрист.

Старшая дочь — сама белизна,
Эржэн Гоохон царевной называлась она.
Из мальчиков делающая бойцов,
Из смиренных делающая храбрецов,
Умерших людей воскресающая,
Обедневших людей обогащающая.
В одной руке у нее — лекарство,
В другой руке у нее — богатство.
Среди женщин она — назиданье,
Для мужчины она — желанье.

Среди женщин она — цветок,
Для мужчины она — восторг.

Средняя дочь — сама красота.
Дуран Гоохон царевной называлась та.
Из всех чувствующих — самая чувствующая,
Из всех думающих — самая думающая,
Из всех чистых — наичистейшая,
Из всех честных — наичестнейшая.
На всех небесах, во вселенной всей,
Не было красоты, подобной ей.

Младшая дочь — сама доброта,
Царевной Сэбэл Гоохон называлась та.
Гибко-плавно шагающая,
Все новорожденное опекающая,
Всякую зелень оберегающая,
Из резвых ягнят овец растящая,
Все белое в чистоте содержащая,
Прибирающая небо, чтобы голубело,
Протирающая солнце, чтобы блестело.

Три брата у Хана Хурмаса.
Из этих братьев старший
Самый белый, самый бесстрашный.
Проживает в белой стране.
Разъезжает на белом коне
По белым дорогам,
В белых, как снег, облаках,
Книгу белых законов
Держит в руках.
Сединою чистою убелен,
А называется брат Саргал Ноён.

Хана Хурмаса средний брат
Живет среди темноты и заклятий.
Конь его черен, душа черна,
Черны дороги, черна луна,
Книга черных законов грязи полна,

Ложь, клевета — все собрано там...
А зовется брат Харá Зутáн.

Младший брат Хурмаса хана
Живет в стране голубого тумана.
Все там голубое — дороги, верблюды,
Голубые долины лежат повсюду,
Голубые скачут повсюду кони,
Голубая книга хранит законы,
В голубых руках ее держит он,
А называется брат Сэнгэлэн ноён.

Старший из тридцати трех богатырей
Назывался Великим белым богатырем.
Расскажем о нем.

Лук у него от Земли до тучи стреляющий,
Со стрелой, мгновенно из глаз исчезающей,
Со стрелой как бы в воздухе тающей.
Спина у него, как два бугра,
Грудь у него, как две горы,
Ноги, как два древесных ствола,
Руки, как две каменистых скалы.
На жеребце-иноходце белом
Скачет он по кромке между Землею и Небом,
Землю сотрясает, порождает буран
Сын седого шамана-небожителя
Буйдан Улаан батор.

Второй из тридцати трех бесстрашных богатырей
Назывался Могучим богатырем.
Расскажем о нем.

Он любую хитрость умел опередить,
Он любое коварство успевал прострелить,
Местонахождение зла мгновенно определял,
Не слезая с седла двумя стрелами пронзал.
Конь его выступал игриво и тонконогий,
Скакал всегда высоко-высоко,
Попирая копытами солнца красный шар...
Таков сын прорицателя-небожителя
Бургы Шуумар батор.

Третий из тридцати трех бесстрашных богатырей
Назывался Суровым богатырем.
Расскажем о нем.
Костями могуч, ростом высок,

Камни он разминал в песок,
Скалы он раздвигал руками,
Горы он раздроблял ногами,
С полуоборота мгновенно стрелял всегда,
Без промаха в цель стрелой попадал.
Скакал он всегда по гребням гор,
Сын властелина Небесного шва
Эржэн Шуумар батор.

Четвертый из тридцати трех бесстрашных богатырей
Назывался Широим богатырем.
Расскажем о нем.

Все, что по правую сторону,
Он в уме держал,
Все, что по левую сторону,
Он подробно знал.
Все, что вес имеет, он вывесил,
Все, что число имеет, он вычислил.
Он свой ум над всем, как крыло, простер
Сын властелина небесной изморози
Бага Буйлэн батор.

Пятый из тридцати трех бесстрашных богатырей
Назывался Смелым богатырем.
Расскажем о нем.

От всего, что нависло, он заслонял,
От всего, что давило, освобождал,
Обо всем, что грозило, предупреждал,
Говорить он мог до замерзания воды,
Петь он мог до вырастанья травы,
На всех состязаниях он всем был по нраву.
Ласковым словом и добрым участием,
Вселяя надежды, лечил наши души
Нээхэр Эмшэн¹ батор.

Шестой из тридцати трех бесстрашных богатырей
Назывался Молодым богатырем.
Расскажем о нем.

Грудь у него была шириной, как море,
Железный кованый панцирь — в чеканном узоре.
Конь под ним красный с голубым тавром,
Снаряжение все отделано серебром,
Лук у него из бухарского золота,
На стрелу от драгоценного камня откололо.

Крепким поясом перетянут стан...
Пятнадцатилетний батор Эрхэ Манзан.

¹ Буквально: лекарь.

Из тридцати трех отнять шесть,
Остается двадцать семь богатырей.
Как мы слышали от людей,

Девять богатырей были — железо ковать,
Девять богатырей были — меха раздувать,
Девять богатырей были — кувалдами бить.
Так мы слышали, так тому и быть.

Жил на востоке Абарга Сагаан баабай,
Властелин
Сорока четырех небесных долин.
Сидел он выше тринадцати мирозданий,
Видел он ниже тринадцати пропастей,

Народился у него прекраснейший из детей.
Сына своего новорожденного
Атай Улаана божественного
Отец на коленях постоянно держал,
Около своего подбородка убаюкивал и качал.

Мать ребенка Харá Манзán
Госпожа,
Была пригожа и хороша.
Она мальчика нянчила, пеленала,
И поила, и согревала.
Вся она была от макушки до пят без изъяна,
Глаза искристы, волосы шелковисты, щеки румяны.
На подоле с боков восемь вставок разных,
На шее у нее восемь бусинок красных.
Голосом она была звонкая,
А на шапке у нее — кисточка тонкая.

Вырос Атай Улаан,
Как в сказанье говорится,
И появилась возле него
Гунгэр Сэсэн — молодая царица,
Губы с ним соединившая,
С ним на войлоке возлежавшая,
Сыновей ему надарившая,
Дочерей ему нарожавшая.
Была, говорят, прекрасна она,
Но того не менее и умна.

Жил Атай Улаан
Властелин
Среди небесных долин не один:
Три сына сильных и властных у него было,
Три дочери прекрасных у него было;
Богатырей бесстрашных — шестьдесят шесть,
Военачальников смелых шесть сотен,
Оруженосцев верных шестьдесят сотен.

Старший сын, прозывавшийся Белым,
Быстрее козы и лани бегал.
Ни один, кто с ногами, не догнал бы его,
Ни один, кто с руками, не одолел бы его.
С грудью широкой — не обхватить,
Со спиной могучею — не согнуть.
В туманно-белый далекий путь
На белом коне он пускался вскачь,
Сагаан Хасáр, витязь, силач.

Средний сын, прозывавшийся Красным,
Смотрел вокруг соколом ясным.
Все, что вдали, как вблизи он видел,
Все, что вблизи, он подробно видел.
Всем волшебным он обладал,
Все мудрое мимо не пропускал.
На пятнисто-красном коне,
По туманно-красной дороге,
Поднимая красную пыль, он скакал —
Силач и витязь Шарá Хасáр.

Младший сын, прозывавшийся Черным,
Был самым настойчивым и упорным.
Все черное он видел насквозь,
Все серое загребал, сжимая, в горсть.

Кости толстые, плечи широкие,
Шея жилистая, налитая.
На черном коне по черной дороге
Словно ветер ночной летает.
Всей вселенной известен стал,
Младший царевич Харá Хасáр.

Старшая царевна — царевна белая,
Все, что самое тонкое, она делала.

Одежды кроила,
Вышивала по шелку,
Все, что делала, было
Сделано с толком.
Первая мастерица и лицом хороша,
Старшая сестрица Алтан Хурабшá.

Средняя царевна — царевна красная,
Недостатки у нее искали бы напрасно.
Была она, говорят, волшебница,
Мудрецов древнейших наследница.
В золотых просторных небесах
Среди мужчин споры-распри она возбуждала,
В просторных серебряных небесах
Среди мужчин раздоры жаркие порождала.
Но сама-то не злая была душа —
Красная царевна Мунгэн Хурабшá.

Младшая царевна была голубая,
Уступила бы ей красота любая.

Была она скромница и разумница,
То веселая, а то задумается.
Походкой своей она дом украшала,
Улыбкой своей она мечты воскрешала,
Было озеро ей — как зеркало,
При ней солнышко и то меркло.
Умом величава, сердцем чиста
Уэн Сэсэн — сама красота.

Посередине от западных
Пятидесяти пяти небесных долин,
Посередине от восточных
Сорока четырех небесных долин,
Ни тем ни другим не подчиняющийся,
Но сам себе — господин,
Этим местом срединным владевший,
Скота без счета имевший,
Это место оберегавший,
Подданных своих защищавший,
Три раза в день себя насыщающий,
Три раза в год счастливым бывающий,
Жил, говорят, Сэгэн Сэбдэг,
Властелин.
Он жил, как водится, не один.
Жил он, великий, божественный хан,
Со своей царицей Сэсэн Ууган.

В это время, когда
Восточные властелины силу уже накопили,
В это время, когда
Западные властелины уже могучими были,
В это время, когда
Они между собой силой меряться стали,
В это время, когда
Они о владеньях своих заспорили,
В это время, когда
Они друг другу во всем перечить начали,
В это время
У Сэгээн Сэбдэг-царя
И у Сэсэн Ууган-царицы
Царевна изволила родиться:
Сэсэн Ногоон абхай —
Прекрасная, как заря.

А властелины десять лет уже спорят,
Слухи друг о друге выслушивают,
Сплетни друг о друге собирают,
А потом и двадцать лет они спорят,

За молвой гоняются,
Великое юное мирозданье
Трижды вокруг обегают,
Молодое великое поднебесье
Четырежды вокруг огибают.

Атай Улаан, властелин,
Взял двенадцать сильных волшебств
Из двенадцати волшебных веществ
И с ладони выпустил их
Во владенья врагов своих.

После этого он дополнительно взял
Двадцать три сильнейшие чары
И с ладони выпустил их
Во владенья врагов своих.

Тем самым принцессу Наран Гоохон
Три года кашлять заставил он,
Тем самым принцессу Наран Гоохон
За три года измучил и высушил он.

А между тем в старинной книге,
В равном удалении от неба и от земли,
Предсказанье, оказывается, нашли.

Если царевна не излечится и умрет,
Если, перепробовав три тысячи лучших лекарств,
Со смертного ложа не сумеет подняться,
То пятьдесят пять западных небесных царств
Сорока четырьмя восточным небесным царствам
Покорятся и подчинятся.

Пятьдесят пять западных властелинов,
Пятьдесят пять могущественных тэнгэринов,

Обойдя пятьдесят пять небесных царств,
Не нашли для царицы лекарств.

Волшебства не могут преодолеть,
Продолжает она хиреть-болеть.

Тогда разуверившись в своем уме,
Пошли они к бабушке Манзан Гурмэ.

Пришли к ней в горести и печали
И все подробно ей рассказали.
Бабушка эта сидела
С серебряной чашей в руках,
Бабушка эта владела
Всеми звездами на небесах,
В книгу звездную поглядела
И сказала пришельцам так:

— Так, где небо поднимается высоко,
Где земля расстилается широко,
В северо-западном краю, в той дали,
Где рассветная заря выходит из-за земли,
В лучах рассветной зари, что золотисто-ярка,
Вьется белый жаворонок Азарга¹.

На груди у него серебряные письма,
На спине у него золотые письма,
Песенка его далеко слышна.
Эту птицу надо живой поймать,
Эту птицу надо домой принести,
Только так злые чары удастся прогнать
И царевну Наран Гоохон спасти.
Спиной эту птицу
Надо приложить принцессе к голой спине,
Грудью эту птицу
Надо приложить принцессе к голой груди,
Тогда, как книга поведала мне,
Ждет принцессу долгая жизнь впереди.
Про болезнь забудет она
И смеяться будет она,—
Так сказывала-наказывала бабушка стоя,
Так читала-причитала бабушка сидя,
В книгу глядя, всю правду видя.

Сидела она, опирающаяся на вершины,
Держа в руках серебряную светлую чашу,
И велела позвать к себе среднего сына
Хана Хурмаса,
Приказала позвать без всякого разговора
Бухэ Бэлигтэ, витязя и батора.
Бабушка Манзан Гурмэ,
Державшая серебряную чашу в руке,
А вселенную всю — в уме,
Витязя рядышком усадила
И так ему говорила:

— В старинной божественной книге
В равном удалении от неба и от земли
Предсказание, оказывается, нашли.
Если царевна Наран Гоохон,
На которую напущен страшный недуг,
Скончается вдруг,
Если, перепробовав три тысячи лучших лекарств,
Она со смертного ложа не сумеет подняться,
То пятьдесят пять западных небесных царств
Сорока четырем восточным небесным царствам
Покорятся и подчинятся.

¹ Буквально: жеребец; в переносном смысле: большой, могучий.

Если же царица, что смертельно больна,
Очнется от заколдованного сна,
Все волшебные чары преодолев
И выздороветь сумеет,
Выйдет и встанет перед солнечным ликом,
Своего прекрасного не отворачивая лица,
То пятьдесят пять
Западных властелинов великих
Сорока четырем
Восточным великим владыкам
Своих владений не отдадут
И будут счастливы без конца.
В предвиденье этих тяжелых бедствий
Время испытаний для нас пришло,
Надо искать белое средство,
Которое победило бы черное зло.

Там, где небо высоко поднимается,
Там, где земля широко расстилается
В лучах рассветной зари, что золотисто-ярка,
Вьется белый жаворонок Азарга.
На груди у него серебряные письмена,
На спине у него золотые письмена,
Песенка его далеко слышна.

Спиной эту птицу
Надо приложить принцессе к голой спине,
Грудью эту птицу
Надо приложить принцессе к голой груди.
Про болезнь принцесса забудет,
Веселиться, смеяться будет.

Этого жаворонка белого
Ты найдешь,
В золотую вселенную
Ты стрелу пошлешь,
Но так должна пролететь стрела,
Чтобы жизнь из жаворонка не ушла.
Его душу живую нельзя задеть,
Должен он по-прежнему трепетать и петь.
Когда будешь его ловить-искать,
Вот как должен стрелу пускать.

Хана Хурмаса средний сын,
Бухэ Бэлигтэ батор,
Поднял на бабушку удивленный взор,
Хана Хурмаса красный сын,
Батор, блистательный и бесстрашный,
Озадаченно на бабушку глядит,
Озабоченно спрашивает:

— Ты, сидящая
С серебряной чашей в руках,
Ты, следящая
За всеми звездами в небесах,
Ты, опирающаяся
На множество горных вершин,
Ты, держащая
Вселенную всю в уме,
Бабушка наша Манзán Гурмэ,
Много я охотился — на коне скакал,
Много я охотился — из лука стрелял,
Но где бы ни ступала моя нога,
Не видел я белого жаворонка Азаргá.

Где мне его искать — скажи,
В какую сторону мне скакать — покажи.

Бабушка нахмурилась, потемнела с лица:
«Расспроси своего отца».
Хана Хурмáса доблестный сын,
Бухэ Бэлигтэ батор,
Начинает с отцом своим разговор.

— Чтобы белого жаворонка отыскать,
В какую сторону мне скакать?

Хан Хурмáс, божественный властелин,
Доживший до благородных седин,
Стал вспоминать свои юные годы,
Стал вспоминать свои зрелые годы,
Призадумался, помолчал
И сыну доблестному так отвечал:
— Белы и чисты на горе снега,
В глубокой пропасти черным-черно,
Видел я белого жаворонка Азаргá,
Но было это давным-давно.
Был я тогда в расцвете сил,
Конь меня, как ветер, носил.
А в последнее время я его не видал,
А в недавнее время — не вспоминал.

Там, где небо поднимается высоко,
Там, где земля расстилается широко,
В северо-западном краю, вдали,
Пониже неба, повыше земли,
Где расходятся ночь и день,
Где встречаются свет и тень,
В лучах зари, что горит ярка,
Вьется белый жаворонок Азаргá.
На груди у него серебряные письмена,
На спине у него золотые письмена,
Песенка его далеко слышна.

Вспоминаю, как он вился и трепетал,
Вспоминаю, как он в небесах витал.

Был он весь
В ослепительных белых перьях,
Поднимался ввысь
В небесных, сияющих сферах.

Хана Хурмаса средний сын
Бухэ Бэлигтэ батор,
Слушал отца, молчал.
Стрелами он стал набивать колчан,
Ни слова отцу в ответ не сказал,
Гнедого коня Бэлыгэна¹ оседлал.
Вот уж лук за спиной,
Вот уж в стремени и нога,
Где ты, жаворонок расписной,
Белый жаворонок Азарга?
Мчится конь, копыта стучат в пыли,
Пониже неба, повыше земли.
Меж горами скользит, как белка,
Над горами парит, как беркут.
До высокого неба белого,
До широкого неба черного,
Где от ночи день отделяется,
Где заря над землей разгорается,
Богатырский конь доскакал
И, как вкопанный, сразу встал.

Бухэ Бэлигтэ, нетерпением горя,
Всматривается, где сияет заря,
Где ясный свет разгоняет мглу.
На боевой лук положил он стрелу.
Положил он стрелу на желтый лук,
Не выпускает его из рук.

И вот в переливах света
Что-то затрепетало,
В белых лучах рассвета
Искоркой заблестало.
Что-то там вроде мошки
Крутится и мелькает,
Что-то меньше пылинки
Вертится и сверкает.

Хана Хурмаса средний сын,
Властелина небесного Красный сын,
Бухэ Бэлигтэ батор,
Совершает на стрелу наговор,

¹ Буквально: вещий конь.

Чтобы мимо стрела не пролетела,
Но чтобы и душу живую она не задела.

Хангайская черная стрела
Была у него остра.
Поднатужась, боевой свой лук
Он так натянул, что дым пошел,
Богатырский желтый свой лук
Он так натянул, что огонь пошел,
И в заветного жаворонка белого
Так, чтобы мимо не пролетела,
Но, чтобы и души живой не задела,
Выпустил он стрелу из рук.

Хангайская черная стрела
Летела сначала там, где мгла,
Но потом ее путь из глаз исчез,
Но потом ее свист из ушей исчез,
Поднялась стрела в белизну небес,
В переливчатый свет стрела взвилась,
Туда, где струилась рассвета ясь,
Остра, послушна, точна, легка,
Взвилась туда, где пел Азарга.

Говорят мудрецы: конь по седоку,
Говорят мудрецы: стрела по стрелку.
С высоких небес возвратилась стрела,
Жаворонка на кончике принесла.

Хана Хурмаса средний сын,
Властелина небесного Красный сын,
Бухэ Бэлигтэ батор,
Богатырь несравненный тот
В руки жаворонка берет.
«Дело сделано», — говорит,
«Цель достигнута», — говорит,
Драгоценной добыче рад,
Отправляется он назад.

Где сидящая
С серебряной чашей в руках,
Где следящая
За всеми звездами в небесах,
Где опирающаяся
На множество горных вершин,
Где держащая
Вселенную всю в уме,
Дождается бабушка Манзан Гурмэ.

Длинный путь без боязни
Проскакав до конца,

К золотой коновязи
Привязал жеребца.

Бабушка Манзán Гурмэ
Хваля, расхваливая его встречает,
Бабушка Манзán Гурмэ
Улыбаясь, радуясь его привечает.

Она,
Серебряную чашу имеющая,
Она,
Звездные книги читающая,
Она,
Все тайны вселенские знающая,
Она,
Все швы во вселенной сшивающая,
Белого жаворонка в руки взяла,
Золотого зерна ему дала,
Чтобы был он живым, был горячим он,
Чтобы вылечил принцессу Нарán Гоóхон.
К белой спине принцессы
Она его спиной прикладывает,
К белой груди принцессы
Она его грудью прикладывает.

Все, что велено ему, делая,
Азарга — жаворонок белый,
На белой груди принцессы долго лежит,
Болезнь из нее вытягивая — долго лежит,
От кашля ее излечивая — долго лежит,
Яд из нее высасывая — долго лежит,
Колдовство из нее выманивая — долго лежит,
Принцесса из-под жаворонка встала,
Здоровехонька, как ни в чем не бывало.

Имеющая большую серебряную чашу-сар
Бабушка велела, чтобы и мал и стар
Весельем большим возвеселились,
Радостью великой осветились.
Жаворонка белого
Долголетним молоком угощает,
Сделавшего дело
С благодарностью провожает,
Принцессу вылечившего умело
В небеса назад отпускает.

Властелина Нарán Дулаана дочь,
Несравненная принцесса Нарán Гоóхон,
С каждым часом становится все живее,
Изо дня в день, из ночи в ночь
Она становится веселее,
Больше не кашляя, не худея,
Она становится все резвее,

Подвижна, румяна и весела,
Становится, какой и раньше была.

Западные властелины радуются и веселятся,
Восточные властелины хмурятся и грозятся.

В это время,
О котором идет у нас речь,
Хану Хурмасу, властелину небес,
Говядина и баранина совсем приелись.
В это время,
О котором рассказу нашему течь,
Хану Хурмасу, властелину небес,
Дичатины захотелось.
Отложил он все дела и заботы
И стал готовиться на охоту.

Первым делом уздечкой из серебра
Поймал он огромного, как гора,
Ушастого и гривастого,
Ноздрястого и грудастого
Рыже-красного под цвет огня
Своего любимейшего коня.

По камням он его водит-водит,
Чтобы копыта крепче и тверже стали,
По льду он его водит-водит,
Чтобы копыта круглее стали.
На равнине коня он содержит,
Чтобы придать ему соколиную стать,
На горе он коня содержит,
Чтобы придать ему орлиную стать,
Черной водой коня из чаши поит,
Чтобы придать ему ястребиный вид,
Горстью черной травы коня накормил,
Чтобы зверя любого злее он был.

Все это проделав спокойно, с толком,
Берет он потник из лучшего шелка,
Этот потник на спине коня расстиляет,
Изогнуто-серебряным седлом коня седлает.
Двенадцатью подпругами коня перетягивает,
Надхвостник из выемчатого серебра на коня накидывает,
Нагрудник из плоского серебра прилаживает,
По крупу и по шее коня поглаживает.
Красивым поводом коня понукает,
Кнут из красного дерева
За подушки седла затыкает.

«Хорошо я к охоте коня припас»,—
Подумал божественный Хан Хурмас.
Мнется красный конь, серебром рябя...
Теперь осталось одеть себя.

На руках подносят ему белье,
И он его на тело свое надевает,
Берет рубашку парчовую и ее
Поверх белья на себя надевает.
Сшитые из восьмидесяти лосиных кож
Замшевые черные штаны
Он натягивает,
Сшитые из восьмидесяти тюленьих кож
Облегающие унты
Ступнями растягивает,
Словно шелковую накидку, летний дэгэл
На плечи накидывает,
Семьдесят медных пуговиц и крючков
Проворными пальцами застегивает,
Серебром и золотом вышитый кушак
В десять сажен длины
Туго-натуго вокруг себя опоясывает,
А его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает.

Под семидесятидневным непрерывным дождем
Ни разу еще не промокшие,
В семидесяти равных битвах-боях
Ни разу еще не пробитые
Железно-черные доспехи
На спине у себя закрепляет,
Похожую на копну травы,
С кисточкой, как пучок травы,
Соболиную шапку на себя надевает.

Если надо,
На восемьдесят шагов удлиняющийся,
Если надо,
На восемь шагов сжимающийся,
У которого заговоренное острие,
У которого таинственные письмена,
О твердые кости не тупящийся,
В бою не ломающийся,
Поражений не знавший,
Одно целое надвое разрубавший
Царственно-булатный меч
На левый бок он повесил,
Узорчато-серебряный продолговатый колчан
На правый бок он повесил,
Сделанный из ста козлиных рогов,
С крепкой шелковой тетивой
Свой охотничий, свой боевой
Верный свой лук на себя повесил.
«Я готов, наступает отъезда час»,—
Подумал божественный хан Хурмас.
Величественным движением
Открывая перламутровую дверь,
Наружу он выходит теперь.

Неторопливым движением
Не уронив ни соринки с ног,
Переступает мраморный порог.

Медленным движением, без суеты,
По ступенькам серебряным, с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где с восемьюдесятью восьмью украшениями,
С восемьюдесятью восьмью драгоценными вкраплениями
Стоит серебряная коновязь.

Своего огненного коня
Он по крупу гладит,
Своего Бэлыгэна-коня
Он по шее ладонью треплет,
Как маленького жеребенка, его ласкает,
Как с резвым жеребеночком, с ним играет,
Сверху вниз ладонью по шее проводит.
После этого
Отвязывает от коновязи поводья,
После этого
Из красного дерева кнут в правую руку берет,
Петлю его на запястье надевая,
После этого
Левой ногой на стремя встает,
Носок в него продевая,
После этого
В седло из якутского серебра
Прямо и крепко садится,
После этого
Конь его, большой, как гора,
Диким глазом косится,
После этого
Повод слегка натянул,
По ходу солнца коня повернул.

После этого
Там, где стоит
С восемьюдесятью восьмью украшениями,
С восемьюдесятью восьмью драгоценными вкраплениями
Серебряная коновязь,
Только облаком пыль взвилась,
Да за дальней горой
Что-то молнией просверкнуло,
Да над дальним хребтом
Шапка с кисточкой промелькнула.
Высоко ли, низко ли
Хан Хурмас скачет,
Далеко ли, близко ли
Хан Хурмас едет,
Но добирается он наконец
До северных необъятных пастбищ,

До несметных, неисчислимых
Табунов — коней и отар — овец.

Белобородый Агсагалдай батор
Эти стада там пас,
Около него, прискакав из-за гор,
Остановился Хан Хурмас.

Остановился, разговорился.

Оказалось,
Из ягнят ни одного ягненок не пропало,
Оказалось,
Из овец ни на одну овцу не убавилось,
Но больше их стало.

Против прежнего
Кони и овцы сделались лучшими,
Против прежнего
Табуны и отары сделались более тучными.

Обрадовался Хан Хурмас
Тому, что кони его бесчисленны,
И тому, что овцы его тучны,
Решил он напоить отары свои и табуны.

Приседая-нагибаясь,
Тонким голосом он кричит,
Пригибаясь-наклоняясь,
Грубым голосом он кричит,
Широким подолом трясет, пугает,
К черному морю скот пригоняет.

Но слишком много скота там было,
Моря черного не хватило.

Овцы блеют, лошади копытами бьют,
Торопятся к воде подойти поближе,
Впереди идущие чистую воду пьют,
Сзади идущие мокрую гальку лижут.

Высоко ли, близко ли
Хан Хурмас скачет,
Далеко ли, близко ли
Хан Хурмас едет,
Но добирается он жив и здоров
До южных необъятных пастбищ,
До несметных, бесчисленных
Быков, телят и коров.
Чернобородый пастух батор
Там стада эти пас,
Около него, преодолев широкий простор,
Остановился Хан Хурмас.

Остановился, разговорился.

Оказалось,
Из телят ни одного теленочка не пропало,
Оказалось,
Из быков-коров
Ни одной коровы не ubyло,
Но больше их стало.

Против прежнего
Быки и коровы стали лучшими,
Против прежнего
Стада стали более тучными.

Обрадовался Хан Хурмас
Тому, что коровы его бесчисленны,
Что миновали их болезни, голод, беда.
Решил он напоить свои стада.

Приседая-нагибаясь
Тонким голосом он кричит,
Пригибаясь-наклоняясь
Грубым голосом он кричит,
Широким подолом трясет, пугает,
К желтому морю стада пригоняет.
Но слишком много скота там было,
Моря желтого не хватило.

Коровы мычат, быки копытами бьют,
Торопятся к воде подойти поближе.
Впереди идущие чистую воду пьют,
Сзади идущие мокрую гальку лизут.

Высоко ли, низко ли
Хан Хурмас скачет,
Далеко ли, близко ли
Хан Хурмас едет,
Но добирается он до великой черной тайги,
Достигает края великой синей тайги,
В непролазные дебри углубляется,
В непроходимые дебри забирается.
Играя ловкостью и силой своей,
Охотится на таежных зверей.

Жирного зверя — стрелой поражает,
Тощего зверя — пропускает,
Черную выдру — убивает,
Серебристого соболя — добывает,
Но зверя в тайге — не убывает.

Звериное мясо и пушнину
Наваливает он коню на спину,
Зверя мелкого, зверя крупного

Нагружает вью на коня
От наостренных ушей до округлого крупа.

Навалив зверей этих стогом,
Поворачивает коня своего к дому.

Тихим шагом коня пускает,
Из-под копыт
Комья с чашку величиной вылетают.

Быстрым скоком коня пускает,
Из-под копыт
Комья с котел величиной вылетают.

Подъезжает он к своему дворцу,
К широкому серебряному крыльцу.

У золотой коновязи
С восьмьюдесятью восьмью украшениями,
С восьмьюдесятью восьмью драгоценными вкраплениями
Коня останавливает, привязывает,
Добычу с коня на землю сбрасывает.
Сбрасывает вперед-назад и на стороны
Зверей пушистых, зверей клыкастых,
Зверя мелкого, зверя крупного,
Лежавшего на коне горой от ушей до крупа,
Всю добычу на землю сбрасывает,
Сбежавшимся людям приказывает:
«Берите для пищи, что для пищи годится,
Берите для выделки, что для выделки годится».
Сам пошел во дворец
К Гэрэ Сэсэ — прекрасной царице.

Как только он во дворец вошел,
Царица его сажает за огромный стол,
За золотой сажает стол о восьми ногах,
Серебряную скатерть расстилает о восьми концах,
Кушанья расставляет на стол о восьми углах,
Приготовлены эти кушанья на восьми кострах.
Хан Хурмас, охотой утомленный,
Хан Хурмас, напитками добрыми напоенный,
Хан Хурмас, едой отборною утоленный,
Берет свою бронзово-серебряную трубку
С берцовую кость толщиной,
Открывает черно-бархатный кисет
С целый рукав величиной,
Копной красного резаного табака
Свою трубку он набивает,
Кресалом с чеканным узором
Искры о кремь высекает
На мягкий трут из пушистых трав
И, размахивая трутом зажженным,
Жаркий огонь раздувает.

Дым от трубки пошел,
Как речной туман,
Изо рта дым пошел,
Как дымит вулкан.

Хан Хурмас трубку сосет шумно,
Хан Хурмас дым выпускает клубно.
Затянувшись со вкусом несколько раз,
Начинает о поездках своих рассказ.
А потом говорит: «На время охоты
Отложил я о подданных все заботы.
Напоил я овец, коров и коней,
Надо теперь навестить людей».

Гриву конскую загребает в горсть,
Оседлав коня свежего, серого.
Приезжает он как почетный гость
К людям, живущим на севере.

Самый старей старик
К нему навстречу идет,
Старший младшему
Руку для приветствия подает.

Неторопливо они друг друга приветствуют,
Почтительно они друг с другом здороваются,
В рукопожатии крепком и честном
Руки свои соединяют,
С помощью добрых красных слов
Искусный разговор начинают.
Оказывается, из детей
Ни одного ребеночка не пропало,
Оказывается, из отцов-матерей
Преждевременно никого не убыло.
Оказывается, взрослых людей
Больше стало.
Против прежнего
Стали люди еще умнее,
Против прежнего
Стали люди еще сильнее.

Гриву конскую загребая в горсть,
Разогнавшись подобно вьюге,
Приезжает Хан Хурмас как почетный гость
К людям, живущим на юге.
Самый старей старик
К нему навстречу идет,
Как равный равному
Руку для приветствия подает.
В рукопожатии крепком и честном
Руки свои соединяют,
При помощи добрых красивых слов
Разговор начинают.

Оказывается,
Против прежнего
Стали люди на юге еще умнее,
Оказывается,
Против прежнего
Стали люди на юге еще сильнее.
Хан Хурмас от таких вестей
Обрадовался, возвеселился,
В обратный путь наострил.

Но в это время
Посередине от западных
Пятидесяти пяти небесных долин,
Посередине от восточных
Сорока четырех небесных долин,
Ни тем, ни другим не подчиняющегося,
Но самому себе — господина,
Этим местом срединным владеющего,
Скота без счета имеющего,
Это место оберегающего,
Подчиненных своих защищающего,
Три раза в день себя насыщающего,
Три раза в год счастливым бывающего
Властелина Сэгээнэ Сэбдэга
Дом-дворец, красивейший без прикрас,
Увидел в дымке-мареве Хан Хурмас.
Увидев в дымке-мареве сказочные чертоги,
Хан Хурмас решает свернуть с дороги.

В свое большое хангайское сердце
Он заглядывает,
В голове свои черно-пестрые мысли
По порядку раскладывает
И принимает решение:
Заехать в гости к Сэгээн Сэбдэгу
Ради беседы, угощения и ночлега,
А еще ради того решает заехать он,
Чтобы увидеть принцессу Сэсэг Ногоон.

Проскакав без боязни
Три ночи, три дня,
У золотой коновязи
Осадил он коня.

С коня он слезает горделиво,
Коня привязывает неторопливо.
Поднимается на серебряное крыльцо
Такой ширины,
Что держать бы на нем кобылиц и жеребцов
Резвые табуны.
Степенным движением
Открывая перламутровую дверь,
Во дворец он входит теперь.

Медленным движением,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает мраморный хангайский порог.

Сэгээн Сэбдэг властелин
К нему навстречу идет,
Руку для приветствия подает.
Поздоровались они неторопливо,
Поприветствовали друг друга красиво.
Сэгээн Сэбдэг властелин
И Сэсэн Ууган царица
Приглашают гостя в красный угол садиться.

Сэгээн Сэбдэг, порядок во всем любя,
Сажает гостя по правую руку от себя.
Садится гость на почетное место,
Сразу за столом стало тесно.
Блеск дворца от его величия поугас,
Широк и велик был Хан Хурмас.

Золотой стол накрывают,
Вкусную пищу на него ставят,
Серебряный стол накрывают,
Редчайшую пищу на него ставят.
Озеро вина наливают в чашу,
Пригорок мяса взгромождают на стол.
Никогда Хан Хурмас не пивал слаще,
Никогда Хан Хурмас не ел вкуснее.
Мог бы кончиться этот пир бедой,
Хан Хурмас, пока за столом сидел,
Чуть-чуть язык не проглотил вместе с едой,
Кончики пальцев себе едва не отъел,
Но помазали пальцы божественной мазью
И обкусанные пальцы зажили сразу.

Два властелина к концу обеда
Начинают медлительную беседу.
Каждый многое знает,
По очереди говорит каждый.
О старом вспоминают,
О новом расскажут.

То, что прежде древнего произошло, выясняют,
То, что позже нового простекло, объясняют.

Разбирают мало-помалу,
Когда земля землей,
Когда вода водой стала,

Когда время из вечной вечности,
Как река, лишь брало начало,
Когда части из цельной цельности
Возникали мало-помалу.

Так сидят они, вспоминают,
Так сидят они, рассуждают.
Но пока они так сидели,
Сладко пили и вкусно ели,
Властелин Атай Улаан,
Обладатель восточных стран,
Табуны свои объехав и обойдя,
Лучше прежнего их найдя,
Своих подданных всех проведая,
Где чаю попив, где пообедав,
Увидел в дымке-мареве сказочные чертоги
И решает свернуть с дороги.

В свое большое хангайское сердце
Он заглядывает,
В голове свои черно-пестрые мысли
По порядку раскладывает
И заезжает в гости к Сэгээн Сэбдэгу
Ради беседы, угощения и ночлега.

В ворота дворца он въезжает горделиво,
С коня-аргамака слезает неторопливо,

Длинный повод по-хозяйски и без боязни
Привязывает к золотой коновязи.

По ступенькам поднимается он достойно,
Перламутровую хангайскую дверь открывает,
Через порог переступает спокойно,
С хозяином здоровается и хозяйку уважает.

Сэгээн Сэбдэг властелин
И Сэсэн Ууган царица
Приглашают гостя повыше садиться.
И вот на почетное место его сажают,
Лучшими яствами угощают.
Обильный пир продолжается восемь дней,
Веселый пир продолжается девять дней.
На десятый день
Чуть живые от всего, что ели и пили,
Разъезжаться гости решили:
Хан Хурмас — к себе в западные владенья,
Атай Улаан — к себе в восточные владенья.
Покидают срединный небесный простор.

Но тут возник у них жаркий спор.
Может, выпитое их сильно разгорячило...
Словом, коса на камень тут наскочила.

Хан Хурмас говорит Сэгээн Сэбдэгу:
— По доброй воле ко мне перейди,
К властелину пятидесяти пяти
Западных небесных долин.

И будешь тогда... сам себе господин!
Услыхав такое, возвращается
Атай Улаан, небожитель и властелин
Сорока четырех восточных долин,
И говорит он Сэгэну Сэбдэгу:
— Лучше к нам
По любви и согласью перейди.
У нас ты найдешь свое счастье!
Выслушал их обоих Сэгээн Сэбдэг
И сказал: «Пусть рассудит вас книга судеб.
Вопрос для решения очень труден,
Как в книге написано, пусть так и будет».

Два верховных правителя книгу открыли,
Священную желтую книгу они долго читали,
Долго пальцем по страницам водили,
Страницы многочисленные листали.

После этого Хан Хурмас Атай Улаану сказал:
— У меня пятьдесят пять владений,
Значит, я старше,
У тебя сорок четыре владенья,
Значит, ты младше.
Младший старшему должен во всем уступать,
Младший старшему должен Сэгэна Сэбдэга отдать.

И волей-неволей Атай Улаан,
Властелин сорока четырех восточных стран,
Не скрывая унынья во взоре,
Вынужден был уступить в споре.

Неохотно Атай Улаан повздыхал
И хана Хурмаса в гости к себе позвал.
Обрадовался Хан Хурмас приглашению,
Едет к Атай Улаану на угощение.
Веселятся они девять дней,
Пьют и едят,
На десятый день проститься хотят.

Тогда хозяина гость дорогой
Приглашает ответно к себе домой.

— На десятый день после рожденья луны
Будем ждать, нетерпенья полны,—
Так Хан Хурмас Атай Улаану сказал,
А сам в свои края поскакал.
Но дорогой улетучились и хмель, и пыл,
И он о приглашении этом забыл.
Поехал гостить к своим сватам —
К почтенным восьми Хажаранги на дом.

Но не забыл о приглашении Атай Улаан,
Властелин сорока четырех восточных стран.

На десятый день после рожденья луны
Седлаются резвые скакуны.
Подъезжает он к стенам божественного дворца,
Оглядывает он серебряные ступени крыльца,
Но ворота дворца на крепком замке,
Но не встречен гость на дворе никем.

Двери все закрыты и заперты,
Трубы все затычками заткнуты.

Не пахнет не только мясом, но и дымом.
Рассердился Атай Улаан,
Разозлился Атай Улаан
Так, что белые волосы встали дыбом.

Челюсти он до треска сжал,
Зубами страшно заскрежетал.

Дворец он вокруг обходит тринадцать раз,
Двор он вокруг обходит двадцать третий раз,
Крик оглушающий издает,
Как тысяча лосей одновременно, ревет,
Крик сотрясающий издает,
Как десять тысяч лосей одновременно, ревет.

После этого
Злобу в сердце своем поселив,
После этого
Для мщенья все двери в сердце открыв,
На исходе того злополучного дня
Обратно к дому поворотил коня.
Хан Хурмас,
Который о приглашеньи своем забыл,
У почтенных сватов Хажарангй отгостил.
Возвращается он в тепло домашних стен,
А навстречу ему царица Ууган Сэсэнь.

Рассказывает, что кто-то ко дворцу подъезжал,
Рассказывает, что кто-то вокруг дворца кружил,
Рассказывает, что кто-то зубами страшно скрипел,
Рассказывает, что кто-то хозяина, зная, искал,
Рассказывает, что кто-то кричал, как десять тысяч лосей,
Рассказывает, что кто-то от злобы надуваясь сопел,
Рассказывает, что кто-то рассерженным ускакал.

Хан Хурмас догадался, кто это был,
Хан Хурмас понял, что о приглашеньи своем забыл.
Сердце его от этого омрачилось,
Но сделал он вид, будто ничего не случилось.

В это время,
О котором идет у нас речь,
Хана Хурмаса синевато-пестрый бык,

В это время,
О котором рассказу нашему течь.
Атая Улаана буровато-красный бык
Встретились на срединной земле,
Где белый, как снег,
Властвует Сэгээн Сэбдэг.
— Ты сильнее ли меня?—
Спрашивает синевато-пестрый бык.
— А ты сильнее ли меня? —
Спрашивает буровато-красный бык.
— Я сильнее!
— Нет, я сильнее!
— Ты слабее!
— Нет, ты слабее!

Разошлись они друг от друга
На три видимости,
Разбежались они друг от друга
На три дальности,
Друг на друга потом кидаются,
Лбами белыми они сшибаются.

Ногами стойко они уперлись,
Рогами крепкими прут и давят,
Напружинили шеи мощные,
Копытами черными переступают.
Лбы у них широкие, кучерявые,
Рога у них огромные, корявые.
Глаза у них полны крови-ярости,
Не знают быки усталости.

В течение семи дней они бодаются,
В течение девяти дней они бодаются,
Но никто не одерживает верха.
На десятый день
У синевато-пестрого Хана Хурмаса быка
Глаза начали меркнуть.
Горячая жидкая кровь
В жилах, как видно, густеть начала,
Изогнуто-напряженная шея
Слабеть начала.
Крепкие ребра по бокам изгибаться стали,
Пружиниться ноги его устали.

Начал он сдаваться и пятиться:
Куда бы убежать, где бы спрятаться.

Побежал — деревья лесные падают,
Листья осыпаются, сучья ломаются,
Стволы от сотрясения расщепляются.

Издавая громкий протяжный рык,
К своим владеньям мчится он со всех ног,

Буровато-красный восточный бык
Гнался за ним, но догнать не мог.

Хан Хурмас, увидя такой позор,
Рассердился, щеки надул и в тот же миг
Помчался, не разбирая ни долин, ни гор,
К быку-победителю напрямик.

Как ветер гонит желтый листок,
Погнал он красного быка на восток.

Но когда он после быстрого бега
Достиг пределов Сэгэна Сэбдэга,
На самом краю срединных стран
Повстречался ему Атай Улаан.
Так у них вышло,
Что в сторону уже не шагнуть,
Оленем не прыгнуть
И как мышь не шмыгнуть.

Встали они:
Лицом к лицу,
Глазами к глазам,
Стремя около стремени,
Позабыли они о времени.

Ругаются так, что деревья лесные падают,
Листья осыпаются, сучья ломаются,
Стволы от сотрясения расщепляются.
День и ночь перепутались,
История заблудилась,
Желтый туман поплыл,
Черная пыль за клубилась.

Долго деревья качались,
Долго сучья ломались,
Черная пыль клубилась,
Долго все это длилось.
Земля тряслась и гудела.
Но ругаться им надоело.

Среди поля просторного, белого,
Около березы высокой, белой,
Ноги сложив умело,
Друг против друга сели.

Надумали они срединные земли,
Сэгэна Сэбдэга собственные земли —
Чтоб ни этой стороне не завидовать и ни той —
Поровну разделить между собой.

Но так просто это не делается,
Срединные земли никак не делятся.

Один говорит — мне, и другой говорит — мне,
До того доделились, что быть войне.

Постановили они — через год
Друг на друга идти в поход.
В это самое время,
О котором идет у нас речь,
Сэгээн Сэбдэг властелин,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Сэсэн Ууган — царица его —
Растили принцессу Сэсэг Ногоон.
С колыбельки малой ее лелеяли,
Пеленками теплыми ее окутывали,
На коленях своих ее поддерживали,
Около подбородка держа ее, покачивали,
В грязи и пыли не вываляв, выпестовали,
В жиру и саже не выпачкав, вырастили.
От рождения годик прошел,
Царевна стоять-ходить начала,
От рождения два года прошло,
Царевна говорить-лепетать начала.

С семи от рождения лет
Заливаться-петь начала,
С восьми от рождения лет
Плясать-танцевать пошла.

После десяти лет
За хозяйством присматривать стала,
После тринадцати лет
Красотой заблестала.

Левый черный глаз ее
К игольному ушку
(Нитку вдевать) привык,
Указательный правый палец ее
(Стежок к стежку)
К золотому наперстку привык.
Из полоски шелка
Платье умеет скроить,
Из кусочка шелка
Десять платьев умеет сшить.
Пальчик уколает и не поморщится,
Вот какая
Сэгээн Сэбдэгу и Сэсэн Ууган
Подрастала помощница.

К рукам рука прибавилась, говорят,
К ногам нога прибавилась, говорят.
Сердце у родителей радуется
Все дни подряд.

Царевна Сэсэг Ногоон
Свежа, как травы росток,
Царевна Сэсэг Ногоон
Расцвела, как весной цветок.

Когда она ото сна встает,
В долине трава волнуется,
Когда она умываться идет,
В низине трава колышется,
Когда она смеется-поет,
Соловьиная песенка слышится.

Когда она вприпрыжку бежит,
Разноцветие по холмам, как ковер, лежит.
Когда она улыбается,
Разноцветная радуга загорается.
Красотой ее правой щеки
Мир всех западных царств
Ослепительно озарен.
Красотой ее левой щеки
Мир восточных всех царств
Поразительно покорен.

Посмотреть спереди на ее лицо,
Словно солнце сиянье льет,
Посмотреть сзади на затылок ее,
Словно луна в облаках плывет.

Вся она прекрасно-округлая,
Лоб ее белый — высок и чист,
Глаза ее черные, словно угли,
А взгляд этих глаз — лучист.
Косы толстые — не обхватишь,
Ресницы длинные кверху загнуты,
На нее смотреть не устанешь,
Хоть за день, хоть за месяц, хоть за год.
Словно звездочка в небе яркая,
Словно статуя, изваяние,
Словно солнышко в полдень жаркое,
Словно в полночь луны сияние,
То порхая, то плавно шествуя,
Вся была она совершенство.
О такой красоте царевны
Стали песни петься напевные.
По восточным далеким странам,
По странам западным бесконечным
Полетела молва и слава
Громогласно и быстротечно.
По земле травой проросла,
По реке водой потекла,
По небу облаком пролегла.
Всей вселенной известно стало,

Что принцесса Сэсэг Ногоон
Ярче всех принцесс заблистала
Всех владений и всех времен.

Многих тысяч бурханов¹ ловкие сыновья
Головы потеряли.
Многих тысяч бурханов крепкие сыновья
Сразу же поглупели,
Многих тысяч бурханов именитые сыновья
Состязаться друг с другом стали,
Многих тысяч бурханов гордые сыновья
Оказаться первыми захотели.
Возгорелись они желаньем
Покорить царевну-богиню,
Предвкушая успех заранее.
Все они к ее царству кинулись.
Тысячи западных женихов
Поднимают облако пыли.
Тысячи восточных женихов
Толпами привалили.
От любви не находят места,
Все желают видеть невесту.

Властелин Сэгээн Сэбдэг
И царица Сэсэн Ууган
Привечают-встречают всех
Из восточных и западных стран.
На крыльце они их встречают,
Во дворец к себе приглашают.

Все мэргэны рекой текут,
Все баторы уж тут как тут.

Дрожат колени их от волнения,
Печенки ноют от нетерпенья.

Широко открывая двери,
Привечая гостей-господ,
Лунный месяц луной измерив,
Круглым годом измерив год,
Для баторов многих и разных
Мать с отцом устроили праздник.

Властелинов небесных наследники,
Именитые, гордые сыновья,
Растеряв умишки последние,
С глупым видом вокруг стоят.

Напиваясь вина, пьянеют,
Табачищем дымя, дуреют.
А Сэсэг Ногоон принцессы

¹ Бурхан — бог.

Видя чистое совершенство,
На ее красоту нацеливаясь,
Предвкушая свое блаженство,
Устоять на месте не могут,
Усидеть на месте не могут.
В их печенках тревоги много,
Красной страсти в сердцах их много.

Все баторы стоят угрюмо,
У мэргэнов надулись жилы.
Завладела царица их думами,
И сердца их заворожала.
У баторов-борцов, у борцов-силачей
Вся сила в спине, вся сила в плече.
У мэргэнов-стрельцов вся ловкость в руке,
В пальце большом и в правом зрачке.

Имеющие толстую шею,
Имеющие широкое горло,
Имеющие бугристо-упругое тело,
Имеющие хангайско-молниеносные стрелы,
Имеющие необъятные груди,
Имеющие кованые доспехи,
Имеющие железные сухожилия,
Имеющие крепко-стальные руки,
Имеющие длинно-упругие луки,
Имеющие шелковые подседельники,
Имеющие серебряные колчаны,
Все эти баторы, все эти бурханы
Силами решили померяться,
В ловкости состязаться,
Каждый из них надеется
Победителем оказаться.

Западные властелины,
Чтобы правой рукой друг другу быть,
Чтобы верное слово совместно найти,
В кучу все собираются.

Восточные властелины,
Чтобы верной рукой друг другу быть,
Чтобы нужное слово совместно найти,
Вместе все собираются.

Поднимают они широкие рукава,
Говорят твердокаменные слова.

Владеющие громами и молниями
Потрясают подолами-полами.
Владеющие дождями бурханы
Расстилают по земле дожди и туманы.
Гром гремит, молнии блещут,
Туманы плывут, дожди хлещут.

Разъяряются властелины, разъяряются,
На две кучи они разделяются.
Небожитель — властелин небесного дна,
Бахвалась-суется, место для себя найти не может.
Небожитель — властелин небесного шва,
Зубами скрипя, челюстями хрустя,
Место для себя найти не может.

Небожитель — властелин изморози белой,
В кучу-толпу втираясь,
Только что не кусаясь,
Место для себя найти не может.

Небожитель — властелин ловкий и смелый,
Озираясь сурово, сердит и зол,
Место себе едва нашел.

Небожитель — покровитель белой судьбы,
Хоть промедлил, опоздал,
Но в толпу проскользнул, на место встал.

Небожитель — властелин ворожбы¹
Всех позже пришел,
Плечом всех других расталкивает,
Руками других растаскивает,
Место себе кое-как нашел.

Ухаа Солбон — властелин лошадей и коров,
Взад-вперед суетится,
Не знает, где притулиться.

Небожитель — белой зари властелин
Остался было один,
Но, силен и здоров,
Пробился к покровителю лошадей и коров,
Ухватились они друг за друга цепко,
На ногах стоят они крепко.

На две кучи властелины все разделяются,
Разъяряются они, разъяряются.

Западная толпа властелинов
С запада на восток глядит,
Волнующая толпа властелинов
Сама себе говорит:
— С удовольствием мы побьемся,
С наслаждением подеремся.
Справедливости мы добьемся,
И до правды мы доберемся.
Мы в обиду себя не дадим,
Правду-матку в бою утвердим.

¹ Буквально: шаманствующий Белый.

Восточная толпа властелинов
С востока на запад глядит,
Возбужденная толпа властелинов
Одно и то же твердит:
— С удовольствием мы побьемся,
С наслаждением подеремся.
Справедливости мы добьемся
И до правды мы доберемся.
Мы в обиду себя не дадим,
Правду-матку мы утвердим.

Так множество западных властелинов
Волнующейся толпой стоят,
Так множество восточных властелинов
Возбужденной толпой стоят,
Друг на друга они глядят.
Ждут они выхода состязателей,
На принцессу-красу притязателей.

Хана Хурмаса старший сын,
Заса Мэргэн батор,
Выходит из толпы-тесноты на простор.
Клятвенное слово свое
Он в споре решил проверить,
Золотое слово свое
Он силой решил измерить.
Встал он, воздуху в грудь набрал,
Наполнять себя силой стал.
Крепкие свои сухожилья
Он напряг, напружинил,
Ноги расставил, как два столба,
Ждет, когда начнется борьба.

Атай Улаана старший сын,
Витязь и силач Сагаан Хасар,
Вышел из толпы, на просторе встал.
Свое заветное слово
Хочет правой рукой проверить,
Свое душевное слово
Хочет силой плеча измерить.
Плечи он расправил и развернул,
В широкую грудь полнеба вдохнул.
Укрепляя кости свои стоит,
Расставив ноги свои стоит.
Волосы на голове его — дыбом,
Зубами скрипит, заволакиваясь дымом,

Все остальные белые небожители
Расселись по сторонам как зрители.

Все они — ловкие рыцари,
Все они — сильные витязи,
Имеющие серебряное снаряжение,

Имеющие желтые бухарские луки,
Имеющие богатырские руки,
Имеющие золотые колчаны,
Имеющие длинные острые стрелы,
Имеющие гороподобное тело
Известнейшие бурханы.
Про будущее состязание они говорят,
На двух соперников они глядят.
Предвкушают они увидеть ловкость,
Предвкушают они увидеть меткость,
Предвкушают они увидеть сноровку,
Предвкушают они увидеть цепкость,
Предвкушают они увидеть силу,
Что другую силу побила.
Царевна Сэсэг Ногоон,
Сэгээнэ Сэбдэга утешение и надежда,
Совершенство свое с головы до ног
Приукрасив еще одеждами,
Бесчисленных слуг за собой ведя,
Не то по воздуху плывя, не то по земле идя,
На дворцовое выходит крыльцо,
Являет миру свое лицо.

Множество западных властелинов
С места срываются,
Из-за плеч друг у друга
Царевну увидеть стараются.

Множество восточных властелинов
В кучу сбиваются,
Расталкивая друг друга,
Поближе к ней пробиваются.

Никому друг друга не жалко,
Получилась давка и свалка.

Сильны, изворотливы и уда́лы,
С хребтами, как горы,
С ногами, как скалы,
Имеющие обширные груди,
Имеющие упругие спины,
Имеющие железные руки,
Имеющие серебряные луки,
Имеющие булатные пики,
Имеющие острые сабли,
Размякли все и ослабли,
Друг на дружку лезут, толпятся,
На принцессу взглянуть стремятся.

А царевна, как белое изваянье,
Как небесной звезды сиянье
В черно-синей небесной выси,
Покорила все чувства и мысли.

Глаза у нее,
Как черемуха, черно-лаковые.
Две косы у нее одинаковые,
Все ресницы ее лучисты.
Взгляд — вода глубокая, чистая.
Брови темные, как два соболя,
А у губ красота особая,
Как заря, они улыбаются,
Как цветок, они распускаются.
Вся округлая и вся пышная,
Вот какая царица вышла.
Красоты такой еще не видели,
Разожгла она сердца у витязей.
Напрягают они свои мускулы,
За свои хватаются луки
Силачи и стрелки искусные,
Красоты божественной слуги.
Из всех западных богатырей
Заса Мэргэн батор,
Из всех восточных богатырей
Сагаан Хасар батор
Выходят из толпы-тесноты на простор.
Клятвенные слова свои
Они в споре решили проверить,
Золотые слова свои
Они силой решили измерить.

Изгибаясь, они друг с другом схватываются,
Схватившись, по солнцу на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднатуживаются.
Как лоси друг на друга бросаются,

Как ястребы налетают и сшибаются.
Рюют землю яростно, как изюбры,
Упираются, словно зубры.
Из-за равной силы никто не падает,
Из-за равной ловкости оба топчутся,
Эта схватка сердца их радует,
Поразить свои спины им хочется.
Не слабеет из них ни один и не гнется,
Небо гудит, земля трясется.

Мускулы у них разогреваются,
Сердца у них разъяряются.
Ногами они топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
До предела они тела напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.

Наконец, богатырь Заса Мэргэн,
Собравши что было сил,
Сагаана Хасара схватил-скрутил,

Под мышкой его зажал,
Повертел его на левом боку,
Вверх поднимая, крикнул
И о западную бескрайнюю тайгу
Брякнул.
Потом повертел его так и сяк,
Перекинул на правый бок,
Повернулся сам лицом на восток,
Громче прежнего крикнул
И со страшной силой, как только мог,
О восточную тайгу брякнул.
После этого еще раз подняв,
Богатырь и силач Заса Мэргэн
Противника в зыбкую просинь
Вниз, словно камень, бросил
На скалистую землю Улгэн.

Силач и богатырь Сагаан Хасар
С высоко поднимающихся небес,
С широко расстилающихся небес,
Как падающая звезда, летел,
Как оперенная стрела, свистел,
Что выпущена из желтого бухарского лука,
И о каменистую землю Улгэн со всего размаху
Ударился глухо.

На востоке там страна была,
Пустынна и безводна лежала она.
Только путь себе через скалы прокладывая,
Текла одна река с тремя водопадами.
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было.
Было там безжизненно, дико, холодно.
Было там темно, каменисто, голодно.
Вот куда побежденный Сагаан Хасар упал,
Вот в какой стране он первым ханом стал.
Не убили его, не рассыпался, не сгорел,
Называться стал — хан Сагаан Гэрэл.

А победитель —
Хана Хурмаса старший сын,
Заса Мэргэн богатырь,
Непобедимого противника одолев,
Непреодолимое препятствие преодолев,
Руки, как орлиные крылья, распростер,
По кругу, гордясь и красуясь, пошел,
Широким поясом подпоясанный,
Ходил он по кругу, приплясывал.
Все бесчисленные западные властелины
Хвалили Хана Хурмаса достойнейшего сына.
Тем временем
Средний сын Атай Улаана,

Видя, что брат его побежден и повержен,
Был огорчен и без меры рассержен.
Задрожал он, затрясся весь,
Закипели в нем злость и месть.

Волосы его поднялись дыбом,
Зубами он закрипел, заволакиваясь дымом.

Десять тысяч зрителей
возбужденно кричат.
Множество тысяч зрителей
новой схватки хотят.

Шара Хасáр богатырь
На Засá Мэргэна пошел, как лось,
За шею ему ухватить противника удалось.
Грызутся они, как волки,
Налетают друг на друга, как соколы.
Вселенная гудит и ходит волнами
От низкой земли до неба высокого.

Хана Хурмаса властелина великий сын
От первой схватки еще не остывший,
Хана Хурмаса властелина доблестный сын
Сагаана Хасара только что победивший,
Еще больше разгорячился,
Разошелся и расхрабрился.
У Шара Хасара богатыря и витязя
Сердце затрепетало,
Тело вялым и сонным стало,
Толстая шея его вот-вот согнется,
Бычье горло его вот-вот оборвется,
Упругая спина его ослабела,
Между ребрами у него заболело.

Засá Мэргэн богатырь
Набегает на противника по-лосиному,
Заса Мэргэн богатырь
Налетает на противника по-орлиному.

Когда тянет, за поджилки хватается,
Когда дергает, до пяток добирается.

Словно камышинку, противника он вертит и крутит,
Складывает-раскладывает, как былинку и прутик.

Гнет его, как сырое дерево,
Ломает его, как сухое дерево,
Быть ему победителем,
Быть ему первым.
Чтобы окончательно победить
Ослабевшего Шарá Хасáра, батора и силача,
Вскидывает он его к себе на плечи,
В оборот берет,

В обхват берет,
Под черными подмышками сильно жмет,
И, наконец, вселенную сотрясая,
Вниз на твердую землю его бросает.

Силач и богатырь Шара Хасар
С высоко поднимающихся небес,
С широко простирающихся небес,
Словно искорка от костра, летел,
Словно камешек, шуршал и свистел,
Низко-низко под облаками.
Шлепнулся он на землю, на камни.

На востоке там была страна,
Пустынна и безводна лежала она.
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было,
Вот куда побежденный Шара Хасар упал,
Вот в какой стране средним ханом стал.
Не убился, не рассыпался, не сгорел,
Назвали его хан Шара Гэрэл.

Тогда
От одних и тех же кровей зародившийся,
Через одну и ту же щель на свет появившийся,
Младший сын Атай Улаана — богатырь Хара Хасар,
Видя, что братья его
Побеждены Заса Мэргэном, батором и силачом,
Был без меры рассержен и огорчен.
Дыбом волосы его поднялись,
С дымом челюсти его закрипели и захрустели,
Силой мускулы его налились,
Сухожилья натянулись, окостенели.
«Был я братом младшим и третьим,
Был я для братьев стремящем.
На меня они надеялись оба».
Обуяла его ярость и злоба.
Как вихрь на победителя он напал,
А звали его Хара Хасар.

Начал он схватку заново,
Схватил он противника за голову,
Как изюбр он на месте топчется,
Как бык упирается,
Волосы его топорщатся,
Мускулы напрягаются.
Вселенная гудит и трясется
От самой земли до высокого солнца.

С севера туча шла — головами ее сбивали,
Южная туча шла — ноги в нее упирались.

Черный туман поплыл,
Желтая пыль за клубилась,
Козлята от кормящих козлиц отстали,
Взрослые птицы своих птенцов растеряли.

Начинают борцы друг друга гнуть,
Начинают борцы друг друга мять,
Толстые шеи хотят они
Друг другу свернуть,
Упругие спины хотят они
Друг другу сломать.

Заса Мэргэн во время схватки
Сил набирается,
Заса Мэргэн во время схватки
Все прямее и тверже становится,
У Заса Мэргэна во время схватки
Ловкости прибавляется,
У Заса Мэргэна во время схватки
Движения убыстряются.

У Хара Хасара, борца,
Ребра начали гнуться,
У Хара Хасара, борца,
Голова свесилась и обмякла.

Две жалкие руки
Болтаются, словно плети,
Две жалкие ноги,
Мотаются, словно тряпки,
Отнялись и дрожат у него колени,
Земли-опоры не чувствуют пятки.

Тогда,
Заса Мэргэн, борец и батор,
Поперек за ребра его обхватывает,
Вверх ногами его поднимает
И вслед за старшими братьями
В синеватый простор,
Словно камень, его швыряет.

Долго пришлось ему
Кувыркаться-падать,
Долго пришлось ему,
Кувыркаясь, свистеть-лететь,
А упал он с тем местом рядом,
Где встречаются рождение и смерть.

Не убился он, не сгорел, не пропал,
Младшим ханом сделался,
Хара Гэрэлом именоваться стал.

После этого
Всех врагов своих победивший,
Всех их в стороны раскидавший,
Богатырь и батор Заса Мэргэн
Сам попался в любовный плен.
Силачей сокрушивший, он,
Нежным сердцем был побежден.

Вот к царевне Сэсэг Ногоон
Тихо-тихо подходит он.
Взяв ее за правую руку,
Говорит ей верное слово,
Взяв ее за левую руку,
Говорит ей сердечное слово,
Взяв ее за обе руки,
Все слова повторяет снова.

Как бурханы тут завозились,
Как бурханы зашевелились.
Сотни белых бурханов заматались,
Тысячи бурханов заволновались!
Ведь царевна Сэсэг Ногоон
От родителей уходить должна.
Изо всех прекраснейших жен,
Будет самой прекрасной женой она.
Все сердца, что считались твердыми,
Забурлили, закипели за ребрами.

Белых доблестных небожителей
Знаменитые сыновья
Места себе не находят,
Белых могущественных небожителей
Смелые, ловкие сыновья
Из себя выходят.
Сиянье из них излучается,
Но терпение их кончается,
Да, кончается их терпенье,
Стоят они,
Взвешивая свои силы, свое умение.
Они ходят, местами меняются,
Сражаться, драться намереваются.

Когда же
Заса Мэргэн, победивший всех,
Взял царевну на руки и поднял вверх,
И показал ее прекрасную всем вокруг
И к груди прижал, не выпуская из рук,

Сотни белых небожителей
Зубом на зуб не попадают,
Тысячи доблестных небожителей
Проклятия извергают.

Все во вселенной перепуталось, заблудилось,
Все черное закипело и заструилось,
Все белое — перемешалось,
Все серое — встrepенулось,
Все синее — расплескалось,
Все зеленое — развернулось.
Множество западных небожителей
Готовы сразиться,
Множество восточных небожителей
Готовы схватиться.

Но в это самое время,
На пестро-пегом коне восседая,
Рассеивая из-под копыт пыль и туман,
Прибыл божественный Атай Улаан.
Пестро-полосатый ум у него кипятится,
Сразу начал он кричать и браниться.

«Как с Сэгээн Сэбдэг небожителем
И с Сэсэн Ууган царицей
Сватьями-зятьями мы стали,
Разве двадцать лет не прошло?

Как их дочка и мой наследник
Женихом и невестой стали,
Разве десять лет не прошло?

Как в младенчестве мы их головы соединили,
Мало времени прошло?
Как в ребячестве мы потник для них расстелили,
Мало времени утекло?

А Заса Мэргэн богатырь,
Божественного Хана Хурмаса сын,
Пусть он всех соперников победил,

Своей силой и ловкостью пусть он прав,
Законы древние не он провозгласил,
Но зато он их все поправ.

Все устои вывернул, раскачал,
Нет концов теперь, нет начал.

Когда жеребенок аргамаком становится,
Аркан и седло его ждет,
Когда мальчик мужчиной становится,
Подчинение старшему его ждет.

Законы писаны на века,
Не бывает шубы без воротника,
По закону незыблемому нашему
Не бывает младшего без старшего.

Вы бурханы, вы небожители,
Его место ему укажите!»

Так речами своими Атай Улаан
Распустил по округе ядовитый туман,
Черные мысли без передышки выбалтывает,
Горячую кровь у небожителей взбалтывает.
Да, слова его кровь у небожителей горячат,
Восточные небожители «верно, верно» кричат.
Но западные небожители, усевшись в ряд,
«Постой, постой, подумаем» говорят.
По поднебесью
Голоса небожителей разливаются,
На земле
Гулким эхом голоса отзываются.

Небожители разгорячились, в ярость пришли,
Гул стоит от неба и до земли.

Хан Хурмас небожитель
Атая Улаана пощечиной встретил,
Атай Улаан небожитель
Хану Хурмасу громкой бранью ответил.

Но в это самое время
Сагаан Сэбдэг властелин
Свое заветное сказал:
— Э... так просто это не делается,
Срединные земли никак не делятся.
Чтоб ни этой стороне не завидовать и ни той,
Мы в обиду себя не дадим,
Сущую правду возвестим.

Сэгээн Сэбдэг тут же объявляет
На все просторное небо:
— Никакого сватовства, — утверждает, —
Двадцать лет назад не было.
Никого они с царицей Сэсэн Ууган
Атаю Улаану не отдавали.

Никогда они царевну Сэсэг Ногоон
Заса Мэргэну не обещали.

Атай Улаан от злости дрожит,
Хан Хурмас обвиняет его во лжи.
Правдивые слова со лживыми перепутались,
Широкие небеса в облака и тучи закутались.

Все черное закипело и заструилось,
Все белое — перемешалось,
Все серое — встрепенулось,
Все синее — расплескалось,
Все зеленое — перевернулось.

Божественный Хан Хурмас
Разминаясь, приплясывая на середину выходит,
Раздувает вдохами широченную грудь,
Глазами по всем сторонам водит:
Кто ему загородит путь?

Не менее божественный Атай Улаан,
Криками себя подбадривая, на середину идет,
Десять пальцев на руках сжимает-разжимает,
Единоборства ждет.

В это время,
О котором идет у нас речь,
Хана Хурмаса средний сын,
В это время,
О котором рассказу нашему течь,
Бухэ Бэлигтэ батор,
Хана Хурмаса красный сын,
Умом своим пораскинул вмиг,
Знания свои, что из многих книг,
Достал из большого сундука со дна
И понял,
Что между Ханом Хурмасом, его отцом,
И Атай Улааном славным бойцом
Вот-вот начнется война,
И что встанут на эту тропу войны,
Многочисленны, доблестны и сильны,
Все восточные и западные племена.

Чтобы в этой беде отцу помочь,
Перепутал он день и ночь.

На бледное утреннее солнце
Он красное пламя натянул-надел,
На полдневное желтое солнце
Он синее пламя натянул-надел,
На вечернее красное солнце
Он черное пламя натянул-надел,
А сам коня оседлал
И полуночной черной порой
Поскакал в иноземный предел.
Дорогой дорогу он сокращает,
Быстротой быстроту он опережает.

Как стрела трепещущая он летел
И приехал, куда хотел,

Где сидящая
С серебряной чашей в руке,
Где следящая
За всеми звездами в небесах,
Где опирающаяся

На множество горных вершин,
Где держащая
Вселенную всю в уме
Находится бабушка Манзан Гурмэ.

Бабушка Манзан Гурмэ
Хваля-расхваливая его встречает,
Бабушка Манзан Гурмэ
Улыбаясь, радуясь его привечает.
Около огня его посадила,
Далеко ли направляется он, спросила.

Да так, говорит Бухэ Бэлигтэ батор,
Сидя у бабушкиного огня,
Решил, говорит, прогулять коня.

Но бабушка мысли его разгадала мигом,
Развернула заветную, старинную книгу.

Она,
Серебряную чашу имеющая,
Она,
Звездную книгу читающая,
Она,
Все на свете умеющая,
Она,
Все тайны вселенной знающая,
Она,
Все швы во вселенной сшивающая,
Тотчас поведала, лишнего не говоря,

Что душа Атая Улаана богатыря
Находится не в печенке, не в сердце,
Не где-нибудь вдалеке,
А под большим пальцем на правой ноге.

Бухэ Бэлигтэ батор
Как только тайну эту узнал,
С бабушкой попрощался,
Коня отвязал.
То ли год скакал,
То ли единый миг,
Но страны Сэгэена Сэбдэга
Он опять достиг.

Засверкали вдали, возвышаясь,
Голубые царственные чертоги,
За три дневных перехода возвращаясь,
Тот дворец он увидел с дороги.
Длинный путь без боязни
Проскакав до конца,
К золотой коновязи
Привязал жеребца.

Он к небожителям,
Которых вражда задирала,
Обыкновенным витязем
Входит, как ни в чем не бывало.

А небожители толпятся-ругаются,
Друг друга перекричать стараются.

А небожители толпятся-толкаются,
Друг с другом воевать собираются.

Предводитель западных небожителей Хан Хурмас,
И предводитель восточных небожителей Атай Улаан
Черные мысли в головах своих заklubили,
Два великих бурхана
О дружбе и о мире забыли.
Приняли они суровое решение
Начать сражение.

На просторах высоких небес,
На высоте широких небес,
Два великана, две гороподобные груди
Расправили плечи, раздули груди.
За ними их воины пошли друг на друга,
Загудела вселенная, загрохотала округа.

С Атай Улааном батором
Богатырей бесстрашных было шестьдесят шесть,
Военачальников смелых — шесть сотен,
Оруженосцев верных — шестьдесят сотен.

С ханом Хурмасом батором
Богатырей бесстрашных было тридцать три,
Военачальников смелых — три сотни,
Оруженосцев верных — тридцать сотен.

У Атай Улаана
Владений небесных, восточных — сорок четыре,
У Хана Хурмаса
Владений небесных, западных — пятьдесят пять.
Вот кому на небесной шири
Предстояло сражаться и воевать.

Многочисленные западные бурханы
Стеной идут,
Бесчисленные восточные бурханы
Лавиной прут.

Борясь, наскакивая схватились,
Схватившись, яростно закрутились.
Великая это война была.
В высоко-просторном небе,

В широко-высоком небе
Распростерлась тьма, заклубилась мгла.
Заслоняя свет, затемняя день,
На землю поднебесную упала тень.
Бьются они по всей вселенской шире:
Западных владений — пятьдесят пять,
Восточных владений — сорок четыре.

Кровь, что лилась на черные скалы,
По вечернему небу вниз стекала.

Кто во время красного вечернего солнца убит,
К белому утреннему солнцу оживает, как трава стоит.

Кто в ночной темноте убит,
К утру оживает, камышом стоит.

Изрубленные части тела соединяются,
Ожившие тела вновь срастаются.

Оживают с ними для новой битвы,
Все прежние счеты, все обиды.

Мечи стучат, стрелы летят,
Лезут воины ряд на ряд.
Атай Улаана батора
Богатырей бесстрашных (а их было шестьдесят шесть),
Военачальников смелых (а их было шесть сотен),
Оруженосцев верных (а их было шестьдесят сотен)
Хана Хурмаса батора
Богатыри бесстрашные (а их было тридцать три),
Военачальники смелые (а их было три сотни),
Оруженосцы верные (а их было тридцать сотен)
Всех до единого перебили,
Всех на куски изрубили.

С высоко-поднимающихся небес,
С широко-расстилающихся небес
Убитые как звезды вниз летели,
Как оперенные стрелы, летя, свистели,
Как брошенные камни, летя, шуршали
И в стране Хонин Хото на землю упали.

Земля та была холодная,
Земля та была голодная,
Земля та была голая,
Бессолнечно и безводна она была.

Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было.
Только проскальзывая под тремя преградами,
Текла там река с тремя водопадами.
Словно колесо износившееся,

Словно льды искрошившиеся,
Словно ветра ослабевшие,
Словно кости истлевшие,
Словно дела позабытые,
На пустынную землю
Там упали убитые.

Хан Хурмас батор,
Атай Улаан батор —
Каждый сам себе господин —
Остались теперь один на один.

Хан Хурмас подскочил,
За противника ухватился,
Но противник что было сил
Крутануть его изловчился.

Замерла толпа многоликая,
Началась тут борьба великая.

Изгибаясь, они друг с другом схватываются,
Схватившись, на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднатуживаются.
Как лоси, друг на друга бросаются,
Как ястребы, вдруг сшибаются,
Роят землю яростно, как изюбры,
Упираются, словно зубры.
Ногами они топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
До предела они тела напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.

Когда тянут, за поджилки хватаются,
Когда дергают, до пяток добираются.

Грызутся они, как волки,
Налетают они, как соколы.
Вселенная гудит и ходит волнами,
От низкой земли до неба высокого.

Сун — великое море —
Волнуется и дрожит,
Сумбэр — великая скала —
Сотрясается, дребезжит.
Века перепутались меж собой,
История вся пошла вразнобой.

Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной силы они не качаются,
Бесконечное время бьются,
А схватка все не кончается.

Два самых божественных властелина,
Два самых верховных тэнгрина,
Два небожителя полнокровных
Схватываются на равных.
Белые волосы у них дыбом встают,
Белые зубы у них скрипят-хрустят,
У Хана Хурмаса мускулы устают,
У Хана Хурмаса сухожилья болят.
Атай Улаан все больше сил набирается,
Хан Хурмас все больше слабеет-шатается.

Тогда
Его средний сын, его красный сын
Бухэ Бэлигтэ батор,
В стороне оставаться не находит сил,
И по-своему разрешает спор.

Взял он длинное, острое копье,
Зная, где прячется у Атая Улаана душа,
Выбрал момент и пронзил ее,
Властелина великого сокруша.

Да, под пальцем правой ноги он вмиг
Душу Атай Улаана пронзил.
Атай Улаан обмяк и сник,
Хан Хурмас набирается сил.

Хан Хурмас теперь разъяряется,
Атай Улаан ему покоряется.
Хан Хурмас из него веревки вьет,
Поднимает вверх и о землю бьет.
Направо брякнет —
Западные небеса сотрясаются,
Налево брякнет —
Восточные небеса содрогаются.

Моря бурлят, сверкают молнии,
Горы дрожат, огнем наполнены.

На горы и доли, на все подряд,
Сыплется с неба каменный град.

Вселенная перевернута кверху дном,
Ходит вселенная ходуном.

Западные небожители за правую руку
В избытке чувств поздравляют друг друга.

Восточные небожители в беде и горе
Удаляются в свои владенья не споря.

А Заса Мэргэн, счастливый жених,
К царице Сэсэг Ногоон приник.

Нетерпенья исполненный и огня,
Царевну скидывает на коня.
Взвился конь, не видать в пыли,
Стук копыт затихает вдали.

Победитель Хан Хурмас тэнгри
Поднимает острый карающий меч,
Побежденному
Атай Улаану тэнгри
Отрубает голову с плеч.

Опустился меч и остер, и светел,
Косу в сажень длиной развевает ветер.
Черно-белые глаза закрываются,
Напрочь жизни нить прерывается.

Хан Хурмас
Черно-круглую голову ногой пнул,
Хан Хурмас
Волосато-круглую голову вниз столкнул.

Большая круглая голова закрутилась,
Между небом и землей остановилась.

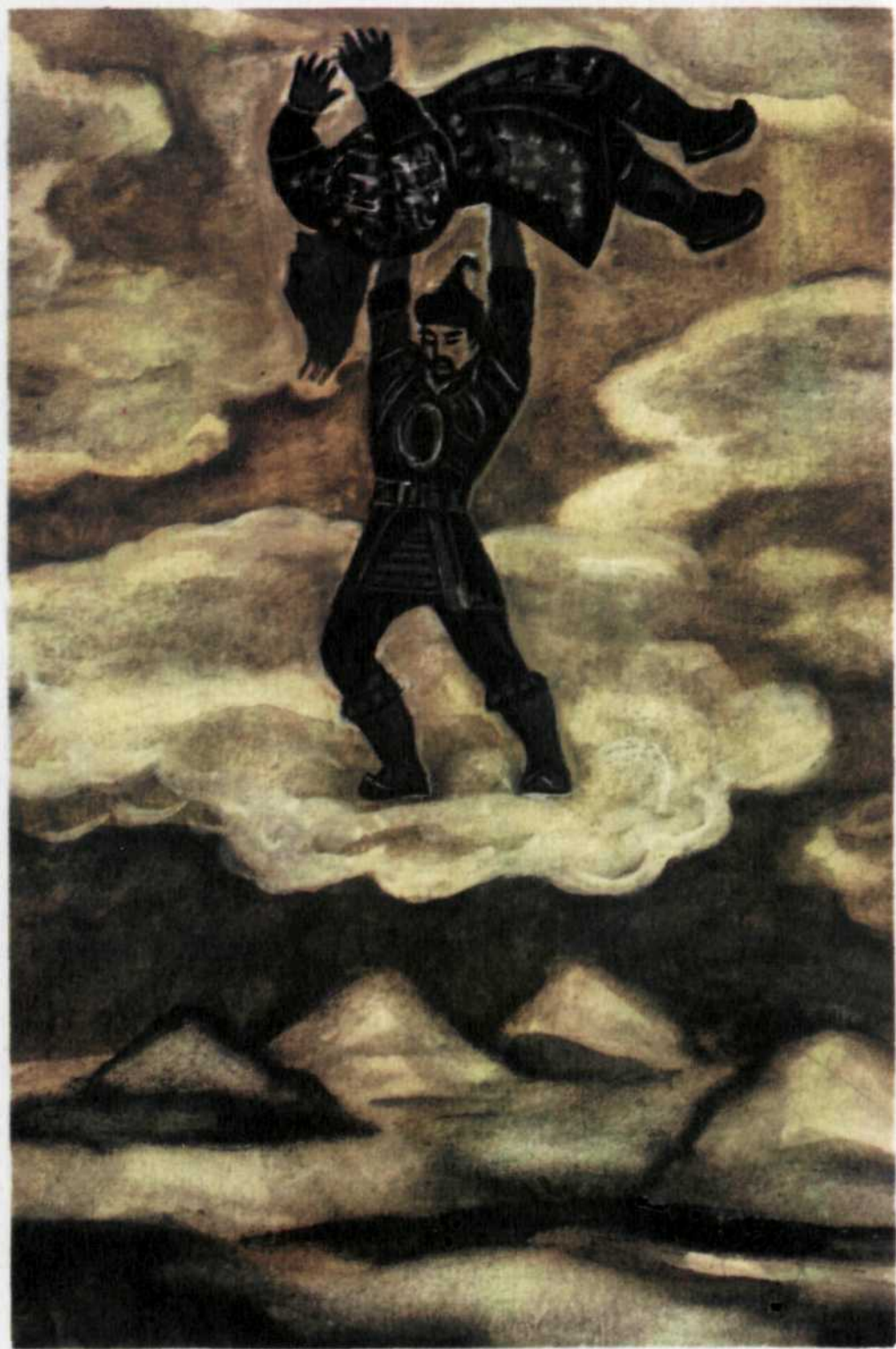
Вверх возвратиться — так сил уж нет,
Вниз опуститься — желанья нет,

Превратилась она в чудовище Архан Шудхэр¹.
Блуждает по небу меж звездных сфер,
То медленно вращается,
То метеором несется,
Намеревается проглотить и луну, и солнце.

Хана Хурмаса властная рука
Во второй раз опускает меч,
Шею толстую, как у быка,
У Атая Улаана срубает с плеч,
Отрубленную шею
На кончик меча поддевает,
Расправившись с нею,
Вниз на землю бросает.

Полетела шея вниз, замелькала,
В стране Хонин Хото на землю упала.
В стране холодной, в стране голодной,
В стране безводной, в стране бесплодной,
В стране бесславной, в стране бестравной,
В стране, где ветер, в стране, где тьма...
Обернулась шея дьяволом Гал Нурман.

¹ Буквально: чёрт, дьявол Архан.

На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола — особенный глаз,
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Из рта торчит единственный клык.

Две руки у дьявола — сокрушители царств,
Две ноги у дьявола — топтатели царств,
В распоряжении у дьявола — десять тысяч коварств.

По прошествии позднего времени,
При соединении двойного времени,
Он такой устроит пожар, говорят,
В котором все народы сгорят.

Хана Хурмаса воинственная рука
В третий раз взмахнула мечом,
Атая Улаана правая рука
Отрубается по плечо.
Эту руку Хан Хурмас на меч поддевает
И с глаз долой на землю бросает.

Когда упала рука на землю,
Она не стала валяться в пыли,
Обернулась чудовищем Орголи.

Стало чудовище хозяином всей тайги,
Стало чудовище хозяином Сумбэр уула-скалы.
Открывает рот, закрывает рот,
Деревья прямо с корнями жрет.
Сандаловые деревья, лиственничные деревья,
Кедровые деревья — все подряд
Со всех концов тайги сами в рот летят.

Хана Хурмаса нещадная рука
В четвертый раз взмахнула мечом,
Атая Улаана левая рука
Отрубается по плечо.

Эту руку Хан Хурмас на меч поддевает
И с глаз долой на землю бросает.

Слава о ней идет плохая,
Многие от нее происходят беды,
Переродилась она в Шэрэм Минаата Анахая¹,
В демона-детоеда.
Пусто-черное тулово Хан Хурмас отрубает
И, на меч поддев, на землю бросает.
Полетело тулово вниз, замелькало,
В стране Хонин Хото на камни упало.

¹ Буквально: дьявол с чугунным кнутом (шэрэм — чугунный; минаата — с кнутом; анахай — злой дух).

В стране, где все деревья с корнями выдернуты,
В стране, где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в стране голодной,
В стране бесславной, в стране бестравной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где солнца не бывает совсем,
Превратилось тулово в демона Абарга Сэсэн.

В пятый раз Хан Хурмас
Поднимает царственный меч,
Чтобы округло-выпуклый зад от ног отсечь,
Выпукло-огромный зад он от ног отсекает
И, на меч поддев, на землю бросает.
Оказалось то на земном просторе
На месте, называемом Семигорье.

С той поры везде говорят о нем,
Что обернулся он в демона с железно-синим конем.
Превратился он, упав под большой горой,
В черного Лойр Лобсоголдя.

Так раскидал Хан Хурмас тэнгри
Атай Улаана тэнгри
По просторам земли, по дебрям тайги,
Осталось у него только две ноги.
Эти ноги Хан Хурмас с презрением пнул,
Вслед за остальными частями на землю спихнул.
Оказывается, упали ноги на земле рядом
С округло-выпуклым огромным задом.
Сказывают старые люди, что с тех пор
Превратились ноги в трех сестер,
Трех сестер по имени Енхобой,
Как три капли схожие меж собой.

Между тем,
Происшедшего из шеи Атая Улаана
Дьявола Гал Нурмана
С одним клыком, с огромным глазом
Остальные демоны сразу
Признали за верховного хана.

Как только верховным ханом
У дьяволов Гал Нурман стал,
Окинув глазом окрестные страны,
Страшную клятву дал.

— Мальчиками родившихся людей
Изводить будем,— сказал.
— Девочками родившихся детей
Уничтожать будем,— сказал —
На всех земных людей

Наведем болезни и мор,
На все земные края
Напустим нищету и разор,
Напустим холод, голод и тьму,
Напустим язву, оспу, чуму,

Напустим распри, слезы и кровь,
Забудут люди жалость, любовь.

Окутает мертвую землю тьма...
Такую дал клятву дьявол Гал Нурман

После этого в путь пустился,
Около желтого моря остановился.

Был он в это время на желтом коне,
Был он в шапке с кисточкой желтой,
Был он при желтом грязном котле,
С желтой пищею перетертой.
Подошел он к желтому морю, к самой черте.
Взбаламутил желтую воду.

Триста желтых демонов и тридцать желтых чертей
Выпустил он на свободу.

После этого дальше в путь пустился,
Около синего моря остановился.

Был он в это время на синем коне,
Был он в шапке с кисточкой синей,
Был он при синем грязном котле,
С пищей синей, невыносимой.
Подошел он к синему морю, к самой черте,
Взбаламутил синюю воду.
Триста синих демонов и тридцать синих чертей
Выпустил он на свободу.

После этого дальше в путь пустился,
Около черного моря остановился.

Был он в это время на черном коне,
Был он в шапке с черной кисточкой,
Был он при черном грязном котле,
С пищей черной, нечистой.
Подошел он к черному морю, к самой черте,
Взбаламутил черную воду,
Триста черных демонов и тридцать черных чертей
Выпустил он на свободу.

Девятьсот желто-сине-черных демонов,
Девяносто желто-сине-черных чертей
На свободе сразу взялись за дело,
Начали губить-изводить людей.

Всюду шныряют,
Всему мешают,
Счастье отнимают,
Удачи лишают.
В истоки рек опускают яд,
Ядовитыми реки делают,
В корни трав подсыпают яд,
Ядовитыми травы делают.

Насекомых вредоносных плодят,
Землю бесплодной делают.

Богатая жизнь стала бедной,
Жирная жизнь стала скудной,
За что ни схватятся люди — вредно,
За что ни возьмутся люди — скучно.
Болезни, о которых никто не знал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не слышал,
Стада косят.
Люди плачут и голосят.

Девятьсот девяносто демонов действуют,
Трех ханов зéмли находятся в бедствии.
Повальными болезнями все больны.
Всеобщей нищетой все задавлены.
Большим удивлением удивлены,
Задачей большой озадачены:
По чьему колдовству, по чьему навету
Происходит все это?

Пошли народы из всех трех стран
К древней желтой шаманке Шарнайхан.
Шаманка свет узнает по востоку и западу,
Шаманка жареное мясо узнает по запаху.
На разбитой чашке гадает.
Ошибок не знает.

— Искусство свое, — сказали ей, — покажи,
Все узнай и нам доложи.

Болезни, о которых никто не знал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не слышал,
Стада косят.

Были мы богаты, стали бедны,
Всеобщей нищетой все задавлены,
Большим удивлением удивлены,
Задачей большой озадачены:
По чьему колдовству, по чьему навету
Происходит все это?

А если не узнаешь, шаманка древняя,
Кто наши заклятые вороги,
Повесим тебя на дереве,
Чтобы клевали тебя птицы-вороны.

Шаманка разбитую чашку берет в руки,
Так и смят ее крутит.
Смотрит на чашку она не мигая,
На одной ноге стоит, не сменяя.
Все болезни в чашку свою собирает,
Все страдания в чашку свою сливает.
Говорит она чашке: «Вверх лети,
К бабушке Манзан Гурма отыщи пути,
На столе у нее очутись,
Перед глазами у нее покрутись».

Она,
Сидящая с серебряной чашей в руках,
Она,
Следящая за всеми звездами в небесах,
Она,
Держащая вселенную всю в уме,
Бабушка наша Манзан Гурма,
Все тайны вселенские знающая,
Все швы во вселенной сшивающая,
Как увидит тебя, моя чаша,
Разрешишь все задачи наши».

С этими словами шаманка Шарнайхан
Бросила чашку свою к облакам.
Очутилась чашка ни на небе, ни на земле,
А у бабушки Манзан Гурма
На золотом столе.

На золотом столе завертелась она,
Болезней и страданий полна.
Смотрит бабушка: что бы это значило?
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.

Заветное зеркало свое взяла,
Вселенную разглядывать начала.

Посмотрела на верхнее отделение мира,
Все там спокойно, все там мирно.
Посмотрела вниз, на земные страны,
Где горы-леса, где моря-океаны,
Где люди ютятся, где пасутся стада,
И видит, что там — большая беда.

Девятьсот демонов и девяносто чертей
В волшебное зеркало увиделись ей.
С носами, достающими до воды в колодце,

С телами без тени, пропускающими солнце.
С соплями, как веревки или канаты,
Сами все хвостатые и рогатые.
С грязными, черными котлами,
Наполненными отвратительной пищей,
А котлы те сто лет не чищены.

С шапками без верха,
С унтами без низа,
С шубами без меха,
С губами осклизлыми,
С когтями острыми,
С конями бесхвостыми,
С глазами гнойными,
С зубами сдвоенными.

Всюду шныряют,
Всему мешают,
Счастье отнимают,
Удачи лишают,

Как черви, ползают,
Как мухи, жужжат,
Свободой пользуясь,
Людям вредят.

Прыгают, носятся на свободе,
Зло свое на жителях вымещают,
Мальчиками родившихся людей изводят,
Девочками родившихся детей умерщвляют.

В истоки рек опускают яд,
Ядовитыми реки делают,

В корни трав подсыпают яд,
Ядовитыми травы делают.

Насекомых вредоносных плодят,
Землю бесплодной делают.
Наводят болезни и мор,
Напускают нищету и разор,

Напускают голод, холод и тьму,
Напускают язву, оспу, чуму,

Напускают распри, слезы и кровь,
Забывают люди жалость, любовь.

Куда ни посмотришь, все люди злятся,
Мертвые повсюду валяются,
А бесы прыгают-веселятся,
А бесы бегают-похваляются.

Многочисленные люди,
Словно пыль, по ветру летают,
Бесчисленные люди,
Словно снег и лед, тают.

А девятьсот девяносто чертей и бесов
Собираются то у ручья, то у леса,
У каждой горки, у ямки каждой
Они собираются, крови жажда.
Собравшись, тотчас объединяются,
Во зло единое соединяются.
Повсюду шастают, повсюду рыскают,
Вынюхивают, где счастье,
Добро выискивают.

Как увидела это бабушка Манзан Гурмэ,
Пораскинула всем в своем уме,
Догадалась про шею Атай Улаана,
Что упала на землю, где леса и туманы,
Догадалась, что шея в краю, где тьма,
Породила дьявола Гал Нурмана,
Догадалась, что дьявол, исчадье зла,
Поклялся творить злые дела.
Догадалась, что из-за этой клятвы своей
Выпустил он на волю

Девятьсот девяносто демонов и чертей.
Догадалась, что творят они зло бессчетно...

Рассердилась бабушка, надула щеки.

Желтый шелковый свой платок

С головы срывает,

Черный шелковый свой платок

В ярости разрывает.

На восьмидесятишаговый посох, едва его не сломав,

Со всей силой своей опирается,

К верховнейшему владыке Эсэгэ Малаану

В чертоги верховные отправляется.

Эсэгэ Малаан, оказывается, все заранее знал,

Своей жене Эхэ Юурэн он так сказал:

— Эти слухи давно дошли до нас.

Виноват во всем Хан Хурмас.

Пусть он сам на землю спускается,

Пусть он сам во всем разбирается,

Пусть, как хочет, он так и действует,

Но закроет дорогу бедствиям.

Когда он говорил так, важный и строгий,

Бабушка Манзан Гурмэ появилась на пороге.

Великий отец Эсэгэ Малаан

С почтеньем ее встречает,

Великая мать Эхэ Юурэн

Сесть ее приглашает.

Было села бабушка где уж вышло,
Но ее приглашают сесть выше.

Из серебряной чашки с тринадцатью цветками
Чаю ей предлагают,
Из серебряного кувшина с тринадцатью завитками
Ее угощают.

Бабушка Манзан Гурмэ
Чаю выпила, удостоилась
И немножечко успокоилась.

Начала она рассказывать все подряд,
Что демоны-бесы на земле творят.
Девятьсот демонов и девяносто чертей
Изводят людей, умерщвляют детей.
Из людей они веревки вьют,
И в домах их бьют, и в дороге бьют,
Как камыш их гнут, как траву косят,
Люди плачут и голосят.
Говорите вы, что виноват Хан Хурмас,
Но вина, великий отец, лежит на вас.

Ведь вы знаете все заранее,
Соберите-ка вы собрание.
Всех бурханов вы пригласите
И решение свое огласите.
После этого
Пасмурная, как осенний день,
После этого
Сердитая, как дождливый день,
После этого
Хмурая, как ненастный день,
После этого
Темная, как грозовая туча,
Удалилась бабушка Манзан Гурмэ —
Мудрая и могучая.

Эсэгэ Малаан бабушку проводил
И тысячи гонцов немедленно снарядил.
Быстрых, белых посланцев
Отправляет он на тысячу разных сторон,
Резвых, белых посланцев
Отправляет на десять тысяч сторон.

— Мчитесь, — приказывает, — быстрее молнии,
Приказанье мое исполните.
Небожителей всех оповестите,
На собрание их пригласите.
На звездах заседать мы будем,
Редкое решение вынесем,
На луне рассуждать мы будем,
Меткое решение вынесем.

Быстрее белые гонцы
Разбежались во все концы,
Всех бурханов оповестили,
На собрание пригласили.
На звездах все располагаются,
Мудрое собрание начинается,
На луне все устроились,
К рассуждениям приготовились.

Эсэгэ Малаан батюшка
Уже старым и ветхим был,
На собрания небожителей
Много лет уже не ходил.

На надзвездное собрание мудрое
В этот раз он пришел.
На надлунное собрание утреннее
В этот раз он пришел.

Сел, опираясь на спинку
Золотого литого трона,
Взглядом он всех окинул,
Посмотрев на все стороны.

Видит:
Многочисленные белые бурханы
Толпятся-стоят,
Видит:
Бесчисленные белые бурханы,
Подпирая друг друга, стоят,
Ноёны —
Богатые небожители
Со смиренным видом сидят,
Удовлетворенно
Верховные небожители
Вокруг рядами сидят.

Эсэгэ Малаан батюшка
Придает себе царственный вид,
Эсэгэ Малаан старенький,
Придает себе повелительный вид.

Открываем, говорит,
Наше надзвездное мудрое собрание,
Начинаем, говорит,
Наше надлунное утреннее собрание.

Однако,
Многочисленные белые небожители,
Однако,
Бесчисленные смелые небожители,
Друг на друга кивают,

Друг на друга глядят,
Принимать решение не хотят.

На землю спускаться
Ни одного небожителя не находится,
С чертями сражаться
Ни одного бурхана не обнаруживается,
Мнения бурханов расходятся,
Обсуждение на месте кружится.

На землю спуститься может и не накладно,
Да как потом подняться обратно?
Может и не трудно окунуться в земную грязь,
Да как потом опять на небо попасть?
Стоят бурханы,
С ноги на ногу топчутся,
Сидят бурханы и сомневаются,
Небо покидать им не хочется,
С чертями биться они опасаются.

Раскричались, распорились под конец,
Стоит на собрании шум и гул.
Эсэгэ Малаан — великий отец,
Рассердился и щеки надул.
Поднял руку он и раздался глас:
— Виноват во всем Хан Хурмас,
Пусть он сам на землю спускается,
Пусть он сам во всем разбирается,
Пусть, как хочет он, так и действует,
Но закроет дорогу бедствиям.

Так Великий Отец наконец сказал,
После этого посох-скипетр взял,
Опираясь на девяностосажженный посох свой,
Эсэгэ Малаан ушел домой.

От каждой звезды прилетевшие,
От каждой планеты сошедшие,
Воплощающие мудрость и разум,
Бурханы от размышлений вспотевшие,
На собраньи тихо сидевшие,
Заговорили все разом.

Хан Хурмас виноват со своим мечом,
Хан Хурмас заварил всю кашу,

Хан Хурмас виноват, а мы при чем?
С чертями сражаться — дело не наше.
Жизнь придется за это отдать не одну,
Не одна здесь вдова расплатится.
Не хотим расхлебывать чужую вину,
За чужие грехи расплачиваться.
Почему за чужие кривые пути

Должны свои подставлять мы спины?
Если сам Хан Хурмас не хочет на землю идти,
То есть у него три сына.

На собраньи мудром, надзвездном
Хором «Правильно!» все кричат,
Сотрясая надлунный воздух,
Все бурханы «Верно!» кричат.

Так собрание в свое завершение
Принимает правильное решение.

Хан Хурмас
Живущего на вершине высокой, горбатой горы
С конем ястребино-серым,
Обгоняющим черный ветер,
Старшего сына Заса Мэргэна к себе зовет
И говорит ему:
— Вот,
Надо на землю тебе спускаться,
Надо с чертями тебе сражаться.

Старший сын, Заса Мэргэн,
Живущий на высокой горбатой горе,
С конем ястребино-серым,
Обгоняющим черный ветер,
Отцу отвечает:
— Ни за что на свете.
Под земными дождями промокать —
Не хочу,
Под острые стрелы попадать —
Не хочу,
В земной грязи барахтаться не хочу,
Тебя же, отца, за это кляня...
Есть братья помоложе меня.

Хан Хурмас
Младшего сына Хабата Гэрэла
К себе зовет
И говорит ему:

— Вот,
Надо на землю тебе спускаться,
Надо с чертями тебе сражаться.

— Помилюте, —
Отвечает младший сын с тоской в очах, —
Я рожден,
Чтобы поддержив ть отцовский очаг,
Чтобы вечно хранить в нем тепло огня,
Есть ведь братья постарше меня..
Тогда,
Молчавший и слушавший до сих пор,

Средний сын Бухэ Бэлигтэ батор
Говорит отцу без лишних слов:
— Я на землю спуститься готов.
Если принесли мы народам зло,
Если напустили на них множество бедствий,
Время искупать вину пришло,
Время пришло не слов, а действий.

Я готов на землю идти хоть сейчас,
Всех спасу, кого мы обидели,
Но все, что я попрошу у вас,
Мне с собой на землю дадите ли?

Говорит Хан Хурмас, в восхищеньи застыв,
Сыну среднему, сыну лучшему:
— Все, что попросишь, мой доблестный сын,
Ты тотчас сполна получишь.

— Уходящему навеки из небесной обители
К страдающим людям и к их стадам,
Старшего брата Заса Мэргэна дадите ли?

Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Трех сестер нежнейших, прекрасных дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Бэлыгана, гнедого коня своего
С седлом и со всем снаряжением дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Четыре волшебные палочки,
На четырех морях мосты наводящие,
На четырех морях ветра умиряющие,
Дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Тоор-аркан,
Сразу семьдесят человек уловляющий,
Дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Лекарственно-сандаловую палочку,
Боли все утоляющую,
Дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Красный камень Зада́,
Все дожди вызывающий,
Дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

— Наран Дулаана дочь,
Царевну Наран Гоохон,
Мне на землю дадите ли?
Хан Хурмас отвечает:
— Дам.

Так,
Заклучив с отцом уговор,
Потребовавши ни мало, ни много,
Бухэ Бэлигтэ батор
Приготовил себя в дорогу.

Собрание надзвездное, мудрое,
Собрание надлунное, утреннее
Все до тонкости обсудило
И твердейше постановило:

«Хана Хурмаса, небожителя и властелина,
Среднего, красного сына,
Бухэ Бэлигтэ батора,
Согласно добровольному уговору
На гористую землю спустить.
В краю, где темно и глухо,
В семье старика со старухой,
Людей безвредных,
Живущих бедно,
Их сыном его родить».

Постановление утвердили,
Печатью скрепили,
Поговорили немного, а там
Разошлись довольные по домам.
В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
На земле, где тайга,
На земле, где гора,
На земле, где туманы,
Саргал Ноёну, старейшему из трех ханов,
Приснился красивый сон.

Будто
В северо-западном краю,
Пониже ярко-синего неба,
Повыше ярко-белых облаков

Видит он —
Серо-пестрый жаворонок
В переливах неба трепещет.
Если этого жаворонка схватить,
Оборвав его песенки нить,
То жизнь в трех ханствах немедленно направится,
То народ в трех ханствах от бедствий избавится.
Сразу понял Саргал Ноён,
Что сон этот вещий.

Проснувшись, Саргал Ноён
В золотой барабан бьет,
Северный собирает народ,
В серебряный барабан бьет,
Южный собирает народ.
Тугэшинские старейшины на зов идут,
Свои народы к нему ведут.
Приходят они, стары и мудры,
На вершину Сумбэр-горы.

На вершине горы стоят,
На северо-запад глядят.

— Там, пониже ярко-синего неба,
Там, повыше ярко-белых облаков,
В переливах неба жаворонок трепещет,—
Рассказал Саргал Ноён
Им сон свой вещий.—

Если жаворонка живым схватить,
Оборвав его песенки нить,
То жизнь в трех ханствах направится,
Народ от бедствий избавится.
Неужели нет среди вас такого стрелка,
Чтобы стрелу пустить за облака?

Харá Зутáн ноён, чья душа черна,
Да беда — рука у него верна,
Выступает на шаг вперед,
Лук берет и стрелу берет.

Хангайскую черную стрелу
У черной хромой собаки под брюхом продевает,
Войлоком из-под черной бездетной женщины вытирает,
Желтый бухарский лук натянул слегка,
Улетела стрела за облака.

Серо-пестрый жаворонок
От поганой замороженной стрелы
Падает вниз.
За три пальца от земли
Остановился, повис,

Снова крылышками вострепнулся
И царицой Наран Гоохон
Обернулся.
На вершине горы,
Отряхнувшись, царица встала,
До той поры
На земле такой красы не бывало.

Но старейший хан Саргал Ноён
Стал до конца вспоминать свой сон.
А во сне том было, что для блага народов
Прекрасную царицу надо всячески изуродовать.
Руку одну ей надо сломать,
Ногу одну ей надо вывернуть,
Глаз один ей надо выколоть,
За бедолагу Сэнгэлэн Ноёна ее замуж выдать.
Шалаш-балаганчик им поставить,
На одной простокваше их жить заставить,
Одну коровенку им дать пасти,
Всю тяжесть жизни им дать нести,
Чтобы даже котел у них был бы с трещиной,
Чтоб до старости им быть безгрешными,
Быть бездетными, одинокими,
Стариками им быть убогими.
«Но скажу я вам,—
Закончил Саргал Ноён,—
Не солгу,
Сам изуродовать я ее не смогу».

Хара Зутан ноён, чья душа черна
(Да беда — рука у него верна),

Выступает на шаг вперед,
Изуродовать царицу на себя берет.

Одну руку он ей сломал,
Одну ногу он ей вывернул,
Один глаз он ей выколол,
Из красы, какой не видала вселенная,
Превратил он ее в старуху согбенную.

За старика Сэнгэлэна ее замуж выдали,
На окраину земли их в избушку выдворили.

Изуродованные, изгнанные
Старик со старухой
Без детей, не рассеменившись, живут,
Простоквашей питаются, травку жуют.
Некого им на коленях ласкать,
Некого около подбородка качать.

Нет у них даже собаки, чтобы лаяла,
Нет у них скотины, чтобы землю топтала,

Такая досталась им доля злая,
По холодной земле ковлять устало.

Дикого чеснока соберут —
Немножечко поедят,
Гриб найдут —
Голод немножечко утолят,
Саранку откопают — саранку в рот,
Так жизнь течет, так время идет.

Однажды
Ночь была очень темна,
Наран Гоохон спала на постели одна,
Вдруг проснулась,
Будто кто-то с ней рядом был,
Вдруг очнулась,
Будто кто-то с ней только что говорил,
Вдруг вскочила,
Будто что-то ее только что обнимало,
Забравшись к ней под ветхое одеяло.

Смотрит,
А рука у нее не переломана,
Как и прежде была,
Видит,
А нога у нее не вывернута,
Как и прежде была,
Драгоценный глаз ее на месте опять,
Сила в теле, хоть прыгать-плясать.
Где болело и ныло — ныть перестало,
Сморщенная кожа белоснежной и гладкой стала.

Превратилась старуха согбенная, древняя
Опять в блистательную царевну.

На двор выскочила,
А от порога
Следок горностая зовет в дорогу.

Удивилась этому следу Наран Гоохон,
Не понимает, что б это значило?
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.

Однако не раздумывая, через поле и лес,
Побежала по следу молода и легка,
А след горностая вдруг исчез
И превратился в след колонка.

Не в темные дебри, не до звериной норы,
След ведет до вершины Сумбэр-горы,
Туда, где царевна Наран Гоохон

В виде жаворонка упала,
Туда, где царица Наран Гоохон
Старухой искалеченной стала.

И вот уж ни колонка, ни горностая нет,
Перед ней обыкновенный человеческий след.
На вершине горы, как белоснежный венец,
Поднимается до неба хрустальный дворец.
Наран Гоохон дверь во дворец находит,
Наран Гоохон смело в дверь эту входит.
Видит она, как бы сквозь туман —
За столом сам батюшка Эсэгэ Малаан.
А дальше
Смотрит она, не спуская глаз:
Унты отряхивая от мокрого снега,
Запыхавшись, как после быстрого бега,
Не горностай и не колонок, а Хан Хурмас!

Довольная возвратилась она к своей избушке
И вид приняла изуродованной старушки.

Но с этой ночи
Золотая матка ее оплодотворилась,
Но с этой ночи
Молоко в груди у нее заструилось,
Но в эту ночь, наверное,
Удовлетворилось ее желание.

На этом наше первое
Заканчивается сказанье.

ВЕТВЬ ВТОРАЯ

О РОЖДЕНИИ ГЭСЭРА НА ЗЕМЛЕ

Девять ветвей у священного дерева,
Каждая ветвь листвою повита,
Девять о Гэсэре сказаний древних,
В каждом сказанье — битва.

В черную выдру,
Из всех драгоценных зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

Когда
Хана Хурмаса царственная рука
Небожителя Атая Улаана разрубил на части
И шею, толстую, как у быка,
На землю сбросила,
Начались все несчастья.

Полетела шея вниз, замелькала,
В стране Хонин Хото на землю упала,
В стране, где холод, в стране, где тьма,
Обернулась шея дьяволом Гал Нурман.

Гал Нурман хан
Пошел к желтому морю,
Гал Нурман хан
Пошел к синему морю,
Гал Нурман хан
Пошел к черному морю,
Взбаламутил желто-сине-черную воду.
Девятьсот девяносто желто-сине-черных чертей

Выпустил на свободу,
С носами,
Достающими до воды в колодце,
С телами
Без тени даже на солнце,
С толстыми, как веревки, соплями,
С грязными котлами,
Наполненными отвратительной пищей,
А котлы те сто лет не чищены.
С шапками без верха,
С унтами без низа,
С шубами без меха,
С губами осклизлыми,
С когтями острыми,
С конями бесхвостыми,
С глазами гнойными,
С зубами сдвоенными.

Они трехлетнюю юную землю
Трижды вокруг обежали,
Четырехлетнюю молодую землю
Четырежды вокруг обежали,
Людей бесчисленных обижая.
Как черви ползают,
Как мухи жужжат,
Свободой пользуясь,
Людам вредят.

В истоки рек опуская яд,
Ядовитыми реки сделали,

В корни трав подсыпая яд,
Ядовитыми травы сделали.

Насекомых вредоносных плодя,
Землю бесплодной сделали.

Навели болезни и мор,
Напустили нищету и разор.

Напустили голод, холод и тьму,
Напустили язву, оспу, чуму,

Напустили распри, слезы и кровь,
Забыли люди жалость, любовь.

Вонь и смрад
На просторах цветущих стран,
Вместо синего неба — желтый туман.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,

На самом краю земли стояла маленькая избушка,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Жили в ней старик со старушкой.

Дикого чеснока соберут —
Немножечко поедят,
Гриб найдут —
Голод немножечко утолят,
Вершу поставят —
Рыбку поймают,
Петлю поставят —
Зайца поймают,
Саранку откопают — саранку в рот,
Так жизнь идет, так время течет.
Вдруг старуха стала толстеть,
Стала старуха животом полнеть.
Перед подола у нее вверх поднимается,
Зад подола у нее вниз опускается.

Старик собирается на охоту,
А она говорит: — В костях ломота.
Похоже, предстоит нам сынка встречать,
Будет кого на коленях качать.
Будет кого около подбородка баюкать,
Будет кому языком люлюкать.
Не ходи-ка ты на охоту, старый,
А приготовь мне мясного отвара¹.
— Не время мне с отваром твоим возиться,
От охоты отказываться — не годится.
Волк, добычу отпускающий,
С голоду подыхает,
Мужчина, от задуманного отступающий,
Имя свое теряет.
Детей рожать — не мужская забота.
И старик отправился на охоту.

Делать нечего. Осталась старуха одна,
Пошире войлок расстелила она.
Положила себе подушку повыше,
И вдруг из утробы голос слышит,
В животе кто-то молвит:
— Мама, темя свое оголи-ка,
Божественный шлем подними-ка!
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена,
Темя свое оголила старушка,
Не веря еще чудесам.
И тут же душа молодца сквозь макушку
Стремглав вознеслась к небесам.
Как только старушка правой рукой

¹ Буряты роженицам давали крепкий мясной отвар, бульон.

Придавила шлем, торопясь-спеша,
Из правой ее подмышки стрелой
Ввысь вознеслась девичья душа.
Когда старушка левой рукой
Закрыла подмышку ту —
Из левой ее подмышки стрелой
Вторая душа вознеслась в высоту.
Когда царица, на все решась,
Подмышки и шлем прижала спеша —
Через пуповину ввысь вознеслась
Третьей девицы душа.

Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена,
Старушка заплакала вдруг,
Вниз опуская взоры,
Царица заулыбалась вдруг,
Вверх поднимая взоры.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Раздался голос — утробный, юный —
Бухэ Бэлигтэ хубууна:
— Теперь золотой, божественной мерой
От матери я отделяюсь!
Истинна правда, всеильна вера:
В человека земного я воплощусь!

Так вознесся через макушку
Наран Гоохон царицы-старушки
Заса Мэргэн, старший брат
Бухэ Бэлигтэ хубууна;
Через правую ее подмышку —
Эржэн Гоохон, старшая сестра,
Через левую отделилась
Дуран Гоохон, средняя сестра,
Через пуповину определилась
Сэбэл Гоохон, младшая сестра
Бухэ Бэлигтэ хубууна.

А сам Бухэ Бэлигтэ хубуун
В утробе еще лежал, сопляк и пачкун.
Растерялась царица-старушка, она
Никак не поймет, что бы все это значило,
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.
Хотела было спросить:
— Кто ты?
Но тут и старик вернулся с охоты.
Только переступил он родной порог,
Как родился у него сынок.

Был румян он, крепок, здоров,
Только с виду очень суров.
Ничего еще он не пил и не ел,
А пеленки перепачкать успел,
Правая рука у него вытянута,
Левая нога подгибается.
Только что из утробы вынутый,
Смотрят — уже сморкается.
Левый глаз у него — прищурен,
Лоб у него нахмурен.
Смотрят родители озабоченно,
Разузнать им скорее хочется:
Почему правая рука вытянута,
Почему левая нога согнута,
Почему правый глаз вытаращен,
Почему левый глаз сомкнут?

Гадают они над новорожденным долго,
А новорожденный говорит им громко:
— Правая рука вытянута,
Чтобы всех врагов поражать,
Левая нога согнута,
Чтобы всех врагов растоптать,
Левый глаз прикрыт,
Чтобы врагов перехитрить,
Правый глаз широко открылся,
Чтобы никто из врагов не скрылся.
Старик со старухой,
Заброшенные, искалеченные,
От красного утра до черного вечера
Ребеночка моют и вытирают,
А в пеленках не убывает.
В избушке — вонь, нельзя и дышать,
Надо что-то решать.
Мальчонка пыжится — за день не выгрести,
Решили они его наружу вынести,
На холмик около избушки поставили,
Да на ночь там и оставили.

А сыночек их, оказывается,
Как только стемнело,
На ноги встал и принялся за дело.

Был он, оказывается, смышлен и толков,
Расставил вокруг люльки семьдесят силков.
Силки поставив, снова в люльку забрался
И на всю окрестность раскричался.

На всю страну,
Невзрачную, выветренную,
На всю страну,
Наизнанку вывернутую,
На всю страну,

Холодную и голодную,
На всю страну,
Безводно-бесплодную,
Где только проскальзывает под преградами
Одна река с тремя водопадами,
По стране, где сухо,
По стране, где голо,
Разнесся мальчика громкий голос.

Девятьсот девяносто
Желто-сине-черных чертей
Голос этот слышали,
Девятьсот девяносто
Желто-сине-черных чертей
Из убежищ своих все вышли.
Прислушиваются:
Что это значит?
Не ребенок ли новорожденный плачет?
Надо его немедленно извести
И главного дьявола известить.

Послали они мышей с трехгодовалых быков,
С мордой медной и железных с боков.
Мыши вредные, морды медные,
Железнодорожные, железнодорожные
Вокруг колыбельки бегают, нюхают.
Хоть громадные, как быки,
Все попались они в силки.
Ногами дрыгают, в судорогах бьются,
Но силки не пускают их и не рвутся.
Мальчишка проснулся, на ножки встал,
Краснодеревым кнутом их всех исхлестал.
С медными мордами, с железными боками
Раскидал по земле кусками.

И сказал им ясно и твердо,
Чтобы впредь не повадно было:
«Не будете иметь вы острые морды,
А будете иметь тупые рыла».

Во время этого подвига он, как видно, устал,
Крепко уснул, долго спал.
Но вот и ясное утро настало,
Светлое солнышко заблестало.
Новоявленные родители — старик и старушка,
Потащили дитё опять в избушку.
Поставили люльку в почетном углу,
Отойти не успели — навалено на полу.
По всей избушке страшная вонь,
Опять потащили мальчонку вон.
Опять они люльку на холмик поставили,
Да на ночь там и оставили.

А сыночек их, оказывается,
Как только стемнело,
На ноги встал и принялся за дело.
Расставил вокруг люльки
Семьдесят семь силков.
Был он, оказывается,
Смышлен и толков.
Девятьсот девяносто
Желто-сине-черных чертей,
Из своих поганных котлов,
Наевшись вареных вшей,
Не могут дожидаться медномордых мышей.
Извести новорожденного желая упорно,
Выпустили они остроклювых черных воронов.

Из страны,
Где деревья с корнями выдернуты,
Из страны,
Где все наизнанку вывернуто,
Из страны холодной,
Из страны голодной,
Из страны бесславной,
Из страны бестравной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
Черные вороны, посланные чертями,
Летят с железными клювами и когтями.

Летят они, громко каркают,
Летят они не с подарками,
Хотят мальчика в колыбельке выглядеть.
Хотят глаза у мальчика выклевать.

Но Бухэ Бэлигтэ малыш,
Оказывается, не спал-дремал,
Но двухдневный малыш-крепыш,
Оказывается, воронов ждал.

Вот они уж не в облаках —
Позапутались все в силках,
Ногами дрыгают, крыльями бьются,
Но силки не пускают их, не рвутся.

Мальчик встал,
Клювы их железные все повывернул,
Когти их железные все повыдергал.

— Улетайте, — сказал он им, — велю вам,
Но детей человеческих не троньте,
Будете иметь теперь костяные клювы,
Будете иметь теперь костяные когти,
И уж рады ли вы, не рады ли,
А питаться будете только падалью.

Во время этого подвига малыш устал,
Крепко уснул, долго спал.

Но вот и ясное утро настало,
Светлое солнышко заблистало.
Родители — старик и старушка —
Потащили дите в избушку.

Целый день он мирно сопел да ел,
Лежал в колыбельке кверху глядя.
Но к вечеру — не видели когда и успел —
Опять всю избушку загадил.
По всей избушке — невыносимая вонь,
Потащили мальчонку вон.
От избушки, загаженной, невядалеке,
Поставили люльку на бугорке.
А Бухэ Бэлигтэ малыш, как только стемнело,
Принялся за привычное дело.
В колыбельке своей не валяясь, не спя,
Семьдесят семь силков поставил вокруг себя.
Сделав это, так раскричался,
Что даже лес вдали закачался.
Девятьсот девяносто
Желто-сине-черных чертей
Голос этот слышали,
Девятьсот девяносто
Желто-сине-черных чертей
Из убежищ своих все вышли,
Прислушиваются:
Что это значит?
Не ребенок ли новорожденный плачет?
Выпустили они
Комаров бесчисленный рой,
Каждый комар
С откормленную лошадь величиной.

Из страны
невзрачной
и выветренной,

Из страны,
Наизнанку вывернутой,
Из страны,
Холодно-голодной,
Из страны,
Безводно-бесплодной,
Комары к колыбельке роем летят,
Малыша-крепыша закусать хотят.
Летят они быстро, наперегонки,
Начинают они кружиться,
Нацелили острые хоботки:
Выбирают куда бы впиться.
Но все попали они в силки,
Не могут освободиться.

Поднялся мальчонка — кнут в руке
С восемнадцатью узелками.
Кровища текла, как вода в реке,
Красное месиво под ногами.

Такими словами заклиал их он:
«Позже позднего,
На стыке прошедшего и будущего времен,
Не будете вы с откормленных лошадей
До смерти заедать людей.
Будете вы, мелкая мошकारа,
Бояться дымящегося костра,
На травинках качаться,
Чуть-чуть кусаться».
Вот каков был малыш — три дня прожил
И уже три подвига совершил.

Во время последнего подвига он очень устал,
Крепко уснул, долго спал.

Но вот и ясное утро настало,
Красное солнышко заблистало.
Старик со старухой уж тут как тут,
Мальчика берут, в избушку несут.

Целый день лежал он, спал, сопя,
Родители не нарадуются на сына.
А к вечеру, смотрят, избушка вся
Опять загажена до потолка.

Старуха раскричалась: «Опять эта вонь,
Нечем дышать, выноси его вон!
Да не ставь ты его поблизости, около,
А выбрось к черному медведю в логово».

Старик Сэнгэлэн Ноён
Жалеет мальчика, как-никак — сынок,
Но старуху все же послушался он,
Уносит мальчика на восток,
Туда, где черный медведь живет,
В берлоге спит, мясо жует.

Ночь прошла. На другой день утром
Старик подумал, что поступил не мудро,
Оставив сына на съедение зверю.
Приходит назад и глазам не верит:
Мальчонка голенький играет в берлоге,
А медведь огромный вытянул ноги,
Лежит задушенный, язык прикушенный,
Лежит убитый, глаза закрыты.
Пришел старик домой и медведя принес,
А мальчонку опять прохватил понос.
Пока старик со старухой медвежатину ели,

Навалил мальчонка выше постели.
Из окна ли прямо, через калитку ли,
Из избушки все трое не вышли, а вытекли.

Горюют старик со старухой, вздыхают,
Что делать с таким пачкуном не знают.
Старик по старухиному наущенью
Сбросил его с горы в ущелье.

Но мальчонка и здесь не промах был,
Целое ущелье к утру навалил,
И таким-то образом из ущелья поднялся,
И таким-то образом наверху оказался.

После всего этого
Старик и старуха задумались,
После того как задумались,
Старик и старуха образумились.
Какие-то ведь знаки во всем видны,
Хоть мы и не понимаем,
Что бы все это значило?
Большим удивленьем удивлены,
Задачей большой озадачены.

Занимев такого малыша,
Тужить ли нам?
Не послали ли этакое крепыша
Небожители?

Давай-ка, старик, с этих пор
Перестанем его выносить на бугор,
Давай-ка, старуха, с этого часу
Не заставим плакать его ни разу.

Ты посмотри —
Грудь у него какой ширины,
Ты посмотри —
Какие у него широкие руки,
Ты посмотри —
Как жилы его напряжены,
Ты посмотри,
Какие мускулы у него упругие.
Может это будет самый славный батор,
А мы его каждую ночь — на бугор!
Через ночь
Он не вмещался ведь уж в шкуру барана,
Через две
Он не вмещался ведь уж в шкуру быка.
Не иначе послали бурханы
Нам такого сынка.
Когда он бегаёт-скачет,
Одежонка спереди по швам трещит,
Когда он танцует-пляшет,

Одежонка сзади по швам трещит,
Когда он гундит-зундит,
Понять ничего нельзя,
Когда отчетливо говорит,
Не восхищаться нельзя.
Между тем,
Гал Нурман хан — главный дьявол,
Предводитель девяност девяти чертей,
Колдовством занялся,
При помощи
Двенадцати сильнейших волшебств,
При помощи
Двадцати трех чародейств
Все в подробности разузнать взялся.
Волшебства у него по ладони бегают,
Чародейства по пальцам прыгают,
Хвостиками мышиными вертят,
Ножками дрыгают.
Большим умом все они распознали,
Главному дьяволу рассказали,
Что на самом краю,
Где земля переходит в пустырь,
Народился доблестный богатырь,
Будет он
Против чертей решительно действовать,
Будет он
Избавлять народы от бедствий.

Пока не принял он настоящего вида,
Пока не приобрел он настоящего тела,
Должны вы, черти, немедленно выйдя,
Совершить свое злое, черное дело.
Надо мальчонку в дни его детские
Уничтожить любыми средствами.

Главный дьявол, не медля, точное
Дает своим посыльным задание,
Срочно
Всех чертей созвать на собрание.

Долго черти шумели,
Спорили, обсуждали,
Наконец, к утру еле-еле
За решение проголосовали.
Решение было высказано злое,
Вот оно от слова до слова:

«Пока богатырь не принял настоящего вида,
Пока не приобрел он настоящего тела,
Должны мы, черти, опасность видя,
Совершить свое черное, злое дело.
И мальчика в колыбельке детской
Уничтожить любыми средствами».

Начали исполнителя выбирать,
Стали еще громче орать.

И решили, что идти надо самому старшему,
Самому злому, самому страшному.

В тот же вечер долго ли, скоро ли,
Начал дьявол самый сноровистый
Собираться большими сборами,
Подготовкой большой готовиться,

Чтоб с востока Хонин Хото,
Где не ест и не пьет никто,
Из страны почерневшей, выветренной,
Из страны наизнанку вывернутой,
Из страны безводной, бестравной,
Из страны бессветной, бесправной,
Устремиться на край пустыря,
Уничтожить будущего богатыря.

Вот к местам приближается он,
Где старик Сэнгэлэн Ноён,
Где старуха Наран Гоохон
В захудалой избушке живут,
Что добудут, то и жуют,
И где люлька стоит в тесноте,
А в ней мальчик Бухэ Бэлигтэ.

Девятисот девяноста чертей,
Самый старший и страшный черт
Был хитер, в переделках терт.
Чтобы дело сделать верней,
Чтобы встречен был у дверей
Стариком со старухой без страха,
Не дойдя до избушки трех дней,
Превратил он себя в монаха,
С виду доброго, а не злого,
В черном рубище и слепого.

Как задумал он, так и вышло,
Приглашают его под крышу
Старички, как будто родного,
Говорят ему доброе слово,
Не глядят сердито и косо —
Задают прищельцу вопросы:

Как зовут его, как звали отца?
Из каких он пришел земель?
И где ждет он пути конца?
И куда он пойдет отсель?

Отвечает монах старикам:
— Я пришел издалёка к вам,

Я от самого желтого моря,
А хожу по земле без горя,
У хороших, добрых людей
Обучаю малых детей.
Надо им привить хоть немного,
Что хорошо, а что плохо.
Надо их научить молиться,
И всему, что им пригодится.
Я узнал, что у вас — малец,
Буду я ему как отец,
Буду я ему как родная мать,
Буду с ним гулять и играть.

Старик со старухой умилились
И на радостях прослезились.
Надели на себя, что было получше,
Угостили монаха, чем было, погуще.
Кланяются ему чуть ли не до земли,
К колыбельке его подвели.

А малыш кричит-надрывается,
Знать монах ему очень не нравится.

Монах наклонился над мальчиком и говорит:
— Наверное, у него животик болит.
Но как только он над мальчиком наклонился,
Сразу в дьявола преобразился.

Говорит: «Ах, как мальчик мне люб».
А сам нацелил железный клюв,
Острый клюв длиною в две четверти,
Не спастись мальчонке от смерти.
Но мальчонка за клюв ухватился
И ножонкой черта — в кадык,
Клюв нацеленный отвалился,
Черт бесклювый на землю — брык.
Мальчик голову вместе с печенью
Оторвал у коварной нечисти.
Тело дьявола опустело,
Даль таежная загудела.
Посреди избушки — сынок,
Мертвый дьявол лежит у ног.

Взял мальчонка широкий отцовский топор,
Нарубил деревьев, сложил костер,
И тело дьявола от головы и до ног
На костре разгоревшемся сжег.
Прах и пепел на юг и на север
На ветру без остатка развеял.
Так Бухэ Бэлигтэ за четыре дня
Четыре славных подвига успел совершить,
И опять младенцем зундя-гундя,
Скача-топоча продолжает жить.

Родители на него дивятся
И в тайне души гордятся.

Девочка от люльки
Должна быть миленькой,
Мальчик от люльки
Должен быть сильненьким.
Поговорка старинная их касается,
Звучавшая запросто у автора.
Девочка с детства — уже красавица,
Мальчик с детства — уже батор.

Уж тесен мальчику избушки уют,
Не по дням, по часам богатырь растет.
Вот руки мальчика до седла достают,
Вот нога мальчика до стремени достает.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором расскажу нашему течь,
Триста тридцать чертей желтого моря
Продолжали сеять беду и горе.
В водах желтого моря они червей расплодили,
Воды желтой реки они до дна иссушили,
Растущие травы там — засохли,
Пасущиеся стада там — передохли.

Люди жившие весело — горевать начали,
Люди жившие с песнями — погибать начали.
Что ни день — сто человек умирает,
Что ни ночь — сто голов скота погибает.

Подрастающий малыш обо всем об этом узнал,
Подрастающий крепыш сам себе так сказал:
«Пора начинать мне действовать,
Чтобы избавить людей от бедствий».
Перекрасил он своего коня на желтого,
Усы он себе приделал желтые,
Шапочку на голову надел желтую,
Кисточку к шапочке приделал желтую.
Взял он желтый котел, сто лет нечищенный,
Чтобы варить в нем желтую непотребную пищу.
Приехал он к желтому морю на желтом коньке,
Расположился в желтой долине на желтом потнике.
В желтом котле на желтом огне
Начал варить он желтых вшей,
Чтобы выманить обитающих на желтом дне
Из желтой воды желтых чертей.

Сидит себе варит. К исходу дня
Послышались в море шум и возня.

Послышались крики, слышались споры,
И вот появилась чертей свора.

Окружили они мальчика-кашевара,
Тянутся попробовать дьявольского навару.
Спрашивают у мальчика, кто он и как зовут?
Какого хана подданный и зачем оказался тут?

Отвечает малыш, не моргнувши и глазом:
— Прибыл я к вам, желтым чертям, с наказом,
Плохо вы, оказывается, черти, живете,
С червяками возитесь, вшей жуете,
Не различаете вы, черти, где день, где ночь,
Прибыл я от небожителей, чтобы вам помочь.
Прибыл я из восточной, поднебесной страны,
К вам помощником назначен я.
Смотрят черти друг на друга, удивлены,
Переглядываются, озадачены.
Глаза у них недоверьем горят,
Чтобы нам помогать, они говорят,
Кости твои, пожалуй, мягки,
Мускулы твои, пожалуй, жидки,
Жилы твои тонки, говорят,
И весь ты для этого слабоват.

Если хочешь ты с нами жить,
Если хочешь ты нам служить,
Мы устроим тебе испытанье,
Зададим мы тебе заданье.

Сможешь ли ты со своим конем
Море обскакать, пока мы моргнем?

Мальчик сел на коня, повод вмиг натянул,
И так глаза у чертей повернул,
Что, моргнув, они смотрят, удивлены,
Будто он прискакал с другой стороны.

Так мальчишке черти поверили,
Так вошел он к чертям в доверие.

Триста тридцать чертей, уж больше не споря,
Решили взять мальчика с собой в желтое море.
Будешь, сказали, на желтом дне с нами жить,
Нам, желтым чертям, помогать и служить.
— Согласен, — сказал им малыш в свой черед, —
Показывайте дорогу, идите вперед.
Черти даже не оглянулись,
В воду желтую бултыхнулись.

А мальчишка сел на коня и тут
Достал с восемнадцатью узелками кнут.

Начал он желтое море кнутом хлестать,
Начал он чертей на куски рассекать.

Сек он их без пощады и без боязни,
Смешал он их с желтой водой и грязью.

И чтоб больше им оттуда не вынырнуть,
Сандаловой палочкой море выровнял.

Все воды, что кнутом и чертями изгадил,
Он сандаловой палочкой очистил, разгладил.

С тех пор море с чертями не знается,
Спокойно плещется, переливается.

Точно так же
На синем коне и в синем уборе
Поступил он с синими чертями из синего моря.

Точно так же
На черном коне и в черном уборе
Поступил он с черными чертями из черного моря.
Сек их кнутом, лупил их палкой,
Смешал их с илом, смешал их с галькой.

А потом, чтоб моря красиво выглядели,
Сандаловой палочкой разровнял и выгладил.

В это самое время Саргал Ноён,
Из трех земных ханов старейший хан,
Живущий в белой долине,
Повелитель всех белых стран,
Ездящий на слоново-белом коне,
По дорогам белым, как облака,
Имеющий снежно-белую голову,
Читающий бело-сверкающую книгу законов,
Думающий белые, чистые думы,
Старший брат Сэнгэлэн Ноёна,
Изгнанного на страданья на край земли,
Обитающего в захудалой избушке
С искалеченной старушкой,
С бывшей принцессой Наран Гоохон.
Этот самый старший хан Саргал Ноён
Прослышал, наконец,
Что младший его брат стал — отец,
Что невестка его мальчика родила,
Совершающего неслыханные дела.

Саргал Ноён от радости чуть не плачет,
На край земли к изгнанникам скачет.
Своего племянника хочет видеть,
Своего племянника обнимает.

И родителей стареньких не обидя,
У них мальчика отбирает.

Посадил он его к себе в седло,
А мальчика опять пронесло.

Так коня он всего повымазал,
Даже шерсть у коня повывезла.

Но все же привез он его домой.
И говорит: вот племянник законный мой.
Старшему моему сыну
Алтан Шагай Мэргэну
Будет он как родной брат,
Младшему моему сыну
Мунгэн Шагай Мэргэну
Будет он как родной брат,
Будут они вместе расти, играть.
Вот только как нам его назвать?
На земле без имени жить не годится,
Мало народиться и на свет появиться,
Богатырю и батору по праву
Нужна известность, нужна и слава.

Соберем-ка мы старых и почтенных людей,
Угостим их супом из девятилетнего откормленного быка.
Они в течение праздничных и веселых дней
Имя мальчику придумают наверняка.

Месяц веселятся и отъедаются гости,
Целый год они веселиться рады,
А имя мальчику все не находится,
Белое имя ему все не найдено.

Опечален и рассержен Саргал Ноён,
Кусок мяса с шапку отрезает от туши он,
Кусок масла с голову от земли поднимает он,
Кто имя мальчику подберет,
Тот мясо и масло себе возьмет.

Вышел седенький старичок-недоросточек,
Опирающийся на камышовую тросточку,
Волосы у него сквозь шапку наружу проросли,
Ногти у него сквозь рукавицы наружу проросли,
Похож он был на корешок из земли.

Встал старичок перед ханом суровым
И молвил тихое верное слово:

— Мальчик этот пачкун и сопляк,
Значит и называться он будет так.
Сопляк по-нашему не звучит, как мы знаем,
С этого дня и зовите его Нюргаем.

Веселящиеся люди
«Верно, верно» кричат,
Отъедающиеся люди
«Правильно» говорят.

— Лучше не придумашь, — раздается крик, —
Ай да старик, молодец, старик!
Обрадовался и развеселился Саргáл Ноён,
Мясо и масло старику отдал он.
Три сына теперь у него в дому,
Три молодца один к одному.
Алтáн Шага́й да Мунгэн Шага́й,
Да новый сынок, соплячок Ньюга́й.

Все три — крепыши, все три — в чести,
Заставил он их телят пасти.
Семьдесят телят красных,
Семьдесят телят справных,
Семьдесят телят гладких,
Семьдесят телят сладких.

Говорит Ньюга́й старшим братцам:
— Как бы нам до одного хоть теленка добратсья?
В животах у нас пусто,
А мясо телячье — вкусно.
Мы теленка в котле сварим,
Мы теленка втроем съедем.

Алтáн Шага́й говорит:
— Отец рассердится,
Мунгэн Шага́й говорит:
— Мать рассердится,
А Ньюга́й говорит:
— Безделица!

— После шкуру теленка травой набьем,
Дырку в шкуре травой заткнем,
Погоняя кнутом, крича «Ой-той!»,
С другими вместе пригоним домой.

Братья сомневаются, друг на друга глядят,
Но телятины и они хотят.
— Мать с отцом конечно нас заругают,
Но попробуй, — сказали они Ньюгаю.

Ньюга́й теленка за хвост схватил,
Тряхнул насколько хватило сил,
Все мясо из шкуры вытряхнул,
Шкуру целехонькой вывернул,
Травой набил, прутom стегнул,
Теленок побежал, лишь ногами взбрыкнул.

А братья в кружок на лужайке сели,
Мясо телячье с удовольствием съели,

Мясо глотали жадно,
Кости глодали ладно,
Бабки телячьи взяли
И дотемна играли.

Остались они довольны,
Очень им это понравилось.
Через день из стада привольного
Еще на теленка убавилось.

Шкура травой набивается,
Никто и не догадается.
Никто на свете не знает,
Что по теленку в день убывает.

Но увлеклись ребятишки малость,
Опомнились,
А стада уж не осталось.

Остался из семидесяти один телок,
Никак его Нюргай поймать не мог.

Но братья старшие помогли,
Поймали, к младшему привели.
Нюргай его за хвост ухватил,
Тряхнул насколько хватило сил,
Все мясо из шкуры вытряхнул,
Шкуру обратно вывернул,
Травой набил, кнутом стегнул,
Теленок побежал, лишь ногами взбрыкнул.

Так из целого красного стада
В живых ни одного теленка не стало.

Остались только шкуры с травой,
Погнали их мальчишки домой,
Едва до дома озорники добрались,
На воду набросились, опились.
Нюргай безотрывно пьет и пьет,
Пока мешком не раздулся живот.
Мать, пришедшая с улицы, удивилась
И у сына-приемыша осведомилась:

— Ты, чего это так ненасытно пьешь,
Как будто огонь в животе не зальешь?

— Да ведь как же не пить, если всех подряд
Мы съели семьдесят жирных телят.

— Полно, сынок, хоть ты и пьешь,
А насчет теляток, наверное, врешь.
Я только сейчас пришла из стада,
Бегают телятки, резвятся, что надо.

Взбрыкивают, к себе подойти не дают,
Маток сосут, травку жуют.

Но однако мать задумчивой стала,
Возвратилась проверить стадо.
Одного теленка оглядела — увь!
Заткнут он под хвостом пучком травы.
Трава уж высохла, почернела.
Хозяйка и других телят оглядела.
Из всех семидесяти — хоть бы один живой,
Семьдесят шкур, набитых травой.
Траву лишь выдернет из-под хвоста,
Шкура падает, легка и пуста.

Мать домой прибежала сердитая,
Оказались все мальчишки побитыми,
Отстегала она их как надо,
За то, что извели телячье стадо.
— Вот вам за теленка, а вот за другого,
Приговаривала она, стегая,
Досталось и среднему и старшóму,
А особенно досталось Ньюгаю.

Он телятины слишком уж наглотался,
Он водой едва не опился...
Но Саргал Ноён рассмеялся
И за мальчика заступился.

— Ты его, жена, не ругай, не брани
И за семьдесят съеденных телят не вини.

Народился он для великих действий,
Он избавит людей от великих бедствий.

В эту ночь Саргал Ноён в душе своей
Решил испытать подрастающих сыновей.
Кто из них храбр и силен,
Кто из них разумом скор,
Кто из них для хозяйства рожден,
А кто из них настоящий батор.

Светлое утро настало,
Солнышко заблестало.
Хан Саргал Ноён
С белой, большой,
Отцовской душой
Алтан Шагая сына чаем поит,
Алтан Шагаю сыну
В путь-дорогу собираться велит.
Берет он Алтан Шагая,
Подрастающего молодца,
И рядом с собой сажает
На быка, не видевшего кольца.

Без дороги и следа,
Где не ступало ноги,
Едут они, едут
И доехали до тайги.

Деревья огромные высятся,
До облаков достают,
Деревьев многие тысячи,
По деревьям птицы спуют.

Звонкая древесина,
Нету тайге конца,
Спрашивает отец у сына,
Чтоб испытать молодца:

— Видишь эти деревья,
Растущие вкривь и вкось,
Что бы из них ты сделал,
Если бы привелось?

Будучи не героем,
Но любящим отчий край,
— Хороших домов бы настроил,—
Ответил Алтан Шагай.

Отец не повел и бровью,
Спокойствие сохранил,
И вот на поляну ровную
Выехали они.

Поляна в цветах красивых,
Поляне нету конца.
Спрашивает отец у сына,
Чтоб испытать молодца:

— Видишь, поляна ровная,
Вокруг трава да цветы.
Что бы на ней устроил,
Если б случилось, ты?
На что бы она годилась,
Подумай и мне скажи.

— Рожь бы здесь славно родилась,
Я бы засеял ржи!

Ладно, поехали дальше,
Время пришло поесть.
Отец говорит мальчику:
— Давай остановимся здесь.

Котел мы забыли дома,
Как же теперь нам быть?

Мальчик из пня дубового
Стал котел мастерить.

Подумал отец — малыша не осудишь,
Но должно и ребенку быть ясно:
На жарком костре в деревянной посуде
Никак уж не сваришь мяса!

Поехали дальше голоднее прежнего,
Вдруг выпорхнула большая птица,
Шарахнулся в сторону бык необъезженный
И начал беситься.

Саргал Ноён, сделавши вид,
Что бык со спины его сбросил,
Глаза закрыл, неподвижно лежит,
А мальчик бежит, просит:

— Вставай, поедем, вставай!
Но сколько бы ни просил он,
Сколько б ни плакал Алтан Шагай,
Помочь он отцу не в силах.

Огорченью хана нет берегов,
Печаль его сердце гложет:
Не сможет такой разгромить врагов
И зло победить не сможет.

В сердце выносит он приговор,
Которого сын достоин:
Хороший он мальчик, но не батор,
Старательный, но не воин.

Каков-то Нюргай, приемный сынок,
Что смыслит он, что умеет?
С этими мыслями спать он лег —
Утро вечера мудренее.

Снова светлое утро настало,
Снова солнышко заблистало.

Хан Саргал Ноён
С белой, большой
Отцовской душой,
Нюргая сына чаем поит,
В путь-дорогу собираться велит.

Едут они бодро и весело
И подъезжают к лесу.
Деревья огромные высятся,
До облаков достают,
Деревьев многие тысячи,

По деревьям птицы снуют.
Крепкая древесина,
Нету тайге конца,
Спрашивает отец у сына,
Чтоб испытать молодца:

— Видишь эти деревья,
Растущие вкривь и вкось,
Что бы из них ты сделал,
Если бы привелось?

Сынок посмотрел на лиственницы
И отвечает так:

— Годятся они, чтобы биться,
Если напал бы враг.

Отец не повел и бровью,
Спокойствие сохранил,
И вот на поляну ровную
Выехали они.

Поляна в цветах, красива,
Поляне нету конца.
Спрашивает отец у сына,
Чтоб испытать молодца:

— Видишь, поляна ровная,
Вокруг трава да цветы,
Что бы на ней устроил,
Если б случилось, ты?

— Поляна эта годится,—
Отвечает мальчик, толков,—
Чтобы с врагами тут биться
И разметать врагов.

Очень, очень удобна
Для этой цели она,
Потому что очень огромна
И потому что очень ровна.

К тому же — тверда, но не слишком,
К тому же — всегда ветерок.
Так думает жалким умишком
Нюргай, твой жалкий сынок.

Ее я запомню, пожалуй,
И место, где она есть,
И если враги пожалуют,
То встречу врагов я здесь.

Едут дальше. Саргал Ноён хан,
Исполняя замысел прежний,

Быка под брюхом пощекотал —
Бросился бык необъезженный.

Саргал Ноён, сделавши вид,
Что бык со спины его сбросил,
Глаза закрыл, неподвижно лежит,
А мальчик бежит, просит:
— Вставай, поедем, вставай...
Но видя, что тот не встает,
К лесу идет мальчонка Нюргай
И огромную сосну несет.

Потом он веток сухих натаскал,
Хана вокруг обложил:
— Сейчас увидим, — так он сказал, —
Жив ты или не жив.

Разжег костер. Пламя гудит,
Как ужаленный хан вскочил.
— Ой, в какое пекло я угодил,
Ой, горячо! — кричит.

А мальчонка хана в охапку сгреб
И так погрозился он:
— Больше меня не обманывал чтоб,
Кину опять в огонь.

Но хан сказал:
— Испытаньям конец,
Пусть мальчик меня простит,
Родился на свет тот молодец,
Который всех победит.

Достал он свой расшитый кисет,
Уселись они рядком,
Как будто обоим поровну лет,
Дымят голубым дымком.

Разгоняя рукой дым табака,
Сединами убелен:
— Да, могучего я заимел сына! —
Молвил Саргал Ноён.
К дому они подъезжают к вечеру,
В дом они входят весело,
Жена Саргал Ноён хана
На пороге их встретила.

Золотой стол расстилает,
Вкусные блюда на нем расставляет.
Серебряный стол расстилает,
Сладкие блюда на нем расставляет.
Великодушный хан Саргал Ноён

Вкусно ест, сладко пьет,
Великодушный хан Саргал Ноён
Неторопливую беседу ведет,
Всего понемногу кушает,
Обо всем понемногу рассказывает,
Домашние все его слушают,
На яства ему показывают.

Хан Саргал Ноён дорогою утомленный,
Хан Саргал Ноён напитками добрыми напоенный,
Хан Саргал Ноён отборными яствами утоленный,
Берет свою серебряную трубку,
Величиной с берцовую кость,
Открывает свой бархатный кисет,
Величиной с рукав,
Красным, резаным табаком
Свою трубку он набивает,
Кресалом с чеканом узорным
Искры о кремьнь высекает
На мягкий трут из пушистых трав,
И, размахивая трутом зажженным,
В трубке огонь раздувает.

Хан Саргал Ноён
Трубку свою сосет шумно,
Хан Саргал Ноён
Дым изо рта выпускает клубно.

Один раз затянулся,
Желтое солнышко потемнело,
Второй раз затянулся —
Завечерело.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,
Хану Саргалу Ноёну
Говядина и баранина совсем приелись.

В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Хану Саргалу Ноёну
Дичатины захотелось.

Велит он собираться на охоту облавную,
На потеху ханскую, славную.

Старшего сына Алтан Шагая
К младшему брату своему Хара Зутану послал,
Чтобы старший сын Алтан Шагай
Дяде своему Харá Зутáну волю ханскую передал.

Чернодумный хан Харá Зутáн,
Об охоте услышав, встрепенулся,

Вниз посмотрел, откашлялся он,
Вверх посмотрел — улыбнулся.
Был у него конь всех других ладней,
Выменянный на сто двадцать обыкновенных коней,
Недоуздок из серебра

он на морду коня накинул,
Потник шелковый с расписной каймой
Он на спину коню накинул,
Серебряной уздой он коня взнуздal,
Серебряным седлом он коня оседлал.
Подпруги подтянул, чтобы десять лет не ослабли,
Все ремни подтянул, чтобы двадцать лет не ослабли.
Длинный повод к луке седла привязал,
А сделав все это, бубен в руки взял.

В золотой бубен ударяет,
Северных людей призывает,
В серебряный бубен ударяет,
Южных людей созывает.

О предстоящей охоте всех извещает,
Славную облаву удальцам обещает.

Призывают возгласы редкие,
Призывают возгласы громкие:
— Пусть собираются стрелки меткие,
Пусть собираются охотники ловкие.

В это самое время
Старший брат хан Саргал Ноён
Добрыми мыслями одушевлен,
Прибыл к младшему брату
Хану Харá Зутáну.
Со своим приемным сынком Нюргаем,
Ехали они, пыль-туман поднимая.

Встретившись,
Братья о здоровье друг у друга справляются,
Рукопожатьем они друг друга дарят,
При помощи редких слов объясняются,
При помощи красивых слов говорят.

— Баранина и говядина,—
Говорят они,—
Приелась,
Медвежатины, зайчатины,—
Говорят они,—
Лосятины, кабанятины,—
Говорят они,—
Захотелось.

По тринадцати склонам Алтайских гор
Облаву они затеяли,

По тридцати склонам Саянских гор
Охота пошла великая,
Осыпают леса они стрелами,
Оглушают холмы они криками.

По косогорам на конях они рыскают,
Зверей драгоценных они выискивают,
Каждый побольше добыть старается,
Но с Нюргаем никто не сравняется.

Выдр он стреляет
Самых черных и самых лучших,
Соболей он добывает
Самых шелковых, самых лучших,
С медведем встретится — ребра ему ломает,
С оленем встретится — спину ему ломает,
Но тощих зверей он не трогает,
А слабых — не обижает.
Жирных зверей без промаха бьет,
Голодным людям еду раздает.

Глядя на Нюргая, Харá Зутáн
Был черной завистью обуян,
С тех пор, как на охоту он вышел,
Не убил ни крота, ни мыши.
Зависть вызывает у него и Саргал Ноён,
Что таким сынком удачливым наделен.
Говорит он старшему брату напрямик:
— Хоть ты к мальчишке, наверно, привык,
Ты мне сопляка-пачкуна отдай,
Пусть у меня поживет Нюргай,
Сынка приемного мне подари...
Саргал Ноён говорит: «Бери».

Усадили мальчика на коня,
Стало что-то сильно вонять.
Только сел мальчишка в седло,
Как его по-прежнему понесло.

Все бока у коня он повымазал,
Даже шерсть у коня вся повылезла.

Хара Зутан Ноён ничему не рад,
Говорит: «Берите своего пачкуна назад».

А Саргал Ноён мальчишку на коленях качает,
Около подбородка его баюкает и ласкает,
На своего белого коня он его посадил,
А мальчонка опять запоносил и напрудил.
Не успели моргнуть и глазом,
Белоснежный конь весь перемазан.
По лопаткам у него дерьмо течет,
По ляжкам у него дерьмо течет,

Но смотрят все и даются диву:
Почему же выглядит конь красиво?
Оказывается, все, что вонючим дерьмом текло,
Превратилось в золото и серебро.
В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Тэмээн Улаан,
Северо-западный полновластный хан,
Решенья принятого не тая,
Разослал глашатаев во все края.

Ханский дом собой украшающую,
Зеркала своей красотой наполняющую,
Юную дочь Тумэн Жаргалан
Хочет замуж выдать всеильный хан.
Приглашаются юноши-женихи,
Чья прекрасна стать и прекрасен вид,
Но только тот добьется ее руки,
Кто в трех состязаниях победит.

Услышав об этом, в северо-западный край
Стал собираться пачкун Нюргай.
Саргал Ноён его отпустил,
И по-родительски благословил.

Ускакал Нюргай в дорожный туман.

В это самое время
Красавица Тумэн Жаргалан
Решила святым местам поклониться,
Решила белым божествам помолиться,
Землю родную не спеша обозреть,
Красоту зеленую обстоятельно посмотреть.

Мешок из бычьей кожи
Наполнила она красным золотом,
Мешок из лошадиной кожи
Наполнила она белым серебром,
Коня молодого, солового,
Накормила она отборным зерном.

На три видимости далеких
Она от дома уже ускакала,
Как вдруг на лесной дороге
Какого-то сопляка-пачкуна повстречала.

А был это ехавший в северо-западный край
К состязаниям приготовившийся Нюргай.

Своим знаньем волшебным узнал он пути,
По которым невеста должна пройти,

И теперь, как будто бы невзначай,
Встретился с ней Нюргай.

Смотрит он на красоту великую, светлую,
И видит, что не бывает невесты краше,
При помощи отборных слов
Он ее приветствует,
При помощи красивых слов
Он ее расспрашивает:
— Из земель какого вы хана?
Как отца вашего имя?
В какие вы направились страны?
Ради чего с родителями расстались своими?

Слушает красавица сопляка-пачкуна
И не понимает, что бы все это значило.
Большим удивленьем удивлена,
Задачей большой озадачена.

Но все же, хоть все это странно,
Отвечает она, Нюргая приветствуя:
— Я дочь Тэмээн Улаан хана,
А поехала я в путешествие,
Поэтому, лучше посторонись.
Но отвечает путник без смеха ей:
— Тропинка узкая — не разойтись,
Дорога узкая — не разъехаться.

Уродливый маленький мальчуган
Не уступает пути невесте.
Тогда решила Тумэн Жаргалан
Устроить ночлег на этом месте.

Расседлала она своего коня,
Потник на траве расстелила,
И усталость большого дорожного дня
Моментально ее сморила.
Тишина вокруг, от луны светло,
Звездам есть на что подивиться:
Лежит серебряное седло
Под золотой головой девицы.
Травинки маленькой не согнув,
Травы высокой не шевелящий,
С травинки бабочки не спугнув,
Подкрался Нюргай к невесте спящей.

Красавица спит — на руке щека,
Мальчишка взглядом ее окинул
И новорожденного мокренького щенка
Под подол тихонечко ей подкинул.

Сам отошел и давай хохотать
Громко, как только мог.

Девуца проснулась, хотела встать,
Из-под подола — мокрый щенок.

— Ай, ай, ай, ай,— Нюргай кричит,
Смотрите, что это значит:
Женщина, имеющая человеческий вид,
Рожает щенка собачьего!
Все люди узнают, ай, ай — беда,
Узнает про это и хан...
В ноги Нюргаю упала тогда
Красавица Жаргалан.
— Что тебе нужно? Что хочешь проси! —
Молит ханская дочь,—
— Узнает хан, головы не сносить,
Погибнет ханская дочь.
Не губи ты бедной души моей,
Тайны не разноси,
Обязана буду жизнью моей,
Что хочешь взамен проси!

Смотрит Нюргай на ханскую дочь,
Лежащую возле ног,
Говорит: «Я могу тебе помочь,
Но взамен потребую многого:
Две наших судьбы соединить мы должны,
Две наших головы соединить мы должны,
На разостланном потнике мы лежать должны,
Мужем и женой мы стать должны.
Тогда никто не узнает во все века,
Что ханская дочь родила щенка».

В отчаяньи ханская дочь была
И твердое слово Нюргаю дала:

— Две наших судьбы мы соединим,
Две наших головы мы соединим,
На разостланном потнике вместе мы будем спать,
Твоей женой я согласна стать.

— Тогда,— говорит не простак Нюргай,—
Колечко с правой руки снимай,
С безымянного пальца
Колечко снимай золотое,
Не грусти, не печалься,
Побудет оно со мною.

Тумэн Жаргалан некуда деться,
Снимает она колечко с пальчика,
Отдает колечко красная девушка
Мальчишке сопливому, перепачканному.

Нюргай бросает ей на ходу,
Садясь опять в седло, на коня:

— Через три дня за тобой приду,
Собирайся, готовься, жди меня,

Тогда ты станешь моей женой,
Будем мы жить лицом к лицу,
А пока отправляйся к себе домой,
Расскажи обо всем своему отцу.

Тумэн Жаргалан, оставшись одна,
Начала горевать, начала тужить:
— Чем замуж выйти за пачкуна,
Лучше на свете совсем не жить.
Поскакала она на вершины скал,
Чтобы броситься вниз с одной из них,
Но мысли ее заранее узнал
И за хвост коня ухватил жених.

— Ах ты, обманщица, слово дала,
А сама хотела вниз, со скалы,
Золотое колечко мне отдала,
Так ступай же домой, накрывай столы.

Застыдилась девица, словно заря:
— Я больше не буду, меня прости,
Едва-едва не погибла зря,
Прости меня и домой отпусти.

Дома все отцу рассказала она,
Перепугана и бледна.

Отец послушал, ничего не сказал,
Не стал ни ругаться, ни утешать,
К свадьбе готовиться приказал,
Гостей встречать, людей угощать.

В это время
Ноён Харá Зутáн,
С черной душой, с худыми мыслями хан,
Услышал,
Что родительский дом собой украшающую,
Зеркала своей красотой наполняющую,
Юную дочку Тумэн Жаргалáн
Хочет замуж выдать всеильный хан,
Большедумный хан Саргал Ноён,
Что уже разослал глашатаев он,
Что приглашаются многочисленные женихи,
Чья прекрасна стать и прекрасен вид,
Но что лишь тот добьется ее руки,
Кто в трех состязаниях победит.
Решил Харá Зутáн силой похвастаться,
Решил и он к Жаргалáн посвататься,
Попытать удачи и счастья,
В состязаньях принять участие.

Приказал оседлать он стрельчато-синего коня,
Собрал он триста отборных воинов,
— Пусть поищут,— сказал он,— сильнее меня,
Еще больше, чем я, достойного.

А мальчонка Нюргай тоже стал собираться,
Чтобы ехать и состязаться.

Лошаденьку взял он самую дрянненькую,
Седло на нее надел деревянненькое,

На спину лошаденки костлявенькой,
Попонку накинуд дырявенькую,
Вид у лошаденки понурый,
Сбруя вся из мышиных шкурок.

На себя надел он шубу из семидесяти лоскутков
Обветшалых, линиялых бурундуков,
А еще на себя надел он шапку
Из лисьих облезлых лапок,
Лук он захватил из жиденькой ивы,
Стрелы он захватил из слабенькой липы.
Так-то вот снарядился
И в дорогу пустился.

На правом глазу у него ячмень сидит,
У левого глаза распухший вид,
Правым глазом он на запад косит,
Левым глазом на восток глядит.

На костлявой спине,
На деревянном седле,
На худой лошаденке,
В обветшалои шубенке,
В облезлои шапчонке,
На дырявои попонке,
По широкой ханской дороге
Рысцой рысит,
По узкой людской дороге
Трусцой трусит,

Под уклон он галопом скачет,
На подъем он вприпрыжку скачет,
Знакомые места проезжает,
В незнакомые места заезжает.

Трусит-рысит неустанно
И догоняет Харá Зутáна,
Который в это время со своими воинами,
Всяческого уваженья достойными,
Каждый из которых силен и здоров,
Расположился на ночлег в стране без дров.
Харá Зутáн мерзнет, воины зябнут,

Но огонь развести нельзя им,
Потому что средь всей равнины
Не найти вокруг ни дровины.

А Нюргай расположился недалеко,
Руки-ноги греет на огоньке,
Оказывается, он запасливым был
И дровишек с собой захватил.

Удивился Харá Зутáн Ноён,
Ведь вокруг трава да трава,

Посылает верхового воина он
Узнать, откуда у мальчишки дрова.

Мальчишка без объяснений длинных,
Соврал, как и взрослые не соврут:
— Ведь завтра мы въедем в долину,
Где седла прямо на деревьях растут.

Сегодня я изрубил свое седло,
Поэтому мне тепло и светло.

Воин возвратился и доложил
Из чего мальчишка костер сложил,

Что будто въедем завтра в долину,
Где седла прямо на деревьях растут.
Харá Зутáн без раздумий длинных
Приказал: «Пусть седла рубят и жгут».

Но утром дорога куда б ни шла,
Нигде ни дерева, ни седла.
Утро солнечное настало,
В небе солнышко заблестало.
Едут женихи,
Один впереди, другой сзади,
Далеко они уехали за день.

Едут женихи
Почти что вместе,
Устроили ночлег в бездровной местности.
Воины зябнут,
Хара Зутан грозный
Вместе с воинами своими мерзнет.

А Нюргай расположился недалеко,
Руки-ноги греет на огоньке.

Удивился Хара Зутан ноён,
Посылает верхового воина он
Узнать, откуда у мальчишки дрова,
В местности, где вокруг одна трава.

Мальчишка без рассуждений длинных
Говорит: «Что ж мудреного тут?
Ведь завтра мы приедем в долину,
Где луки и стрелы на деревьях растут.
Зачем же и лук, и стрелы жалеть,
Лучше сжечь их и руки греть».
Возвратился воин и доложил
Из чего мальчишка костер сложил,
Что будто завтра въедем в долину,
Где луки и стрелы на деревьях растут.

Хара Зутан без рассуждений длинных
Приказал: пусть луки рубят и жгут.

Утро солнечное настало,
Ярко солнышко заблистало,
Едут воины, день кончается,
Но деревья им не встречаются,
На которых бы луки и стрелы качались,
Да впридачу еще колчаны.

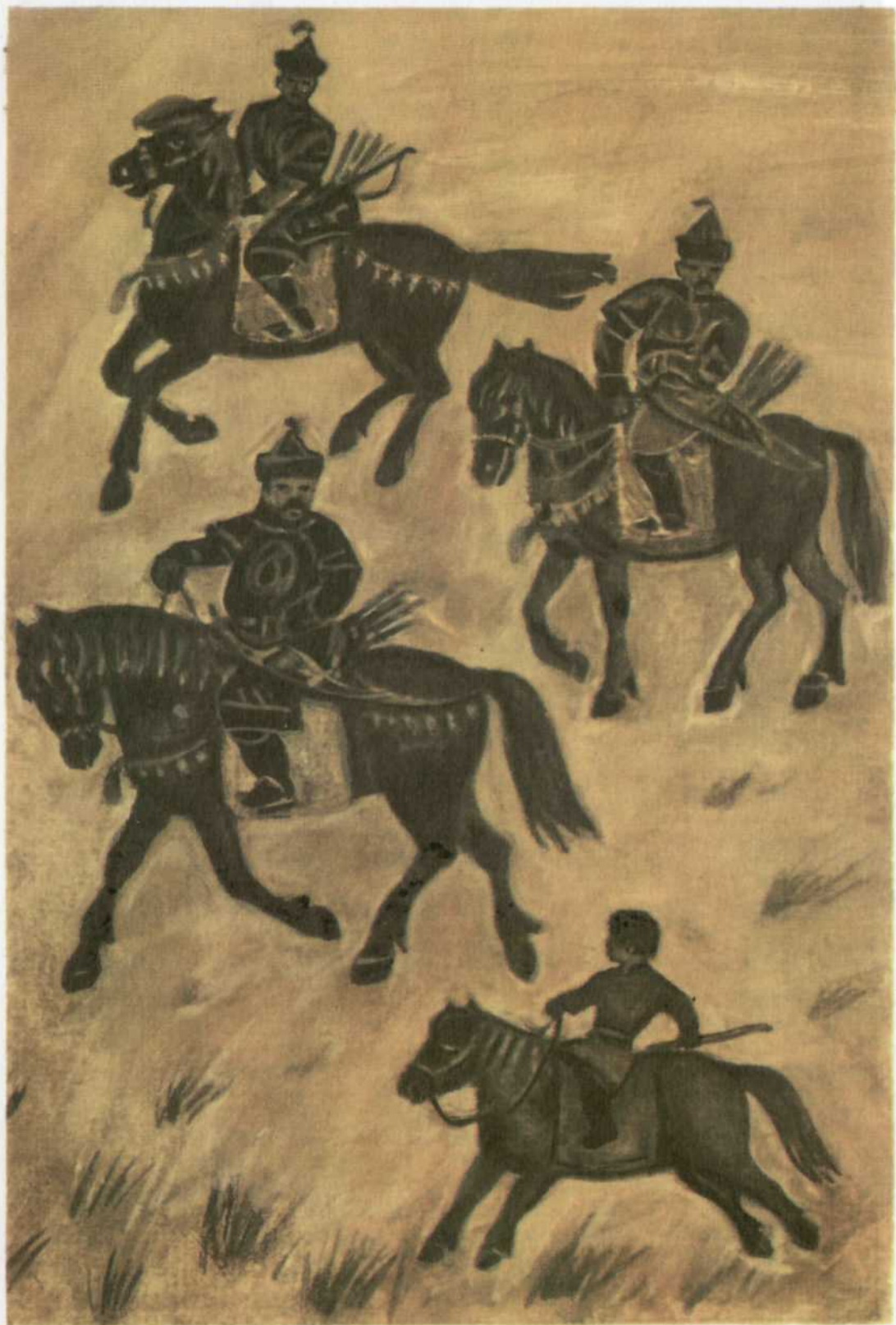
Триста воинов
Без седел рысят,
Триста воинов
Без луков трусят,
Триста воинов
Выглядят, как орлы,
У трехсот воинов —
Ни одной стрелы.

Едут воины,
Кто впереди, кто сзади,
Далеко они уехали за день.

Широко земля расстилается,
Но все когда-нибудь да кончается.

Подъезжают они почти что вместе
К стойбищу-стану, где обитает невеста,
Где живет досточтимый хан
Тэмээн Улаан.

Шатер его до неба поднимается,
От шатра его сиянье разливается,
Северная сторона позолотой блистает,
Северных жителей освещает.
Южная сторона серебром блистает,
Южных жителей освещает.
Множество верхних окон
С солнечным освещением спорят,
Множество нижних окон
С лунным освещением спорят,
Множество животных

Блеют, ржут и мычат,
Множество людей
Смеются, шумят, кричат.

Харá Зутáн ноён
К изгороди подъехал,
К золотой коновязи
Своего быстрого жеребца привязал.
Соплячок Нюргай
С другой стороны к изгороди подъехал,
Подъехал он на костлявой спине,
Подъехал он на деревянном седле,
С другой стороны коновязи
Свою лошадку привязал.

Подъехал он на худой лошаденке,
Подъехал он в обветшалай шубенке,
Подъехал он в облезлой шапчонке,
Подъехал он на дырявой попонке.

Хара Зутан ноён
На мальчика только взглянул,
Лицо сморщил, нос отвернул.
Ты, говорит, вонь испускающий,
Ты, говорит, шелка пачкающий,
Ты, говорит, постоянно смердящий,
Ты, говорит, вполглаза глядящий,
Ты откуда здесь появился,
Ты зачем сюда притащился?
Имя мое принизить хочешь?
С шерстью свалять, с грязью смешать,
На состязаниях мне помешать?
Покуда цел, убирайся прочь!
Для тебя ли ханская дочь?

В это самое время из утреннего тумана
Подъехали к коновязи три великана,
Спереди на них посмотришь —
Увидишь высокие горы,
Сзади на них посмотришь —
Увидишь огромные горы,
Лица у них багровы,
Зубы у них, как лопаты,
Мясисты они и безбровы,
А голосами сипаты.
Нагаадай Мэргэн Дэгээ —
Солнца жгучего сын,
Сайхан Мэргэн Дэгээ —
Луны освещающей сын,
Сэсэн Мэргэн Дэгээ —
Звезды мерцающей сын.
Три метких стрелка,
Три удалых седока,

Увидели Нюргая — хохочут:
— А ты, сопляк, чего хочешь?

Каждый с презрением на него взглянул,
Каждый плетью его стеганул.

— Не такие, как ты, бойцы,
Не такие, как ты, молодцы,
Должны сюда приближаться,
За красавицу состязаться.
Ты лучше вокруг взгляни.—
Говорят сопляку они.
А вокруг толпятся баторы,
Что приехали ради спора.

Все они — ловкие рыцари,
Все они — сильные витязи,
Имеющие толстую шею,
Имеющие широкое горло,
Имеющие бугристо-упругое тело,
Имеющие длинные, острые стрелы,
Имеющие крепко-стальные руки,
Имеющие желто-бухарские луки,
Имеющие железные сухожилья,
Имеющие необъятные груди,
Имеющие кованые доспехи,
Имеющие серебряные колчаны,
Имеющие шелковые подседельники,

Силами они решили померяться,
В ловкости посостязаться,
Каждый из них надеется
Победителем оказаться.

Про будущие состязания они говорят,
На трех соперников-великанов они глядят,
Между собою шумят-галдят.

А три великана
И с ними Хара Зутан
Пошли в дом, где обитает великий хан.
Следом за четверыми и Нюргай увязался,
Перламутровую дверь он широко распахнул,
Чеканный порог он легко перешагнул
И пятым батором оказался.

Все пятеро стоят перед ханом,
Силачи, баторы и великаны.

Поздоровались они неторопливо,
Поприветствовали друг друга красиво.
В рукопожатии добром сами
Руки соединяют,

Отборными и редкими словами
Разговор начинают.

Спрашивает у них хан
Ноён Тэмээн Улаан:
— Из какой вы долины родом?
Какого вы хана подданные?

Один отвечает:
— Я Нагаадай Мэргэн Дэгээ —
Солнца жгучего сын,
Второй отвечает:
— Я Сайхан Мэргэн Дэгээ —
Луны освещающей сын,
Третий отвечает:
— Я Сэсэн Мэргэн Дэгээ —
Звезды мерцающей сын,
— А я — отвечает Хара Зутан, —
Из трех тугэшинских ханов
Средний и славный хан.

— А я, — говорит Нюргай, —
Если кто, то не знаю, кто,
Если что, то не знаю, что,
На своей лошаденке дрянненькой,
На своем седле деревянненьком
Притрусил я, никем не знаемый,
С далекой глухой окраины.

— Куда же вы все стремитесь,
Каким стремлением ведомы? —
Спрашивает у пятерых витязей
Хозяин дома.

— Каждый из нас
Единственным желанием обуян.
Мы приехали свататься
За красавицу Жаргалан.

Тут каждый
вперед другого старается выступить,
Тут каждый
свои достоинства старается выставить.

Говорит им хан
Тэмээн Улаан:
— Из множества жеребцов
Лучшего жеребца выбирают,
Из множества молодцов
Лучшего жениха выбирают.

В трех состязаниях победить нужно,
Чтобы стать для моей Жаргалан достойным мужем.

Виды состязаний учреждены,
Способы состязаний утверждены.

Перво-наперво
Камень, черный как бычья печень,
Камень с быка огромного
Надо одной стрелой рассечь,
На камешки раздробить, величиной с огниво.

Во вторую очередь
На поляне большой
Сосну старую, крепкую
Надо одной стрелой
Превратить в щепки.

В третью очередь,
Если две первые задачи выполнить удалось,
То одной стрелой
Солнца диск золотой —
Прострелить насквозь.

Выходят богатыри вперед,
Каждый из них широкоплеч и страшен,
Каждый излюбленный лук свой берет,
Этим луком играючи, машет.
Идут богатыри вереницей,
Но каждый первым стрелять боится.

Наконец —
Нагаадай Мэргэн Дэгээ —
Солнца жгучего сын,
Первым стрелу пустил,
Лук напрягши, что было сил.
Стрела запела, затрепетала,
Но до черного камня едва долетев,
Черный камень едва задев,
Расплющилась и упала.

Вторым
Сайхан Мэргэн Дэгээ —
Луны освещающей сын,
Самую крепкую выбрав стрелу,
Со свистом ее пустил
Изо всех богатырских сил.
Стрела запела, затрепетала,
Но до черного камня не долетев,
Черный камень совсем не задев,
В десяти шагах от камня упала.

Третьим
Мэргэн Сэсэн Дэгээ —
Звезды мерцающей сын,
Изо всех напрягаясь сил,
Самую быструю стрелу пустил.

Большим удивленьем удивлены,
Задачей большой озадачены.

Хан Тэмээн Улаан
Призадумался,
Хан Тэмээн Улаан
Пригорюнился,
Не хочется ему
Солнцеподобную,
Не хочется ему
Белую, сдобную,
Родительский дом собой украшающую,
Зеркала своей красотой наполняющую,
Не хочется ему дочку,
Что блистательна и нежна,
Замуж отдавать за невзрачного пачкуна.
Но смотрит он с удивленьем и не мигая
На безымянный правый палец Нюргая,
И что же там видит растерявшийся хан:
Золотое колечко Тумэн Жаргалан!

Блестает колечко, светится,
Жениху и невесте — встретиться.

Правую руку друг другу жмут,
Верные слова говорят,
Левую руку друг другу жмут,
Твердые слова говорят,
Друг друга они целуют
Поцелуями чистыми, красными,
В течение восьми дней пируют,
В течение девяти дней празднуют.
На десятый день все опохмеляются,
По домам своим разъезжаются.

В северных землях живущие
На север к себе направляются.
В южных землях живущие
На юг возвращаются.

Отпили гости, отъели,
Отплясали и отшумели.

Приходит зять к тестю
И говорит:
— На чужбине мне — тесно.

Берцовая лосиная кость
В котел не вместится,
На чужбине, хоть всю пройди насквозь —
Сердце не развеселится.

Полосатый детеныш тигренок
Без матери сиротеет,
Человек, хоть батор, хоть ребенок,
Без родины обеднеет.

Настала пора возвращаться,
Настала пора прощаться.

Тэмээн Улаан хан
Одобрительно головой кивает,
Тэмээн Улаан хан
Утвердительно головой кивает:

— Задумано правильно
И сказано правильно,
С подарками свадебными
Домой вас отправим.

В приданое дочери
Отдает отец:
Половину подданных,
Половину золота,
Половину коров и овец.

Дает он дочери иноходца,
Которого тщательно снаряжает
От восхода солнца до захода солнца,
Молодых отъезжающих провожает.

Прощай, чужая сторона,
Здравствуй, милая сторона,—
Едут муж и жена.

Прощай, милая сторона,
Здравствуй, чужая сторона,—
Едут муж и жена.
Приданое с собою везут,
Скотину с собою ведут,
Вся долина скотом полна —
Едут-едут муж и жена.

Нюргай решил обозы опередить,
Чтобы Саргал Ноёна предупредить.
Говорит он жене, наказывает,
На землю палкой показывает:

— Где черту нарисую,
Там отдыхать остановитесь,
Где круг нарисую,
Там ночевать остановитесь.

Так жене молодой Нюргай сказал,
А сам вперед ускакал.

Саргал Ноён с Нюргаем здравствуется,
Саргал Ноён известию радуется,
В золотой бубен бьет,
Северный народ созывает,
В серебряный бубен бьет,
Южный народ собирает,
Гостей приглашает.

Вина он выносит — озеро,
Мяса он ставит — гору,
Всех угощаться просит,
Каждый гость ему впору.
Слепых людей за стол
Поводыри приводят,
Безногих людей за стол
На носилках приносят,
Всем в доме рады,
Все в доме — гости.

Солнцеподобная,
Весь мир собой украшающая
Отдыхает там,
Где муж черту начертил,

Белая, сдобная,
Все зеркала красотой наполняющая,
Ночует там,
Где муж кружок начертил,
И наконец прибывает к месту.

На расстоянии трех видимостей дневных
Жених встречает невесту.

Саргал Ноён хан
Невесту за ручку берет,
Саргал Ноён хан
Невесту за стол ведет,
Все молодых благословляют,
Величают и прославляют,
Улыбается Жаргалан солнцеликая,
Продолжается свадьба великая.
После этого
Соплячок Нюргай куда-то стал собираться,
Ни слова не говоря
В дорогу стал снаряжаться.
Лошаденку он взял самую дрянненькую,
Седло на нее надел деревянненькое,
На спину лошаденки костлявенькой
Попонку накинуд дырявенькую.
Лук он захватил из жиденькой ивы,
Стрелы он захватил из мягонькой липы.
По широкой ханской дороге
Рысцой рысит,

По узкой людской дороге
Трусцой трусит,

По дороге неведомой, длинной,
Продвигался он вперед постепенно
И на краю безымянной долины
Повстречал Алтан Шагай мэргэна.

Алтан Шагай мэргэн
Молот весом в сорок пудов брал
И на небо его бросал,
А когда молот летел обратно,
Он ловил его аккуратно.
Подставляя ладонь,
Ловил его, как игрушку.
Словно был не железным тот,
А так, древесной гнилушкой.

Нюргай к упражняющемуся притрусил
И так у него спросил:

— Дальнего врага ожидаешь
Или ближнего врага встречаешь?

— Дальнего врага не ожидаю,
Ближнего врага не встречаю.
Хочу я поехать к хану
Шаазгай Баяну,
Хочу сосватать дочь его Урмай Гоохон,
Да просто так не отдаст ее он.
Назначит он женихам испытанье,
Велит участвовать в состязанье.
Вот я и готовлюсь, видишь, молот бросаю,
Силу и ловкость свою проверяю.

Тронув свою костлявую лошаденку
Дальше поехал Нюргай-мальчонка.

По дороге извилистой, длинной,
Продвигался он вперед постепенно
И на краю обширной долины
Увидел Мунгэн Шагай мэргэна,
Который с видом серьезным,
С видом насупленным, грозным,
Как будто делая дело верное,
Как будто делая дело нужное,
Брал южную гору
И переставлял ее к горе северной,
А потом брал северную гору
И переставлял ее к горе южной.

Нюргай к силачу обращает речь
И спрашивает у страдальца:

— Проверяешь ты силу плеч
Иль уменье большого пальца?

— Силу плеч я не проверяю,
Уменье пальца давно я знаю.

Хочу я поехать к хану,
Шаазгай Байну,
Хочу посвататься за его дочь Урмай Гоохон,
Да просто так не отдает ее он.
Надо выдержать испытанье,
Надо выиграть состязанье.

Чтобы легче добиться было
Мне такой дорогой невесты,
Вот и пробую я свои силы,
Переставляю горы с места на место.

Лошаденку плохонькую понукай не понукай,
Дальше потихоньку поехал Нюргай.
Посередине третьей обширной долины
Увидел он неописуемую картину:
Два неистовых силача:
Небесный глупый силач,
Угрюмый силач земной
Схватились и борются между собой.

Назад отодвинутся —
Северную гору с места сдвигают,
Вперед подвинутся —
Южную гору с места отодвигают.

Как быки напрягаются,
Как изюбры сшибаются,
Как ястребы вьются,
Как соколы бьются.
Пригибаясь, они схватываются,
Схватившись, на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднатуживаются.

Нюргай около них остановился
И с вопросом к ним обратился:

— Все черное вы хотите белым сделать,
Или все белое вы хотите черным сделать?

Силачи ему не ответили,
Силачи его не приветили,
Накричали и обругали:
— Что за мелочь тут, под ногами?!
Нюргай силачам ничего не сказал,
Лошаденку тронул и ускакал,

По широкой ханской дороге
Рысдой зарысил,
По узкой людской дороге
Трусдой затрусил.

Ехал, ехал он и наконец
Показался Шаазгай Байна дворец.

До неба дворец поднимается,
Сиянье от дворца разливается.

Множество верхних окон
Солнечный свет пересвечивают,
Множество нижних окон
Лунный свет пересвечивают.

Множество животных
Блеют, ржут и мычат,
Множество людей
Смеются, шумят, кричат.

Шеи у них трехсильные,
Спины у них трехжилые,
Луки бухарские, желтые,
Налучники — из золота,
Стрелы у них — каленые,
Колчаны у них — червленые.
Ручища у них, как молоты,
Ноги у них, как бревна.

Соплячок Нюргай с толпой смешался,
Незаметный Нюргай в толпе затерялся.
Никто и за человека его не считает,
А он все слышит, а он все знает.

Досточтимый хан
Шаазгай Байн
Объявил три условия состязанья,
Три различных соревнованья.

Первый спор
Прост и скор.

Молот,
Весом в сорок пудов,
Надо закинуть до облаков,
А когда молот полетит обратно,
Поймать его аккуратно,
Чтобы он из рук не упал,
Чтобы он до земли не достал.
Вот готовы для испытанья
Шесть участников состязанья.
Алтан Шагай мэргэн,

Мунгэн Шагай мэргэн,
Небесный глупый силач,
Земной угрюмый силач,
Ноён Хара Зутан,
Да еще Нюргай-мальчуган.

Все шестеро
Молот в сорок пудов,
Закинули до облаков.
Все шестеро
В грязь лицом не упали
И молот одной рукой поймали.

Второе состязание только сильным впору,
Во втором состязании нужно
Поднять северную гору
И поставить ее около горы южной,

А потом все, что было сделано,
Наоборот переделать нужно:
Около горы северной
Поставить надо гору южную.

Легко ли гору на руки взять,
Легко ли до места ее донести,
Хара Зутан не смог устоять,
Выбыл из состязающихся шести.
Как видно, главная жила
У него оказалась слаба.
Третье состязание наступило —
Борьба.

Небесный глупый силач
Угрюмым земным силачом
Без труда на лопатки был положен,
Теперь наступает новый круг,
Чтобы вырвать победу у соперников из рук,
Нюргай с силачом схватиться должен.

Силач плечи расправил и развернул,
В широкую грудь полнеба вдохнул.
Укрепляя кости свои стоит,
Расставив ноги свои стоит.
Волосы на его голове — дыбом,
Зубами он скрипит, заволакиваясь дымом.

Вышел против него Нюргай-малец,
Силач смеется: «Вот так борец!»
Пригибаясь, они друг с другом схватываются,
Схватившись, по солнцу на месте кружатся,
Пригибаясь, они приглядываются,
Кружась, они поднатуживаются.
Как лоси, друг на друга бросаются,

Как ястребы, налетают и сшибаются,
Роят землю яростно, как изюбры,
Упираются, словно зубры.
Не слабеет из них ни один, не гнется,
Небо гудит, земля трясется.

Наконец —
У земного угрюмого силача
Сердце затрепетало,
Тело вялым и сонным стало,
Птичье горло его вот-вот оборвется,
Толстая шея его вот-вот согнется,
Упругая спина его ослабела,
Между ребрами у него заболело.

Нюргай
Набегает на противника по-лосиному,
Нюргай
Налетает на противника по-орлиному,
Когда тянет — за поджилки хватается,
Когда дергает — до пяток добирается,
Когда назад его толкать станет,
Тот задом до земли достает,
Когда вперед его тянет,
Тот коленки гнет.

Нюргай,
Как войлок, его свертывает и разворачивает,
Нюргай,
Как потник, его складывает и раскладывает,
Нюргай,
Как сыромятину, его мнет,
Нюргай
Из него веревки вьет.
Силач ухватиться за Нюргая хочет,
А не хватается,
Силач толкнуть Нюргая хочет,
А не толкается,
Силач поднять Нюргая хочет —
Не поднимается,
Силач победить Нюргая хочет —
Не побеждается,
Силы его кончаются.

Тогда Нюргай,
Собравши что было сил,
Угрюмого силача схватил-скрутил,
Под мышкой его зажал,
Повертел его на левом боку,
Вверх поднимая, крикнул
И о левую бескрайнюю тайгу
Брякнул.
Потом,

Повертев его так и сяк,
Перекинул на правый бок,
Повернулся сам лицом на восток,
Громче прежнего крякнул,
И со страшной силой, как только мог,
О правую тайгу брякнул.
Высокие деревья под корень сечет,
Зеленые ветви срезает,
Листья по ветру пускает,
Сырые деревья сгибаются,
Сухие деревья ломаются.

В землю силач вдавился,
Только два уха наружу торчат,
В земле силач очутился,
Только два пальца наружу торчат.

Шаазгай Байн хан с места встал,
Шаазгай Байн хан силача пожалел,
Людей с лопатами послал,
Откопать его повелел.

А Нюргай-победитель к нему подходит
И справедливую речь заводит:

— Испытанья я выдержал?
Выдержал.

Состязанья я выиграл?
Выиграл.

Значит, дочку свою Урмай
В жены мне отдавай.

Хан Шаазгай Байн
Призадумался,
Хан Шаазгай Байн
Пригорюнился.
Не хочется ему
Солнцеподобную,
Не хочется ему
Белую, сдобную,
Родительский дом собой украшающую,
Зеркала своей красотой наполняющую,
Не хочется ему дочку,
Что блистательна и нежна,
Замуж отдавать за невзрачного пачкуна.

Объявляется четвертое испытанье,
Назначается четвертое состязанье.

Сказал хан
Шаазгай Байн:

— Кто быстрее проскачет на своем коне,
Тот и будет зятем мне.

При этом одному батору, тайну храня,
Красивому, молодому,
Отдал он своего коня,
Тонконового, золотого,
Под солнцем как стрела пролетающего,
За солнцем не задевающего.

Такого красавца, думает хан,
Не догнать женихам.
У такого выиграть спор
Не под силу будет для них.
И будет молодой, красивый батор
Дочке моей — жених.
Все другие
Лошади скаковые
Наготове, ногами перебирают,
Все другие
Резвые, огневые —
Мускулами играют.

Тут же место нашлось сбочку
И тощему, плохонькому лошачку,
На котором Нюргай на седле деревяненьком,
На потнике старом и дырявеньком
Приготовился состязаться с баторами,
С их конями крепкими, скорыми.

Дали знак, вся конница понеслась,
Красная пыль до неба взвилась.
Если сзади этих коней скакать,
Будет пыль глаза застилать,
Ни с боков, ни спереди — ничего не видать.

Нюргай подождал пока кони скроются,
Пока пыль уляжется, успокоится,
И пустил своего лошачка трусцой,
Припустил своего лошачка рысцой.

Никто и глазом моргнуть не успел,
А лошак его уж впереди всех.
Только северного хана полосатый конь
На три видимости вперед ускакал,
Впереди невидимо мчался он
Поверх лесов, расселин и скал.

Мальчонка Нюргай привстал в седле
И громовым голосом закричал он,
Пробежала дрожь по всей земле,
Горизонты вкривь и вкось закачало,

Небо содрогнулось до семи сфер,
Земля содрогнулась до восьми недр.

По ханской просторной дороге,
По людской узкой дороге
Лошачок Нюргая промелькнул искрой,
Северного хана обогнал быстро.

Осталось тому только пыль глотать,
Досталось тому только глаза протирать.

Когда Нюргай со своим лошачком
На финише показались,
Ханы и ноёны засомневались:
— Не выходит ли, что мальчишка обманул нас,
Не с полдороги ли он вернулся?
Поднялся шум, поднялся гам,
Но вот один за другим по пятам
И прочие всадники возвратились.
Ханы и ноёны к ним обратились:
— Этот мальчишка, скажите, не обманул нас?
Не с полдороги ли он вернулся?

— Нет,— подтвердили всадники,—
Сначала скакал он сзади всех,
Но потом, на середине пути
Сумел нас всех обойти.

Нюргай-победитель к хану подходит
И справедливую речь заводит:
— Испытанье я выдержал? Выдержал.

Состязанье я выиграл? Выиграл.

Значит, дочку свою Урмай
В жены мне отдавай.

Подошел он к красавице девице
(А куда теперь она денется?),
В правую щеку поцеловал,
В левую щеку поцеловал,
За белые руки крепко взял.

Оттолкнулась девица руками,
Сердце у нее стало каменное.
Душа у нее онемела,
В глазах у нее потемнело.
Слезы у нее из глаз брызнули,
Жаль ей погубленной жизни,
Стала Урмай Гоохон бледна,
Начала горевать, начала тужить:
Чем замуж за такого вот пачкуна,
Лучше на свете совсем не жить.

Вверх она глядит — улыбается,
Вниз она смотрит — плачет,

Вся в слезах к отцу обращается:
Пусть он еще состязанье назначит.

Всесильный хан
Дочери внял,
Шаазгай Байн
Золотое колечко взял,
Повесил его на солнечный лучик:
— Эй, меткачи, эй, вы, лучники!
Кто солнечный лучик перешибет,
Тот дочь мою замуж возьмет.

Послали баторы
Свои каленые стрелы,
Ни одна стрела
До цели не долетела.

Снова луки берут и метятся,
А колечко висит и светится.
Снова стрелы стрелков засвистели,
Ни одна не достигла цели.

Взял Нюргай свой лучишко
Из жидкой ивы,
Взял Нюргай стрелу из слабенькой липы,
Стрела у него — не стрела, а щепка,
Но в пальцах ее зажал он крепко,
Над стрелой он шепчет и причитает,
Стрелу напутствует, заклиняет:

— Ты, моя стрела,
Метка и остра,
Золотою стань,
Колечко достань,
Возвращайся опять на место,
Добудь мне, стрела, невесту.

Силой плеча он лук натянул,
Силой пальцев он тетиву зашипнул,
От большого пальца
Крепость стрела получила,
От указательного пальца
Меткость стрела получила,
Солнечный лучик перебит стрелою!
Опустили баторы луки,
Колечко звонкое, золотое
С неба падает хану в руки.
Нюргай перед ханом опять встает,
Опять справедливую речь ведет:
— Испытанье я выдержал?

Выдержал.

Состязанье я выиграл?

Выиграл.

Значит, дочку свою Урмай
В жены мне отдавай.

В это время с великим ханом
Что-то странное приключилось,
В это время с Шаазгай Баяном
Что-то дивное сотворилось.
Один глаз прищурит —
Перед ним замарашка и мальчуган,
Другой глаз прищурит —
Перед ним сияющий великан.

Снова глаз прищурит —
Перед ним сопляк и малец,
Другой глаз прищурит —
Перед ним красавец и молодец.
Опять глаз прищурит —
Перед ним урод — на глазу волдырь,
Другой глаз прищурит —
Перед ним сверкающий богатырь.

Во все глаза на мальчика смотрит он,
Не понимает, что бы это значило,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.

Говорят, что очень он испугался
И скорее за бубен взялся.

В золотой бубен бьет —
Северный народ созывает,
В серебряный бубен бьет —
Южный народ собирает,
Гостей приглашает.

Вина он выносит — озеро,
Мяса он ставит — гору,
Всех угощать просит,
Каждый гость ему впору.

Жених с невестой друг друга целуют
Поцелуями чистыми, красными,
В течение восьми дней пируют,
В течение девяти дней празднуют.
На десятый день опохмеляются,
По домам разъезжаются.

Приходит зять к тестю:
— На чужбине мне тесно.

Берцовая лосиная кость
В котел не вместится.

На чужбине я только гость —
Сердце не веселится.

Полосатый детеныш тигренок
Без матери сиротеет,
Человек, хоть батор, хоть ребенок,
Без родины обеднеет.

Возвращаюсь к воде,
Которой в детстве напился,
Возвращаюсь к земле,
Где я на свет появился.

Соберите-ка дочь в дорогу,
Будем трогаться понемногу.

Шаазгай Байн хан
Головой кивает,
Шаазгай Байн хан
Жениха одобряет,
Приданным дочку он наградил,
В дорогу дальнюю проводил.

Две жены теперь у Нюргая,
Стали жить они не ругаясь.
Две жены у него прекрасных,
Две жены у него солнцеликих,
Две жены у него ясноглазых,
Дочки ханов они великих.
Но ведет себя Нюргай очень странно,
Спать он с женами не ложится,
Под шубенкой истертой, старой
Одиноко в углу ютится.

После каждой прошедшей ночи
Две жены удивлялись очень:
Что же с мужем-то их творится?
Так и дальше жить — не годится.

И решили они, сговорились,
Ночью спящими притворились.

По одному глазу —
Закрыты и спят,
По другому глазу —
Вовсю глядят.

Видят жены, что муж их одевается
И куда-то уходить собирается,
Надевает рубашку драную,
Надевает шубенку старую.
Изловчилась одна из них,
Привязала к шубенке нить.

Удаляется муженек их прытко,
За ним следом тянется нитка.
Удаляясь он, видно, радуется,
В темноте за ним жены крадутся.
Подошли они к горе Сумбэр,
Встали около обрыва высокого.
Вдруг их мальчик соплив и сер
Превратился в ясного сокола,
Крылья по небу распростер
И поднялся превыше гор.
На вершину Сумбэр опустил,
В великана преобразился.
Ну, а женщины, конечно, бескрылы,
Смотрят вверх, только рты раскрыли.
Посмотрят сзади — стоит гора,
Посмотрят спереди — стоит скала.
Велик богатырь, громаден и все ж
На лицо поглядеть — на человека похож.
Лицо загорелое, красное,
Глаза черные, ясные,
Черная коса в аршин,
Небесных бурханов сын...
Обрадовались жены-красавицы,
Такой-то муж им нравится.

А богатырь с просветленным лицом
Начал на горе огонь разводить,
Эсэгэ Малаану, отцу отцов,
Начал жертву творить,
А также живущим в верхней обители,
На землю его пославшим,
Пятидесяти пяти небожителям,
Бурханам белым и славным.
Белоснежного зарезав барана,
Принялся он за важное дело,
Красно-алая кровь из раны
На горячих углях зашипела.
Эту жертву от сердца чистого
Принося, он усердно молился,
Запах жареного, душистого,
От костра в небеса заструился.

Отец небожителей Эсэгэ Малаан
На своих небесах протяженных
Запах жареного тотчас узнал,
Вопрошает у приближенных:

— Это чей там костер на земле горит,
Это кто там жертву мне творит?

— А это, — ему говорят, —
На земле Улгэн дровишки горят,
Белолобый баран там в жертву приносится,

Вот откуда запах доносится.
Это Хана Хурмаса
Сын Бухэ Бэлигтэ,
Могучий и славный батор,
Обращается, наш владыка, к тебе,
Находясь на вершине пустынных гор.

Доложить разрешите ли,
Недостойному внемля.
Советом небожителей
Он послан на землю.

Он отправлен для смелых
И решительных действий,
Чтоб людей неумелых
Избавить от бедствий.

А теперь у жертвенного огня
Он просит у вас боевого коня,
А еще он просит, о, наше солнце,
Тридцать трех достойных оруженосцев
И оружие, достойное чтобы было,
Чтобы врагов оно наповал разило.

Эсэгэ Малаан докладчика выслушал,
Из хоромов наружу вышел он.
Быстрых белых посланцев
Отправляет он на тысячу разных сторон,
Точных, метких посланцев
Отправляет на десять тысяч сторон.
Мчитесь, — приказывает, — быстрее молнии,
Приказанье мое исполните.
Небожителей всех оповестите,
На собрание их пригласите.

Быстрые, белые гонцы
Разбежались во все концы,
Всех бурханов оповестили,
На собрание пригласили.
На звездах все располагаются,
Собрание начинается.
На Луне все устроились,
К рассуждениям приготовились.

Долго ли, коротко ли все это было,
Но собрание постановило:

«Хана Хурмаса
Среднему, красному сыну,
Бухэ Бэлигтэ батору,
Сидящему сейчас у жертвенного огня,
Выдать все, что просил он.

Во-первых, достойнейшего коня,
Во-вторых, оруженосцев достойных и сильных,
Чтобы оружие его за ним носили,
Отпустить, как и просит он, тридцать трех»...
Так сказал Эсэгэ Малаан —
Верховный бог.

Постановление утвердили,
Печатью скрепили,
Поговорили немного, а там
Благополучно разъехались по домам.

На вершине горы Нюргай молился,
Дымок от костра к небесам струился,
Дул ветерок, была тишина,
Мерцали звезды, светила луна.
Вдруг
С крепким горячим телом,
С лоснящейся гладкой шерстью,
С легкими прочными костями,
С нескользящими копытами,
С неутомляющейся спиной,
С туловищем в тридцать шагов длиной,
С зубами в три пальца,
С ушами в три четверти,
С хвостом в тридцать локтей
(Над крупом его развевая),
С гривой в тридцать аршин
(На холку ее забросив),
Копытами огонь высекая,
Из черных глаз молнии испуская,
С седлом и уздечкой в серебре,
Появился конь на Сумбэр-горе.

Бухэ Бэлигтэ батор
Вещего сказочного коня
За красный шелковый повод схватил,
В звенящие серебряные стремяна
Точно и прочно встал.
В якутское серебряное седло
Крепко сел
И с этого мгновенья называться стал
Абай Гэсэр.

Вещий конь до небес начал взвиваться,
Абай Гэсэр умением своим сумел удержаться,
Сказочный конь по земле начал пластаться,
Абай Гэсэр удалю своей сумел удержаться.

Спрашивает конь у своего седока:
— Много ли силы в тебе и насколько она крепка?
Отвечает седок:
— Не буду хвалиться,

Хвалиться батору — последнее дело,
Но будь у земли ручка, за которую бы ухватиться,
Повернул бы землю и вправо, и влево.

— А теперь ты отвечай мне,—
Спрашивает седок на гнедом коне,—
Насколько ты быстр, чего ты стоишь,
От кого ускачешь, кого догонишь?

— Три травинки в огне не успеют сгореть,
Я нашу круглую землю обегу на треть.
Пока девять травинок сожжет огонь,
Землю вокруг обежит твой конь.

— Если так, мы удачно соединились,
Быстрота и сила тут породнились.
При таком удачном союзе нашем,
Ни один супротивник нам не страшен.—

Так коню своему седок сказал
И в сторону дома поскакал.
Вещий конь гнедой
Как стрела летит,
Между небом и землей
Как орел парит,
Земля под конем
Звенит, сотрясается,
Небо по краям
Содрогается,
Черные горы разваливаются,
Черная пыль поднимается,
Красные горы разламываются,
В красную пыль превращаются.
Синие горы дробятся,
Синей пылью клубятся.

В это самое время
Там, где кончаются южные горы,
На просторной поляне
Появляются тридцать три батора,
Навстречу Гэсэру они идут,
Оружье Гэсэру они несут,
Вверх поглядят — смеются,
Вниз поглядят — печалются,
Со своим начальником и вождем
Тридцать три батора встречаются.

По решению божественного совета,
По предназначению пяти божественных книжек
Из чертогов верхних и светлых
На землю гористую, нижнюю
Для решительных сражений и действий,

Для спасенья людей от бедствий,
Для возрождения жизни народной,
С целью вот какой, благородной,
Хана Хурмаса средний сын,
Бухэ Бэлигтэ батор,
Спустился на землю лесов и гор.
А назвали его в краю том,
Земном и сером,
Абай Гэсэром.
Таково стало земное имя
Прославившегося подвигами своими.

Теперь
Абай Гэсэр,
Чтобы по твердой земле скакать,
Чистокровного аргамака имеет,
Теперь
Абай Гэсэр,
Чтобы всех врагов поражать,
Боевое оружие имеет,
Теперь
Абай Гэсэр,
Чтобы всех врагов побеждать,
Богатырей-оруженосцев имеет.

Народившийся у старичков сиротливых,
Побыв мальчонкой сопливым,
Поездив на лошаденке дрянненькой,
В седле простом, деревянненьком,
Сын Хана Хурмаса в конце концов
Принял подлинный вид,
Обрел подлинное лицо.

К жилищу
Благородного Саргал Ноёна
Абай Гэсэр подскакал,
К коновязи, золотом оплетенной,
Он коня привязал.

С коня он слез горделиво,
Коня привязал неторопливо.

Саргал Ноён
К нему навстречу идет,
Руку для приветствия подает.

Поздоровались они неторопливо,
Поприветствовали друг друга красиво.

Саргал Ноён
В золотой бубен бьет,
Северных людей призывает.
Саргал Ноён

В серебряный бубен бьет,
Южных людей собирает.
Саргал Ноён,
Во всем порядок любя,
Сажает гостя по правую руку от себя.

Озерко вина
Наливается в чашу,
Пригорок мяса
Взгромождается перед нею.
Никогда Абай Гэсэр не пивал слаще,
Никогда Абай Гэсэр не ел вкуснее.

Наслаждаясь питьем и яствами,
Беседой доброй друг друга даруя,
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют,
На десятый день все опохмеляются,
По домам своим разъезжаются.

Но прежде чем разъехаться всем домой
И увидеть каждому свой табун,
Присваивают доброму молодцу прозвище «Удалой»:
Стал он зваться Абай Гэсэр хубуун.¹

В это время,
О котором идет у нас речь,
Абай Гэсэр хубууну
Говядина и баранина совсем приелась,
В это время,
О котором рассказу нашему течь,
Абай Гэсэр хубууну
Дичатины захотелось.

Отложив все дела и заботы,
Выехал он на охоту.

Едет он по алтайским склонам,
Северной стороны держась,
Едет он по таежным склонам,
Южной стороны держась,
Три дня в охоте проводит,
Но дичи никакой не находит.
Хоть бы зверушка какая попалась!
Удивляется Абай Гэсэр:
— Куда это вся дичь подевалась?
Разве мало лосей, оленей и коз
На алтайских склонах паслось?

В это время вдали,
По узкой тропе,

¹ Абай Гэсэр хубуун — буквально: Абай Гэсэр — добрый молодец.

Меж зеленых деревьев,
На зеленой траве,
Где вздымаются гладкие стены скал,
Красавец изюбр не спеша пробежал.

Гэсэр удалой как вскрикнул,
Гэсэр удалой как гикнул,
На стременах приподнялся,
За изюбром погнался.

В то же самое время по соседней тропе,
В то же самое время по высокой траве
На кроваво-гнедом коне,
В серебристо-красном седле,
С лицом обветренным, загорелым,
С бугристо-широким телом,
С огромными зубами-лопатами,
С руками мощными, плечами покатыми,
С луком желтым, бухарским,
В панцире железном, царском,
С шеей упругой бычьей,
На коне, что усталости не знает,
Скачет охотник за той же добычей
И Гэсэра опережает.

Успел он оленя выследить,
Успел он в оленя выстрелить,
На скаку добычу хватает
И из глаз исчезает.

Абáй Гэсэр хубуун,
Когда все это увидел,
Зубами заскрипел, щеки надул
В разгневанности и обиде.

Разве можно изюбра,
За которым уж гонятся,
Перехватить и с собой унести?

Разве можно изюбра,
За которым уж гонишься,
Отдать и на глазах упустить?

Как стрела припустились кони,
Началась лихая погоня.

Абáй Гэсэр, над конем наклонясь,
Тонким визгом кричит,
Абáй Гэсэр, к гриве лицом прислонясь,
Грубым криком кричит,
Погоняет своего коня во всю прыть,
Но не может охотника догнать-схватить.

Тогда Абай Гэсэр хубуун
Красный волшебный камень в рот кладет,
Зубами белыми его разгрызает,
Крошками от камня в небо плюет,
Жару и засуху вызывает.

Все вокруг от жары посохнет,
Конь охотника от жары подохнет.

А тот парень-великан,
Что впереди скачет,
От жары не страдает, не плачет,
Лисью шапку на голову он надел,
Волчью шубу запахнул он потуже.
— Ой,— кричит,— что на свете делается,
Откуда на свете такая стужа!

Тогда Абай Гэсэр хубуун
Синий волшебный камень в рот кладет,
Зубами белыми его разгрызает,
Крошками от камня в небо плюет,
Стужу дикую вызывает.

Все вокруг от стужи заледенеет,
Конь охотника замерзнет и околеет.

А тот парень-великан,
Что впереди скачет,
От холода не страдает, не плачет.
Пуговицы на одежде он расстегнул,
Воротник рубахи он распахнул.
— Ой,— кричит,— какая наступила пора,
Откуда на свете такая жара!

Видя такое дело,
Абай Гэсэр затрясся от гнева,
Губы свои надул,
Коня сердито стегнул,
Не успели три травинки в огне сгореть,
А конь уже землю обежал на треть,
Не успел девять травинок сжечь огонь,
А землю вокруг обежал уже конь.
Так они гонялись за парнем вокруг земли,
Но догнать-схватить его не могли.

Абай Гэсэр хубуун
Дернул коня за правый повод узды,
Ударил его стремянем в правый бок,
Взвился конь до красной звезды,
Ушла у коня земля из-под ног.

От земли оттолкнется —
Под самым небом летит,

От неба оттолкнется,
Над самой землей парит,

Над лесами,
Не задевая за деревья, проносится,
Над степями,
Не касаясь травы, пролетает,
Выше гор за парнем-охотником гонится,
Вот-вот настигнет, но не настигает.

Наконец
С ветрами и с молнией споря,
Прижал он парня
К берегу желтого моря.

Теперь уж нет никуда пути,
Теперь уж охотнику не уйти.
Но парень
Вместе с кроваво-гнедым конем,
Бросился в море и скрылся в нем.
Абáй Гэсэр удалой
Остался один перед желтой водой.

Тогда с коня Гэсэру сойти пришлось,
Привязать коня к дереву, какое нашлось.
Сам подол с двух сторон
За пояс не торопясь подоткнул,
Широкие рукава свои он
До локтей не спеша завернул,
Один край у моря
Загибает, приподнимает,
Острым копьем
Загнутый край подпирает.
Под загнутый угол
В страну, где правит Усá Лосón,
Абáй Гэсэр без испуга
Подлез и вошел.

Подлез он под морской полог
И путь его был не долог,
Как он дошел
До тамошних склонов зеленых,
До тамошних долин, до просторных равнин,
Смотрит он вокруг удивленно
На страну, раскинувшуюся перед ним.
А тот, кого он в воду с земли загнал,
Видно, лучше его дорогу знал.
Вошел тот прямехонько, без поклона
Во дворец хана Усá Лосónа.

Дворец тот ни бедным, ни маленьким не был,
Крышей своей доставал он до неба.

С одной стороны он солнцем блистал,
С другой стороны он луной сиял.

Золотой северной стороной
Северные земли освещал,
Серебряной южной стороной
Южные земли освещал.

Перед ним,
Привязанный к серебряно-золотой коновязи,
Кроваво-гнедой конь стоял.

Открывая пеламутровую дверь,
Во дворец Гэсэр входит теперь,
Медленным движением,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает мраморный порог,
Через порог переставив ноги,
Попадает в серебряные чертоги.
Идет тихо, незаметный до сих пор.
И слышит за занавесом разговор.
Занавес он отодвинул и в щелочку поглядел,
За почетным столом, как лебедь бел,
Там сидел старик с тростью из камыша,
А рядом с ним молода, красива, свежа,
Сидела девушка, к отцу она ластилась,
Рассказывала про свои напасти.

— Ты всегда мне, отец, внушал,
Что быстрее моего коня на свете нет,
Ты всегда меня, отец, убеждал,
Что равного мне человека на свете нет.

Вот, в парня здорового преобразившись,
Поехала я охотиться на Алтай.
Надо сказать, что по изобилию дичи
Это благословенный, богатый край.

Жирных я зверей добывала,
Тощих я зверей отпускала,
И увидела, что там же находится
И на тех же зверей охотится
Какой-то неведомый богатырь,
Огромный хоть ввысь, хоть вширь.

Спереди посмотришь —
Вроде стоит гора,
Сзади посмотришь —
Вроде стоит скала.
На красивом гнедом коне,
В серебристо-золотистом седле,
С луком желтым, бухарским,
В панцире железном, царском.

Три дня я распугивала перед ним всю дичь,
Даже мышки не показала.
Ездил он, не зная добычи,
Удивлялся тому немало.
А когда на тропинке вдруг
Показался олень, как во сне,
Я добычу у охотника из-под рук
Унесла на своем коне.

Храбрый парень не растерялся,
Вкруг земли он за мной гонялся.
Лютой стужей меня морил,
И жарой, как огнем, палил.

Он летал, как будто на крыльях,
Он догнал моего коня!
Если б под воду я не скрылась,
Он, пожалуй, поймал бы меня.

На хана Усá Лосóна
Раздумье напало,
Хан Усá Лосóн
Удивился:
«Что это за парень такой небывалый,
И откуда он появился?»
Взял он свое большое зеркало,
Начал землю изучать и разглядывать:
В одном краю земли уже смеркалось,
В другом краю земли утро проглядывает.
Все разглядел хан Усá Лосóн,
Узнал через это зеркало он,
Что это сын Хана Хурмаса, точно,
На твердую землю послан с небес,
Что это он повстречался дочке,
Заехав охотиться в алтайский лес.

Глубоко задумался Усá Лосóн, вспоминая,
А дни счастливые ему вспоминались,
Как однажды
С Ханом Хурмáсом,
На празднике у Бáйна Хангáя
Ножом и кресалом они обменялись.
Один и тот же табак курили,
Мясо с одного вертела ели,
Про одно и то же они говорили,
На одно и то же они глядели.

Оба счастливы, чуточку пьяны,
Сидели рядом два дружных хана.

У кого рот счастливый,
Тот мясо ест,

У кого спина счастливая,
Тот носит шубу.
Съели они барана в один присест.
Закурили, пуская дымные клубы.

Да, было съедено и выпито немало
В тот памятный хангайский обед.
Обменялись они ножом и кресалом
И дали друг другу обет.

Девочка от люльки
Должна быть миленькой,
Мальчик от люльки
Должен быть сильненьким.

Стариками провозглашается
И действительно до сих пор:
Девочка с детства — уже красавица,
Мальчик с детства — уже батор.

Значит,
Если родятся у них мальчик и девочка,
То придется их, — делать нечего, —
С детства раннего обручить,
В нужном возрасте поженить.

Так два хана договорились
И растрогавшись, прослезились.

Начал отец по порядку, по очереди
Все рассказывать милой дочери:
— Не случайно ты, дочь, появилась на свете,
Так решили бурханы на небесном совете.

Решили также бурханы те,
Что быть тебе женой Бухэ Бэлигтэ,

А Бухэ Бэлигтэ хваткий
Зовется Абай Гэсэр батор.
Зовется он Абай Гэсэр удалой,
Знай, что это суженый твой.

Вот ты с кем на охоте встретилась,
Вот кто вокруг земли за тобой гонялся,
Вот кто был, как молния и как ветер,
Кто тебя за подол ухватить старался.

Но у дочери нрав оказался крутой:
— Нужен мне Абай Гэсэр удалой!

Как это вы без меня все решили,
У меня самой ничего не спросили?

Как это все вы решили просто,
Вы что, не знали, что я стану взрослая?
Что у меня будет своя на плечах голова?
Что свои у меня найдутся слова?

Ладно,
Веревки на свете еще не перевелись,
Или со скалы брошусь вниз,
Но вашему Абай Гэсэру хубууну
Я женой все равно не буду.

И с этими словами из зала
Она за занавес побежала.

Но тотчас Абай Гэсэр удалой
Ее за плечо ухватил: «Постой!
Ты куда это так торопишься, девица,
Никуда твоя веревка не денется».

Стала Алма́ Мэргэн вырываться,
Стала царапаться и кусаться.
Но Абай Гэсэр свое дело знал,
Все крепче ее держал, обнимал.
Ее, бушевавшую, усмирил,
Усмирённой ей говорил:

— Дальнего гостя ты в дом пригласи,
Усталого гостя молоком угости.

Назад к отцу он ее ведет,
За ней в чертоги следом идет.

Хан Уса́ Лосон
К нему навстречу встает,
Руку для приветствия подает.
Поздоровались они неторопливо,
Поприветствовали друг друга молчаливо.
Уса́ Лосон
Золотой стол накрывает,
Вкусную пищу на него ставит,
Уса Лосон
Серебряный стол накрывает,
Редчайшую пищу на него ставит.

Озерко вина
Наливает в чашу,
Пригорок мяса
Взгромождается перед нею.
Никогда Абай Гэсэр
Не пил слаще,
Никогда Гэсэр удалой
Не ел вкуснее.

Двое мужчин к концу обеда
Начинают медлительную беседу.

Каждый многое знает,
По очереди говорит каждый.
О старом вспоминают,
О новом расскажут.

То, что прежде древнего произошло, выясняют,
То, что позже нового проистекло, объясняют.

Разбирают мало-помалу,
Когда земля землей,
Когда вода водой стала.
Когда время из вечной вечности,
Как река, лишь брало начало,
Когда части из цельной цельности
Возникали мало-помалу.

Так говорят они,
Пока на чистой воде сметана не настоится,
Так говорят они,
Пока на голом камне трава не уродится.

Правую руку пожимая,
Верные слова произносят,
Левую руку пожимая,
Твердые слова произносят.
Чтобы девица Алма Мэргэн,
Чтобы батор Абай Гэсэр
Головы соединили,
Чтобы они потник-постель
Для себя расстелили.

В течение восьми дней они пируют,
В течение девяти дней они празднуют,
На десятый день приходит зять к тестю:
— На чужбине,— говорит он,— мне тесно.
Эвенки к старому кочевью возвращаются,
Жеребеночек тянется к матери-кобылице,
Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестает домой стремиться.
Возвращаюсь я к воде,
Которую в детстве пил,
Возвращаюсь я к земле,
На которой маленьким жил.

Соберите-ка дочь в дорогу,
Будем трогаться понемногу.

Эти речи слушает холодно молодая жена,
Дом родной покидать не хочет она,

Но печали своей не показывает,
Притворяется доброй и ласковой,
Мужу всячески угождает,
Мужа всячески угощает,
Но собравши особые травы,
Подмешала в еду отраву.

У Абай Гэсэра разом
От еды замутился разум.

Свою левую руку
От правой не отличает,
Свою правую руку
От левой не отличает.

Все, что с детства знал — позабыл,
Все, что взрослым узнал — забыл.

Отличаться он стал —
Тупостью,
Говорить он стал —
Глупости,
Вместо умных слов
Начал чушь нести,
Послали его коров
Да овец пасти.

А в глазах у него — темно,
А живот у него — распух,
Он уже не батор давно,
Он — обычный, бедный пастух.

А небожители спохватились,
Небожители ищут в дымке серой,
Небожители прислушиваются в тревоге,
Что-то не видно на земле Абай Гэсэра,
Ни в лесу, ни дома, ни на дороге.

Небожители все наружу вышли,
Смотрят на землю с неба высокого:
Что-то дыханья его не слышно,
Копыта коня его не цокают.
Более зорко вглядываются,
Более внимательно слушают,
Наконец, недолго посовещавшись,
Выпустили на землю трех сестер-кукушек,
Находясь в тревоге и огорченьи,
Нехорошее подозревая,
Дали им строгое порученье —
Отыскать на земле Абай Гэсэра.
Кукушки-сестры
Трехлетнюю великую землю

Трижды облетели,
Со взглядом острым
Юную великую землю
Четырежды облетели,
В горы заглядывают,
Над полями порхают,
Над лесом кружат,
Следов Абая Гэсэра
Не могли обнаружить.

В это время
Старшая сестра Эржэн Гоохон
Со своего высокого небосклона
Землю разглядывая со всех сторон,
Заглянула во владенья Усá Лосóна.
Видит,
Что моря желтого угол,
Как войлок, подвернут и подперт копьём,
Видит,
Конь, что почернел, как уголь,
Оброс кустами, мохом, быльём,
Черные копыта его вот-вот отвалятся,
Белые зубы его туда-сюда качаются,
Уж не ржет он громко и звонко,
Весь он съежился, стал с теленка.
Заскоруз, ослаб, исхудал,
Вот каким конь Гэсэра стал.
Старшая сестра Эржэн Гоохон
Все увидела, все поняла.
Тотчас пристроила себе два крыла,
Хвост и клюв приделала ловко
И превратилась в птицу кедровку,
Стало маленьким ее тело,
Под загнутый полог она залетела.

Видит,
Абай Гэсэр, ее брат,
Ходит-бродит жизни не рад.

Свою левую руку
От правой не отличает,
Свою правую руку
От левой не отличает,

Все, что с детства знал — позабыл,
Все, что взрослым узнал — забыл.

Отличается только тупостью,
Говорит одни только глупости,
Вместо умных слов
Только чушь несет.
Лошадей, коров
И овец пасет.

А в глазах у него — темно,
А живот у него — распух,
Он уже не батор давно,
А обычный, бедный пастух.

Эржэн Гоохон — сестра,
На решенья была быстра:
По правой щеке брата ударила,
Весь желудок у него вывернуло,
По левой щеке брата ударила,
Черной отравой брата вырвало,
Можжевельником из десяти лесов
Она его окурила,
Водой из девяти родников
Она его умыла.
Абай Гэсэр окурен и облит,
Тотчас вернулись разум и облик.
А сестра, совершив свое доброе дело,
Кедровкой вспорхнула и улетела.
Видит Абай Гэсэр — пробегает лось,
Он стрелой его прострелил насквозь.
Позвал он свою двухлетнюю дочь:
— Ты мне, дочка, должна помочь,
Ты послушная и разумная девочка,
Эту берцовую кость отнеси дедушке.
Когда будешь входить в его дом,
Запнись о порог,
Чтобы дедушка твой Усá Лосóн
Тебя в это время видеть мог.
Запнувшись о порог, ты упадешь и заплачешь.
Дедушка спросит: «Что это значит?»
Ты скажи ему: «Отгадай»,
И берцовую кость отдай.

Увидев все это, Усá Лосóн
Был разумностью внуки удивлен.
Загадку он тотчас же разгадал
И такие слова сказал:
— Лосиная берцовая кость в котел не вмещается,
Сердце не перестанет домой стремиться,
Эвенки к старому кочевью возвращаются.
Жеребенок тянется к матери-кобылице.

Возвращается человек к воде,
Которую в детстве пил,
Возвращается человек к земле,
На которой маленьким жил.

Собирайтесь-ка вы в дорогу,
К своему родному порогу.

В приданое дочери
Отдает отец:

Половину подданных,
Половину золота,
Половину коров и овец,
Дает он дочери иноходца,
Которого тщательно снаряжает,
От восхода солнца и до захода солнца
Молодых отъезжающих провожает.
Абай Гэсэр хубуун
Как только вылез из-под морского полога,
Богатырский прежний облик свой сохраняя,
Так сразу, не думая долго,
Бросился искать коня.

Вещий конь его, конь гневой,
Едва на тонких ногах стоял,
С низко опущенной головой,
Заскоруз, ослаб, исхудал,
Черные копыта его вот-вот отвалятся,
Белые зубы его туда-сюда качаются,
По бокам проросли трава и мох,
Слипшийся потник к спине присох,
Острые кости повсюду торчат,
Стремена о кости громко стучат.

Подошел Гэсэр к коню твердо,
Обнял за шею, поцеловал в морду,
На худобу и заскорузлость не глядя,
Начинает его по спине гладить,
Где пройдет по коже его ладонь,
Становится чистым, лоснится конь.

Родниковой водой
Гэсэр коня напоил,
Росистой травой
Гэсэр коня накормил,
Вокруг коня он трижды обходит,
В поводу коня потихонечку водит.

Возвратились в коня и кровь, и пыл,
Стал конь таким же, каким и был.

Пошел Гэсэр за своим копьем,
Подпирающим угол моря его он находит,
Но уж птицы морские гнездятся на нем,
Сидят на яйцах, птенцов выводят.

Всех птиц Гэсэр с копья спугнул,
Приподнятый угол на место пригнул,
Руками аккуратно его расправил
И навсегда это место оставил.

С молодой, прекрасной женой своей,
С двухлетней резвой дочкой своей,

Отправился он к воде,
Которую в детстве пил,
Отправился он к земле,
На которой маленьким жил,
Где отец его Сэнгэлэн Ноён,
Где мать его Наран Гоохон,
Где дядя его Саргал Ноён,
Вот куда отправился он.

Все родственники ему очень обрадовались,
Широкие столы красиво накрыли,
Гостей созвав, восемь дней праздновали,
Угощая всех, девять дней ели и пили.
На десятый день опохмелялись,
Прощались,
По домам разъезжались.

Когда молодая жена Алма Мэргэн,
Маслом
В очаг горящий брызнула,
Около очага на глазах у всех
Золотисто-красное дерево выросло.

После пира
Абай Гэсэр поскорей
Позвал тридцать трех своих богатырей,
Позвал тридцать трех отборных оруженосцев,
В панцирях, сияющих словно солнце,
Позвал
Триста военачальников достойных,
Позвал
Три тысячи простых воинов.
Обратился он к ним с приказом
С высокого серебряного крыльца:
— Моим трем женам, молодым и прекрасным,
Надо построить три прекрасных дворца.

А эти его богатыри и воины,
Эти его военачальники достойные,

Только прикажи и дай им ходу,
Готовы за Гэсэра в огонь и воду.

Сердца у них твердокаменные,
Кони у них буйно-пламенные,
Как волки, они стремительны,
Ничего не боятся,
Превратились они в строителей
И рады стараться,
Дружно бросились все в тайгу,
Вековые деревья рубя на скаку.
Исполняя Абай Гэсэра задание,
Построили три великолепных зданья.

Снизу зданья,
Словно из земли, поднялись,
Сверху зданья,
Словно с небес, пролились.

Наружные стены
Белым серебром разукрашены,
Внутренние стены
Красным золотом разукрашены.

Наружные стены —
Снега белее,
Внутренние стены —
Солнца краснее.

В нижней части зданий —
Семь тысяч окон,
Из них просматривается семь земных глубин,
В верхней части зданий —
Девять тысяч окон,
Из них просматривается девять небесных высот,
Из людей, живущих на свете, ни один
Не видел еще таких красот.

Стены сделаны из ребристого серебра,
Потолки сделаны из чешуйчатого серебра,
Стойки-перекладины — из литого серебра,
Двери в комнатах — из зеркального серебра,
Ручки у дверей из точеного серебра,
Косяки у дверей из крученого серебра,
Полы-плинтусы из слоистого серебра,
Крыша наверху из светящегося серебра,
Крыльцо у каждого здания
Из массивного серебра...
Каждое крыльцо так построено,
Что не слышно его под пятками,
Каждое крыльцо так просторно,
Что бегать бы там кобылицам с жеребятками.

Первую свою жену Тумэн Жаргалан
Поселил Гэсэр у истоков реки Хатан.
Чтоб она невиданной красотой блистая,
Была хозяйкой верхнего края.

Вторую свою жену Урмай Гоохон
Поселил он в середине долины Хатан,
Чтоб она, таинственной красотой блистая,
Была хозяйкой среднего края.
Третью свою жену Алма Мэргэн,
Самую юную и грустную,
Поселил он там, где речное устье,
Чтобы божественной красотой блистая,
Была она хозяйкой нижнего края.

После этих нелегких дел,
Говорят, он такую песню спел:
«Высокое солнце, скажите, красиво ли?
Но Тумэн Жаргалан красивее!
На рассвете солнце, скажите, красиво ли?
Но Урмай Гоохон красивее!
На закате солнце, скажите, красиво ли?
Но Алма Мэргэн красивее!»

Уродилась трава кустистая,
Ходят кони сытые, чистые.
Уродилась трава зеленая,
Кони — сытые и холеные.

Народился Гэсэр,
Все враги — дрожат,
Появился Гэсэр,
Все враги — лежат.

ВЕТВЬ ТРЕТЬЯ

О БОРЬБЕ ГЭСЭРА С ДЬЯВОЛОМ АРХАНОМ

*Д*евять ветвей у священного дерева,
Каждая ветвь листвою повита.
Девять сказаний древних,
В каждом сказанье — битва.

В соболя, что ценнее всех зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

А-э-э-э!
А-э-э-э-э!
А-а-у-у-дон!

Когда
Хан Хурмас, божественный властелин
Пятидесяти пяти западных небесных долин,
Атая Улаана, божественного властелина
Сорока четырех небесных долин,
В ожесточеннейшей схватке победил.
Когда
Победитель Хан Хурмас
Побежденному Атай Улаану голову отрубил,
Когда Хан Хурмас
Отрубленную черно-круглую голову ногой пнул,
Когда Хан Хурмас
Волосато-круглую голову вниз столкнул,

Большая круглая голова закрутилась,
Между небом и землей остановилась.
Вверх возвратиться — так сил уж нет,
Вниз опуститься — желанья нет.

Словно на веревке с неба спускается,
Словно на подпорке над землей поднимается.

Превратилась она меж звездных сфер
В черного дьявола Архán Шудхэр¹.

То медленно вращается,
То хищно озирается,
Намеревается
проглотить и луну и солнце.

Черным вороном каркает,
Черным злословием харкает,
Светлое небо руганью загрязняет,
Чистое небо проклятиями засоряет,
Ясное небо туманом дымится,
Земля под небом пылью клубится.

А люди на земле
В это время благоденствуют,
Бесчисленные племена на земле
В это время блаженствуют,
Из месяца в месяц, из года в год
Становится многочисленнее земной народ.
Из первородного жидкого семени
Возникают племя за племенем.
Из мальчишек вырастают мужчины,
Из девчонок вырастают красавицы,
У мужчин у всех — могучие спины,
Все красавицы — улыбаются.
Все красавицы — чернооки,
Аргамаки все — быстроноги.
А охотники все — обучены,
А народы все — благополучны.

При виде этого
У черного дьявола Архана,
Происшедшего из Атай Улаана
Лохматой большой головы,
Злые замыслы,
Подобно туману поплыли,
Серые замыслы,
Как в котле забурлили,
Чудовищные замыслы
Клубиться стали,
Отвратительные замыслы
Заклокотали.

Волосы его поднялись дыбом,
Зубы его скрежещут,
Ноздри его трепещут,
Пар изо рта его идет дымом.
Высокое просторное небо

¹ Шудхэр — черт, дьявол.

До краев содрогается,
Низкая просторная земля
До глубин сотрясается.

Обуян нестерпимой местью,
Черный дьявол по небу мечется.
То на месте кружится, то несется,
Намеревается проглотить и луну и солнце.

Просторную добрую землю Улгэн
Хочет он захватить в безвозвратный плен
Племена, населяющие землю Улгэн,
Хочет он превратить в пыль и тлен.

Из широкого рта
Изрыгает он красное пламя,
Из широких ноздрей
Выдувает он черный ветер.
Навис он над мирными племенами,
Подобно неотвратимой смерти.

По небу черный туман расплывается,
По земле желтый туман расстилается.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,
В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
Части Атай Улаана, мечом раздробленные,
Куски Атай Улаана, по земле разбросанные,
Валяются, гниют, высыхают,
Черное зловоние порождают,
Распространяются от них гниль и плесень,
Расползаются от них все болезни.

Возникшие из них дьяволы,
Черти, колдуны и всякая нечисть
Быть сильными, а не слабыми,
Собираются они вместе.

Раньше раннего,
Позже позднего
Произносят они
Клятву грозную.
На всех земных людей
Наводить болезни и мор,
На все земные края
Напускать нищету и разор,
Напускать холод, голод и тьму,
Напускать язву, оспу, чуму,
Напускать распри, слезы и кровь,
Чтоб забыли люди жалость, любовь...

Узнав об этом,
Главный дьявол Архán Шудхёр
Сильнее завертелся меж звездных сфер.
Он обрадовался, возвеселился,
Закружился, загордился,
Белые зубы скалит,
Глазными белками сверкает.
Силы у него прибавляется,
Коварство у него умножается.

Прежде чем солнце и луну проглотить,
Прежде чем землю Улгэн испепелить,
Прежде чем народ на земле истребить,
Он высокое небо раскачивает,
Он широкую землю растрясывает,
Он глубокое море разволновывает,
Он Сумбэр-гору потрясает,
Жадный ветер на волю выпускает,
Сквозняками мир продувает,
Ядовитым туманом глушит,
Едкой пылью сушит и душит.

Напустивши пыли, ветров и тумана,
Дьявол Архán Шудхёр,
Происшедший из головы Атай Улаана,
Из головы лохматой, черной, большой,
Стал гоняться за солнцем и за луной.
Три дня и три ночи он их преследует,
Три дня и три ночи он за ними гоняется,
Но проглотить их — не получается.
Все усилия его бесполезны:
Ни луна, ни солнце в глотку не лезут.
Измучился дьявол — хоть вешайся,
Разозлился дьявол — до бешенства.
Сердито надул он щеки,
Брови его — как щетки.

Тогда обратился он, бывший их господин,
К властелинам сорока четырех восточных долин.
Чтобы тэнгэрины его увидели,
На небесную встал он кромку,
— Помогите! — кричит им издали,
— Пособите, — кричит им громко.
— Язык мой ноет,
Гортань моя сохнет,
Глаза ослабли,
Силы иссякли.

Вы внутренности мои соберите,
Части тела моего воссоедините,

Пусть приму я тот,
Мой прежний вид,
Как трава растет,
Как камыш стоит.

Я на мир тогда
Огонь напущу,
За годы стыда,
За позор отомщу.
На просторах зеленой земли,
Где они рай развели,

С Ханом Хурмасом схвачусь опять,
Как веревку его скручу,
Западных небожителей пятьдесят пять
Вдрызг растопчу.

Только внутренности мои соберите,
Части тела моего воссоедините,
Пусть приму я тот,
Мой прежний вид,
Как трава растет,
Как камыш стоит.

Сорок четыре восточных небожителя
Голос бывшего Атая Улаана услышали,
Издалека они его увидели,
Из жилищ своих наружу все вышли.
Собрались они быстро в кучу,
Началась между ними буча.
Всю черноту-клевету собрав,
Они ругаются,

Всю серость-мерзость собрав,
Они толкутся,
Между собой они тягаются,
Между собой они дерутся.
Наконец, старший из них
Главный черный небожитель,
Широтой груди своей хвастаясь,
Толщиной костей своих бахвалясь,
Начинает такой разговор.

— Послушайте,— говорит,—
Что я скажу сейчас,
Нас, восточных небожителей,
Обидел западный небожитель
Хан Хурмас.

Он же нашего Атая Улаана
В ожесточеннейшей схватке победил,
Тело нашего Атая Улаана
На семь частей он мечом разделил,

Разбросал он эти части по земле, где тайга,
В одном месте шея валяется, в другом нога.

А отрубленную его круглую голову
Ногой он пнул,
Волосатую его голову
Вниз столкнул.

Та его круглая голова закрутилась,
Между небом и землей остановилась.

Вверх возвратиться — так сил уж нет,
Вниз опуститься — желанья нет.
Словно на веревке с неба спускается,
Словно на подпорке над землей поднимается.

Превратилась она меж звездных сфер
В черного дьявола Архан Шудхэр.

Во все стороны дьявол мечется и бросается,
Солнце и луну проглотить старается.
Но усилия его бесполезны,
Луна и солнце в глотку не лезут.

В это время
Части Атая Улаана, мечом раздробленные,
В это время
Куски Атая Улаана, по земле разбросанные,
Валяются, гниют, высыхают,
Черное зловоние порождают,
Распространяются от них гниль и плесень,
Расползаются от них все болезни.

Богатая жизнь людей стала бедной,
Жирная жизнь людей стала скудной,

За что ни схватятся люди — вредно,
За что ни возьмутся люди — скучно.

Болезни, о которых никто не знал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не слышал,
Стада косят,
Люди плачут и голосят.

Людей, которые счастья достойны,
Разоряют бедствия, войны.

Люди мучаются, люди мрут,
В горе-горьком они убиваются,
Слезы людские
Рекой Ангарой текут,
Слезы людские

Морем разливаются.
И тогда,
Услышав об этом бедствии
Западные небожители решили действовать.

Чтобы все обсудить заранее,
Собрались они на собрание.
Собрание надзвездное, мудрое,
Собрание надлунное, утреннее,
Все до тонкости обсудило,
И твердейше постановило:

«Хана Хурмаса, небожителя и властелина,
Среднего красного сына,
Бухэ Бэлигтэ батора,
Согласно добровольному уговору,
На низменную землю спустить.
В краю, где темно и глухо,
В семье старика со старухой,
Людей безвредных,
Живущих бедно,
Их сыном его родить».

Как собранью тому хотелось,
Так оно все и сделалось.

На краю земли, средь болот и гор
Народился Бухэ Бэлигтэ батор.
Вырос он в краю убогом и сером,
А называться он стал Гэсэром.

Вырос он лисицами не обнюханный,
Вырос он быками не боданный,
Землю, где живут старик со старухой,
Считает он теперь своей родиной.

Хочет он, решительно действуя,
Избавить народ от бедствия.

Под одним солнцем с ним не жить нам,
Сорока четверем восточным небожителям.

Могуществом большого пальца
Предстоит с ним тягаться.

Силой плеча померяться,
В мощи спины увериться.
Жечь его нашим красным огнем,
Чтобы больше нам не слышать о нем.

Кончилось время бояться,
Настала пора сражаться.
Черный дьявол Шудхэр Архан

Обратился за помощью к нам,
Все усилия мы приложим
И ему сообща поможем.

Тело доблестного Атай Улаана,
Что страдает, мстью томим,
Соберем мы, обшарив все страны,
И в единое соединим.
Придадим ему прежний вид,
Пусть опять зубами скрипит.
На могучие ноги поставим,
Новой силы ему прибавим,

Чтоб из дьявола черного, лешего,
Хана Хурмаса не победившего,
Стал он вдвое сильнее прежнего,
Стал он втрое сильнее бывшего.
Берегись тогда, Хан Хурмас,
Что задумал идти против нас.
Вместе с сыном твоим Гэсэром
Из тебя мы лепешку сделаем.
Тогда их всех — западных небожителей
Из пятидесяти пяти долин, —
Мы, расточители и разрушители,
Превратим же в коровий блин.

Их старуху Манзэн Гурмэ
Искупаем мы в дерьме.
Всех врагов мы расквасим вдрызг,
Не останется даже брызг.
Теперь и вы говорите!» —
Закончил черный небожитель.

В это время чернее черного
Голос подал со стойбища черного
Небожитель другой — Балай.
Говорил он тоже напыщенно,
Но слова его были услышаны,
Все решили: Балая слово
Своевременно и толково.

«Если батор родился ловким,
Если батор родился сильным,
Надо убить его, пока он в пеленках,
Изрубить, пока он плаксивый.
Если он на колени встанет,
До него уже не достанешь,
Если на ноги батор встанет,
То его не затронешь,
А до стремени он дотянется,
То его уже не догонишь.
Найти, извести, спугнуть, догнать, изрубить, скрутить,
Согнуть, изломать!

Чтобы величайшего из врагов победить,
Чтобы быстрее из жеребят обогнать,
Чтобы переднее назад заворотить,
Чтобы заднее наперед загнуть,
Чтобы неломаемое сломать,
Чтобы непугаемое спугнуть,
Чтобы сор без остатка вымести,
Чтобы обиды горькие выместить,
Чтобы одержать нам победу полную,
Чтобы победив, мы чаши наполнили,
Чтобы на пиру победителей радоваться,
Вот что, небожители, надо нам:

Тринадцать бойцов наших самых злых, чумазных —
На земные долины выпустим сразу.
И будет там великое побоище...» —
Предложил хозяин черного стойбища.

И он, распаясь неспроста,
Из черной головы своей мысли беря,
Из черного рта своего слова даря,
Говорил-кричал, примерно, так:
— Из локтевой кости Гэсэра
Рукоятку для плетки сделаем,
Из берцовой кости Гэсэра
Кнутовище сделаем,
Из круглой головы Гэсэра
Дымящуюся головешку сделаем!

Атай Улаана
Разрубленные куски соберем,
На небо поднимем, воссоединим,
Жизнь и силу в него вдохнем,
Оживим и оздоровим!

Третий оратор Харá Оёор
В другую сторону повел разговор.
Стал он дальше вспоминать,
Стал он давнее ворошить,
Гладко-гладкое стал он мять,
Цельно-целое стал крошить.

— Вспоминать разве мы не должны,
Что ведь сам Атай Улаан
Развязал узелок войны,
На дорогу сраженья встал,
Разве он не пускал стрелу?
Разве он копы не ломал?

А теперь он упал во мглу,
А теперь он в беду попал,
Для чего заботиться нам?
Пусть вину искупает сам.

Когда два человека дерутся,
Люди смотрят со стороны,
Когда два бугая сойдутся,
Хозяева наблюдать должны.

Тут вышел мрачен и хмур
Черный шаман Бóолур,
В которого вселилась Атай Улаана душа,
Вышел он одеждами звякая и шурша.
Начал он шаманить-взывать,
Начал он бормотать-завывать.

— Восточных тэнгэринов сорок четыре,
Западных тэнгэринов пятьдесят пять.
Несправедливость творится в мире,
Западные восточных начали притеснять.

Начали нас оплетать-винить,
Начали нас угнетать-чернить.

Все колющее они точат,
Всем рубящим они машут,
Обижают нас кто как хочет,
Ни о чем нас не спрашивают.
Бывало,
Там, где мы боялись,
Атай Улаан храбростью нашей был,
Бывало,
Там, где мы поддавались,
Атай Улаан опорой нашей был,
Бывало,
Там, где мы сомневались,
Атай Улаан душой нашей был.

Думайте день,
Думайте, ночь,
Атай Улаану надо помочь.

Тело доблестного Атай Улаана,
Что страдает, мстью томим,
Соберем, обшарив все страны,
И в единое соединим.

На могучие ноги поставим,
Новой силы ему прибавим.

Чтоб из дьявола черного, лешего,
Хана Хурмаса не победившего,
Стал он вдвое сильнее прежнего,
Стал он втрое сильнее бывшего.

Все заклатья с него мы снимем,
Возвратим его доброе имя.

Все задуманное решится,
Все желаемое совершится,
Все препятствия одолеем,
Все преграды пройти сумеем.

И вот всех западных небожителей
Из пятидесяти пяти долин,
Мы, расточители-разрушители,
Превратить же должны в коровий блин.

Всех врагов мы расквасим вдрызг,
Не останется даже брызг.

Тех, кто нынче сверкает перлами,
Раскидаем по ветру перьями,
И на небе мы будем первыми,
И под небом мы будем первыми.

Так закончил Боолур шаманить-взывать,
Так закончил он бормотать-завывать:
Найти,
Извести,
Спугнуть,
Догнать,
Изрубить,
Скрутить,
Согнуть,
Изломать!

Новому оратору говорить пора,
Вышел небожитель Уняар Харя.
Сильно он рассердился,
Щеки надул,
Говорил-горячился,
Что пришло на ум.

— В припасенный аркан
Шею свою продевать не будем,
В наостренный капкан
Ногую свою мы ставить не будем,
Земные несчастья
Нас не касаются,
Атай Улаана части
На земле пусть валяются...

Тут столпились небожители в кучу,
Началась между ними буча.
Всю черноту-клевету собрав,
Они ругаются,
Всю серость-мерзость собрав,
Они толкутся,
Между собой они тягаются,
Между собой они дерутся.

Среди неба большого, просторного,
Разделились они на две стороны.

В это самое время,
О котором речь у нас идет,
В это самое время,
О котором рассказ наш течет,
Самый грозный из западных небожителей
Хухэрдэй Мэргэн тэнгри —
Хултэй Тайжа лихой с богатырским станом,
Вышел от бабушки Манзан Гурмэ,
Вышел от батюшки Эсэгэ Малаана
С наказом особым в уме.
Едет туда, откуда середину неба видать,
Едет туда, откуда середина земли видна,
Едет туда, где встречаются солнце и луна.
Этого места достигнув, Хухэрдэй Мэргэн
Повода девяти крылатых коней натягивает,
Девять крылатых своих коней останавливает,
И кони ему подчиняются.
Батор Хухэрдэй Мэргэн на оглоблях
Высокой серебряной колесницы
Приподнимается.

Черный дьявол Архан Шудхэр,
Происшедший из лохматой головы Атая Улаана
Витязя этого издалика разглядел,
За черное колдовство приняться хотел,
Чтобы напустить какого-нибудь тумана,

Но испугался он выше всяких мер,
Устыдился он выше всяких мер,
Колдовство его прерывается,
За спину золотого солнца спрятаться он успел,
За серебряной грудью луны он скрывается.

Богатырь Хухэрдэй Мэргэн —
Хултэй Тайжа, лихач удалой, —
Догадался,
Что золотое высокое солнце,
Догадался,
Что Луна, круглолицая красавица,
Черного дьявола собою прикрыли.
Очень они рассержены были.
Хухэрдэй Мэргэн
В широкую грудь полнеба вдохнул,
Хухэрдэй Мэргэн
Щеки свои сердито надул,
Крик оглушительный издает,
Как тысяча лосей одновременно ревет,
Крик сотрясающий издает,
Как десять тысяч лосей одновременно, ревет.
Золотое высокое солнце

Он обвиняет,
Луне, круглолицей красавице,
Он пеняет:
— Архана — черного дьявола
Вы зачем за собою спрятали?
Вы зачем его
Своей золотой спиной защитили?
Вы зачем его
Своей серебряной грудью прикрыли?
По доброте своей это вы сделали,
Или черт Архан показался вам страшен?
Или вы такие уж смелые,
Что хотите врагами стать нашими?

Услыхав эти дерзкие речи,
И словами им не переча,
Солнечный сын Нагаадай Мэргэн дэгээ
И лунный сын Сэйхан Мэргэн дэгээ
Оседлали своих коней,
Бухарские желтые луки взяли
И колчаны, что стрел полны,
— Посмотрим, — они сказали, —
Какие там бродят крикуны.
Кони у них хоть разные,
Но оба огненно-красные.
За гривы они хватаются,
В седла они садятся,
Сразиться они собираются,
Никого они не боятся,
Оба они красивы,
В плечах у обоих — сила.
Пальцы рук у них цепки,
Сухожилия крепки.
Они схватки достойной жаждут,
Силу-ловкость они покажут.
Между тем,
Атай Улаана лохматая голова,
Хоть и чертом ставшая, но умная,
Все смекнула, все поняла,
И коварство свое задумала.

Вышел дьявол
Из-за солнечной золотой спины,
Вышел дьявол
Из-за лунной серебряной груди,
Где он прятался и таился,
Оказался он у витязей на пути,
Смирным, добреньким притворился.
Нагаадаю Мэргэну дэгэю
И Сэйхану Мэргэну дэгэю
Как бы нечаянно
Он навстречу идет,
Как с друзьями с ними встречается,

Сладкие речи ведет.
— Ах, вы, витязи мои, витязи,
Ах, дэгэи мои, дэгэи,
Наконец-то мы свиделись,
Глазам поверить — не смею.
Мы ведь так же сродни,
Как жир и масло,
Нашей дружбы огни
Пусть не гаснут.
Давайте
На десять белых лет
Сватовьями станем,
Давайте
На двадцать светлых лет
Кумовьями станем,
Давайте
На тридцать сияющих лет
Братьями будем,
Соединим наши судьбы.—
Так витязям коварный Архан говорит,
А сам полосатым глазом вбок косит,
Он взглядом своим блукает,
Он клыками своими сверкает,
Называя витязей братцами,
Зубами своими клацает.
Думает он, что улыбается,
А выходит, что огрызается.

Витязи все увидели,
Ждать себя не заставили,
Стрелы хангайские вынули,
В пасть Архана направили.
Натянули луки бухарские,
Целят в бельмы арханские.
Но дьявол Архан схитрил и тут —
Из глаз у Архана слезы текут.
Как коза он кричит пронзительно,
Как ягненок блеет просительно.
Стал он витязей уговаривать,
Обещаньями стал задаривать.

— Ах, вы, витязи мои, витязи.
Ах, дэгэи мои, дэгэи,
Не стреляйте в меня вы, витязи,
А уж я услужить сумею.

Ты, солнечный сын, Нагаадай Мэргэн,
Ты, лунный сын, Сайхан Мэргэн,
Опустите луки свои до колен.
Когда будете вы в дальнем пути,
Я помогу вам скакать-идти,
Когда будете дневную землю обогреть,
Я буду вам помогать.

Когда будете ночной земле светить,
Я буду лучи блестить.
Впереди у вас
Видимость улучшать я буду,
За спиной у вас
Я крепостью буду,
Дела решать — советником буду,
В пути ночевать — товарищем буду,
Коней ловить,
Деревья рубить,
Скот пасти терпеливо буду.
Давайте
На десять белых лет
Сватовьями будем,
Давайте
На двадцать светлых лет
Кумовьями будем,
Давайте
На тридцать светящихся лет
Братьями будем,
Соединим наши судьбы.

Солнечного сына
Нагаадая Мэргэна дэгэя
Обмануть речами не удалось,
Посмотрел он на дьявола не робея
И увидел его насквозь.
— Днем,
Когда мы ходим по небу,
Сопровождать не надобно нас,
Ночью,
Когда мы ходим по небу,
Тысячи звезд окружают нас.
Ни в полдень ясный, сияющий,
Ни в полночь, ни в дождь, ни в туман,
Не нужен нам в спутники и в товарищи
Черный дьявол Архан.

Между тем,
Лунный сын Сайхан Мэргэн
К дьяволу как будто прислушивается,
Дьяволу как будто сочувствует,
Дьявола как будто жалеет,
Защитить его собирается,
Приголубить намеревается.
— Когда днем по небу ходить мы будем,
Тенью нашей он будет,
Когда ночью по небу ходить мы будем,
Дополнительным светом будет,
Сделаемся с ним мы сватовьями,
Станем с ним кумовьями,
Соединим наши судьбы,
Нас никто не осудит.

Станем с ним побратимами,
Всюду славными, всюду чтимыми.
Будем с ним мы как сверстники,
Будем с ним как ровесники.
Для веселья и боя
Лучше трое, чем двое.

Дьявол даже ушам своим не верит,
Рот растянул шире чем двери,
Громко хохочет, клыками сверкает,
С новой речью к витязям подступает,

— Если мы стали уже побратимами,
Давайте меняться вещами любимыми:
Кресалами, трубками, кошельками,
Кисетами, плетками, кушаками.
Сядем мы на винно-черной реке,
У каждого чаша с вином в руке.
Говорить будем,
Пока сметана на чистой воде не образуется,
Беседовать будем,
Пока трава на голом камне не вырастет,
Помогать друг другу мы обязуемся,
Общий дом на троих мы выстроим.
На десять белых лет
Сватовьями будем,
На двадцать светлых лет
Кумовьями будем...

Чем больше
Лунный сын Сайхан Мэргэн
Про дружбу с дьяволом плел и пел,
Тем больше
Солнечный сын Нагаадай Мэргэн
Лицом мрачнел.

Начали витязи спорить,
Вспоминать хорошее и плохое,
Начали они вскоре
Ссориться между собою,
Каждый камень переворачивать,
Каждое слово переиначивать.

В конце концов
Нагаадай Мэргэн, солнечный сын,
Поехал дальше один.

А черный дьявол Архан,
Тотчас полез в карман,
Достает из кармана за предметом предмет,
Кресало, трубку, кисет,
Все это Сайхану в руки сует,

А его вещи себе берет.
— Раз уж стали мы,— говорит,— побратимами,
Обменяемся вещами любимыми.
Взяли они трубку, величиной, как пень,
Взяли они кисет, величиной, как олень,
Кисет этот набитый табаком они открывают,
Трубку эту резаным табаком набивают,
Кресалом белым, как зимний день,
Искры жаркие высекают.
Трубку они сосут шумно,
Дым они выпускают клубно.
Говорят,
Пока сметана на чистой воде не образуется,
Говорят,
Пока трава на голом камне не вырастет,
Помогать друг другу они обязуются,
Общий дом собираются выстроить.

Тем временем
Дорога Нагаадая Мэргэна дэгэя
Прямо ли идя,
По сторонам ли кружа,
Встретилась с дорогой батора Хухэрдэя —
Удалого Хултэя Тайжа.
Рассказал ему
Нагаадай Мэргэн — солнечный сын,
Почему он оказался один,
Рассказал ему,
Что лунный сын Сайхан
И черный, хитрый дьявол Архан
На десять белых лет
Сватовьями стали
На двадцать светлых лет
Кумовьями стали.
Что сидят они там и братаются,
Помогать-дружить обещаются.

— Начали было мы с ним спорить,
Вспоминать хорошее и плохое,
Но из-за этого вскоре
Перессорились между собою,
Каждый камень переворачивали,
Каждое слово переиначивали.
Я с тех пор одиноким стал,
Я с тех пор, как тень потерял.

Хухэрдэй Мэргэн помрачнел,
Витязь лихой одурел.
Стоит, не понимая, стоит ли,
Сидит, не понимая, сидит ли.

Рассердился, щеки надул,
Огорчился, лук натянул.

Посылает стрелу к Сайхану,
Посылает стрелу к Архану.
Полетели, шурша опереньем,
Эти стрелы с предупреждением.

Не увидеть Сайхан не мог,
Как воткнулись стрелы у ног.
Вниз он в землю глядит, мрачнеет,
Вверх он в небо глядит, бледнеет.
Догадался в конце концов,
Что глупец он из всех глупцов.
Хухэрдэй Мэргэн не долго думая,
Хангайскую стрелу достает,
Хухэрдэй батор не мудрствуя,
Черную стрелу на тетиву кладет.
Он ногами землю притаптывает,
Он глазами небо проглядывает,
Над острием стрелы он нашептывает,
Над опереньем стрелы наговаривает:
— Ты лети, стрела,
Легка и остра,
Не в небе пропасть,
Не в поле упасть,
Ты лети, стрела
Архану в пасть!
Чтоб черного дьявола
Насквозь пронзить,
Мохнатую голову
На куски разбить.
Боевой свой лук
Он так натянул, что дым пошел,
Бухарский свой лук
Он так натянул, что огонь пошел,
Вырвалась стрела, полетела,
Зашуршала и засвистела.
Силой большого пальца закрученная,
Ловкостью указательного пальца пущенная,
При полете звук родящая,
Звук по воздуху уносящая,
Нацеленная стрела молниеносно летит,
Хангайская стрела неотвратимо звенит,
Желто-черная стрела в цель попадает,
Жилы-мускулы разрывает,
Кости крепкие раздробляет,
Душу с телом разъединяет.
Высокое, просторное небо
До краев содрогается,
Низкая, просторная земля
До глубины сотрясается.
По небу черный туман расплывается,
По земле желтый туман расстилается.
Сун далай — молочное море — волнуется,

Сумбэр уула — священная гора — качается.
Ветер жадный беснуется,
Клубами пыль поднимается.

Атая Улаана голова, сшибленная стрелой,
Полетела вниз, завертелась юлой,
Полетела голова на землю вниз,
По вселенной всей раздается свист,
Будто камень шуршит, будто стрела звенит,
Будто коза орет пронзительно,
Будто козленок блеет просительно.

В это время тринадцать своих бойцов
Восточные небожители на землю выпустили,
Чтобы черного дьявола защитить,
Чтобы быстрее из жеребят обогнать,
Чтобы переднее назад заворотить,
Чтобы заднее наперед загнать,
Чтобы падающую голову успеть подхватить.
Не дать ей упасть и на небо вернуть.
Полетели бойцы к сухой земле,
Полетели они наперерез стреле,
Полетели они, как молнии,
Шумом-вихрем землю наполнили,
Но хангайская стрела заговоренной была,
Быстрее молнии оказалась стрела.

Летел Архан, раскрывши пасть,
Летел Архан, оскалив клыки,
Летел Архан, чтоб на землю упасть,
У желтого моря, у желтой реки.
Крепкие скалы начали рушиться,
Высокие горы начали колебаться,
Вода речная льется на сушу,
Вода морская горой поднимается.

Недалеко от широкой желтой реки,
Недалеко от места, где водопой,
В морские воды, что глубоки,
Свалился дьявол вниз головой.
Первое время он недвижно лежал,
Но силы собравши, натужился, встал.
В себя приходить он начал,
Встретясь с черной землею, с матерью,
Море вокруг поворачивая,
Землю он всю осматривает.
Все видно ему, как на блюде,
Леса и горы, стада и люди.
Вдруг,
У подножья горы под названием Хан,
На берегу реки под названием Хатан,
Увидел дворцы Абая Гэсэра,

С испуга дьявол сделался серым,
Скорее голову он пригнул,
В глубокое море на дно нырнул.
У дна морского он притаился,
В густые водоросли забился.

А Хухэрдэй Мэргэн батор,
Стрелу пустивший,
Черного дьявола Архана стрелой сразивший,
Победителем называться стал,
Покровителем и людей и стад.
«Жеребятки пусть растут и резвятся,
Люди пусть живут и плодятся»,—
Такое пожелание высказал,
А сам трубку с кисетом вытащил.

Берет он свою трубку из чистого серебра,
Толщиной с рукав,
Открывает свой бархатный кисет
Величиной с мешок.
Красно-резаным табаком
Трубку он свою набивает.
Кресалом величиной с озерко
Искры жаркие высекает.
Мягко-пушистый трут,
С матерого лося величиной,
Помахивая им, раздувает.

Дым от трубки пошел,
Как речной туман,
Из рта дым пошел,
Как дымит вулкан.
Трубку сосет он шумно,
Дым выпускает клубно.
Архана — черного дьявола
Убитым он посчитал,
Всех несчастных земных людей
Спасенными он посчитал,
Всех прекрасных земных зверей
Сохраненными он посчитал,
Золотое солнце с нежной луной
Защищенными он посчитал,
Необъятный простор земной
Очищенным он посчитал,
Свои дневные желанья
Исполненными он посчитал,
Свои ночные мечтанья
Совершенными он посчитал,

Поэтому трубку свою докурив,
Поэтому коня своего накормив,
В западные небесные пределы,
К пятидесяти пяти небожителям

Отправился, поскакал.
В это самое время,
Повод — в руку, а ногу — в стремя,
Живущий в долине Сорогто,
Имеющий быстро-синего жеребца,
Имеющий черно-злые мысли,
Имеющий погано-вонючую душу,
Ездящий по грязно-жидкой дороге,
Хранящий клеветническую книгу законов,
Харá Зутá ноён,
Зная, что скот его не поен,
На берег желтого моря Манзан,
К подножью горы Манхан,
Богатой свежей травой,
Весь скот свой пригнал на водопой.

На берегу желтого моря Манзан
У подножья высокой горы Манхан
Быстро-синего жеребца Хара Зутан останавливает,
За загрибок жеребца ухвативши, на землю соскакивает,
Обе полы халата неторопливо отряхивает,
Место, куда приехал, оглядывает.

И видит он, что у самого водопоя
Осина росла — деревце золотое.
Золотые листочки, золотой ствол,
Хара Зутан к деревцу подошел.
Осина приветно зашелестела,
Веточки к нему наклонились,
Сердце у Хара Зутана вскипело,
Черные мысли зашевелились:
«Наверное, это Абай Гэсэр
Чары свои напустить успел.
Наверное, это его колдовство,
Его бахвальное волшебство».

Черные мысли Хара Зутана кипели,
Серые помыслы переливались,
А листочки осины все шелестели,
А ее веточки все склонялись.

Хара Зутан
Полы халата за кушак заткнул,
Хара Зутан
Рукава халата до локтей завернул,
Золотую осину, ухватившись за ствол,
Вырвал с корнем он, коварен и зол,
Золотые веточки изломал,
Золотые листики истоптал.

Манзан — желтое море волновалось,
Манхан — высокая гора содрогалась.

Черный ветер подул со свистом,
Черный смерч завертелся быстро,
Желтый туман поплыл,
Заклубилась едкая пыль.

Точно ли в это время — сказать нельзя,
Из желтой морской воды
Показались огромные красные глаза,
Показалась над водой морская трава,
А в траве — лохматая голова.
Чудовище страшное озирается,
Чудовище к берегу приближается.
Хара Зутан
Все черные мысли свои рассорил,
Хара Зутан
Все серые помыслы позабыл.
А черный дьявол Архан, злодей,
Вышел из воды земли черней,
К дереву одинокому притулился,
К Хара Зутану он обратился:
— Дверь, не тобой закрытую,
Ты зачем открыл?
Дверь, не тобой открытую,
Ты зачем закрыл?
В дверь, из которой не выходил,
Ты зачем вошел,

Из двери, в которую не входил,
Ты зачем вышел?
Кто ты сам? Где твой дом-крыша?

Если слово имеешь — сказывай,
Если речью владеешь — рассказывай.
А не то,
Начиная с ног, откушу-изжую,
А не то,
Начиная с головы, откушу-проглочу.

Раскрыло чудовище пасть свою,
Каждый клык подобен копыю-мечу.
Раскрыло чудовище огромный рот,
Всю землю проглотить норовит:
Верхними клыками небо скребет,
Нижними клыками горы скоблит.
Множество людей,
В гору поднимающихся,
Слизнуть намеревается.
Множество людей,
С горы спускающихся,
Схлебнуть собирается.
У Хара Зутана
С испугу в глазах зарябило,
У Хара Зутана дыхание перехватило,

Поджилки трясутся, озноб забил,
Имя свое и то забыл.
Хара Зутан за последнее ухватился,
Чудовищу страшному погрозился.
— Хоть бы ты меня, дьявол, с костями съел,
Но придет мой племянник Абай Гэсэр,
Вид твой страшный ему нипочем,
Он тебя на куски изрубит мечом.
Он за дядю тебе оплатит,
Сил у него на это хватит.
Архан — черный дьявол,
По-прежнему зубы точит,
Архан с раскрытой пастью злобно хохочет:
— Что это у тебя за племянник такой,
Чтобы сумел совладать со мной?
Где он возьмет такую мощь,
Чтобы тебе, бедняге, помочь?
Где он возьмет такую прыть,
Чтобы меня, черного дьявола, победить?
Хара Зутан, чтобы душу свою уберечь,
Чтобы кожа с него была не содрана,
Заводит о Гэсэре хвалебную речь,
Говорит толково и собранно:
— Хана Хурмаса, небожителя и властелина,
Среднего красного сына,
Бухэ Бэлигтэ батора
Западные небожители на землю спустили,
Согласно добровольному уговору,
Всем необходимым его снабдили.
Спустился он для решительных действий,
Избавить народ от бедствий.

С указанием из пяти священных книг
Он спустился,
Превратить вечность в единый миг
Он спустился,
С заданием благополучие возвратить
Он спустился,
С заданьем порядок восстановить
Он спустился,
С желанием веселье возродить
Он спустился,
С мечтаньем всю нечисть истребить
Он спустился,
С надеждой успокоить людей земных
Он спустился,
С решеньем счастливыми сделать их
Он спустился,
С мудростью для семидесяти мудрецов
Он спустился,
С основой для семидесяти языков
Он спустился.

От черных замыслов злых врагов
Державно-булатный меч он имеет,
От нападения злостно-черных врагов,
Сделанный из семидесяти козьих рогов
Сокрушающе-желтый лук имеет.
Если над острием стрелы пошепчет,
Красное пламя появляется,
Если над опереньем стрелы пошепчет,
Синее пламя возгорается,
Если выпустит он стрелу свою в цель,
Никто от нее не останется цел.

Так говорил Хара Зутан
В надежде, что испугается дьявол Архан.

Но дьявол Архан был коварен и зол,
К душе Хара Зутана он ключик нашел:
— Абай Гэсэра ты справедливо хвалил,
Ведь он двух невест у тебя захватил,
Двух прекрасных девушек, двух нежнейших принцесс,
Отобрал у тебя Гэсэр-молодец.
Имя твое он навек ославил.

Ты его хвалишь, как будто невесту,
А сам от тоски не находишь места,
Душа твоя сохнет от злости и ненависти,
Весь ты пылаешь от жажды мести,
О Гэсэре хвалебные речи заводишь,
А сам в одиночестве ходишь-бродишь.
Когда в дальний путь соберешься,
В спутники кого ты возьмешь?
Когда отомстить-навредить соберешься,
Товарища себе где ты найдешь?

Давай
На десять белых лет
Друзьями будем,
Давай на двадцать светлых лет
Товарищами будем,
Давай на тридцать наиболейших лет
Побратимами будем,
Абая Гэсэра сообща погубим.
Впереди у тебя
Видимость улучшать я буду,
За спиной у тебя
Я оградой буду.
Дела решать — советчиком буду,
В пути ночевать — товарищем буду.
Десять лет отведем для мести-ревности,
Двадцать лет отведем для злости-ненависти.

Пока сметана на чистой воде не образуется,—
Дьявол Хара Зутана уговаривает,
Пока трава на голом камне не вырастет,

Он его раззадоривает,
Против племянника дядю настраивает,
Перед самим собой его опозоривает.

Черного дьявола Архана Хара Зутан слушает,
Серо-грязные слова запали в душу.
Они душу смрадом-вонью наполнили,
Злые мысли у ноена вскипают,
Пораженья свои он припомнил,
Неудачи свои вспоминает.

Так, желающие мстить-вредить,
Они друзьями становятся,
Так, желающие мутить-чернить,
Они родными становятся.

Был Хара Зутан ноёном достойным,
Стал Хара Зутан ноёном разбойным.
С черными мыслями,
С серыми помыслами
Хара Зутан ноен,
Архана дружок новоявленный,
Мечтой об отмщении упоен,
Говорит этому черному дьяволу:

— Когда все на небе уснет,
Когда все на земле замрет,
В середине ночи крошечной
Приходи к Гэсэру не мешкая.
Где что лежит у него, я знаю,
Все оружие его заранее изломаю.

Хангайскую, черную стрелу
Я вдоль расколю,
Оперение на стреле
Я все растреплю,
Желтый лук его,
Из семидесяти козьих рогов,
Разломаю я на семьдесят кусков,
Все куски разбросаю,
Тетиву искромсаю.
Меч его,
Не тупящийся о кости изюбра,
Меч его никогда не ржавевший,

Я с обеих сторон зазубрю,
И на прежнее место повешу.

А ты, мой друг, наготове будь,
Ко дворцу Гэсэра отыщешь путь.
По задворкам серебряного двора
На животе проползешь,
У ступенек золотого крыльца

До полуночи подождешь,
Когда будешь полуночи дожидаться,
Поразмысли, как с Гэсэром сражаться.

У Архана страх по спине ползет,
У Архана страх сердце сосет.

— Ты, Хара Зутан, мой друг новоявленный,
Если я ослабею,
Победить не сумею,
Поспеш на подмогу мне, дьяволу.
Если мы победить сумеем,
Убьем Гэсэра или захватим живьем,
Если до утра уцелеем
И до полудня доживем,
Если я в эту ночь своего добыюсь,
Наперекор небесам, наперекор судьбе,
То на царевне Урмай Гоохон — сам женюсь,
А царицу Тумэн Жаргалан отдам тебе.
Будем мы с тобою, два брата,
Жить и счастливо и богато.
Будет много у нас добра,
Будет мяса у нас — гора.
А наложницы наши, красавицы,
Будут нежиться, будут ластиться.

Два злодея, сообщника,
За правые руки взялись,
Два разбойника, заговорщика,
В верности поклялись.
Так Хара Зутан
Со своими черными мыслями,
Со своими серыми помыслами,
Замысел в сердце лелея злой,
Скотину с водопоя пригнал домой.

Дома радуется, мечтает,
Удовлетворенье испытывает,
Имущество Абай Гэсэра в уме перебирает,
Скотину Абай Гэсэра в уме пересчитывает

Пусть богатства идут одно к одному,
Пусть добро присоединится к добру,
Всех людей Гэсэра себе возьму,
Всю скотину Гэсэра себе заберу.
Все мне в доме понадобится,
Все в хозяйстве мне пригодится...
Радостью великой он радуется,
Весельем великим он веселится.
А когда на небе все успокоилось,
Когда на земле все уснуть успело,
Хара Зутан, превратившись в разбойника,
Пошел во дворец Абая Гэсэра.

Во дворец он тайно пробрался,
И за черное дело принялся.

Хангайскую, черную стрелу
Он вдоль расщепал,
Оперенье на стреле
Он измял, изорвал,
Боевой, желтый лук
Из семидесяти козьих рогов
Разломал на семьдесят мелких кусков,
Все куски по сторонам разбросал,
Тетиву искромсал.
Державный меч,
Не тупящийся о кости изюбра,
Меч достойнейший, незапятнанный,
Он с обеих сторон зазубрил
И за полог заткнувши спрятал.

Все, что крепкое, он ломает,
Все, что сильное, ослабляет,
Все, что острое, он затупливает,
Снаряжение все перепутывает.

В это время,
О котором речь тут идет,
В это время,
О котором рассказ течет,
Абай Гэсэр благополучен и благодушен,
Дневной охотой слегка утомлен,
Находился у прекрасной Урмай Гоохон.

Самую сладкую пищу вкушая,
Самое крепкое питье попивая,
Самое древнее припоминая,
О дальнем, будущем рассуждая,
Наслаждаясь, они сидели,
А потом уж пошли к постели.
С Урмай Гоохон,
Подобной солнышку, красивой, доброй,
Улеглись они в мягкое, теплое,
Одеялом легким и теплым они оделись,
Друг от друга они согрелись,
Сбросив все одежды и платья,
Заклучили они друг друга в объятия.

Полночь пришла,
А луны на небо не выплыло,
В темном небе ни светлой щелочки,
У каменно-черных ворот как будто скрипнуло,
У буро-каменных ворот как будто щелкнуло.
Тридцать три богатыря
Все вповалку спят,
Триста грозных воевод

Все подряд храпят.
Только собаки, сторожевые, верные,
Тревогу подняли первыми,
Подняли они лай со всех сторон,

Пробудилась от сна Урмай Гоохон.
Прекрасным умом она все поняла,
Живым умом во все углубилась,
Растолкала Гэсэра и подняла,
Опасеньями с ним поделилась:

— Вокруг дворца не чёрта ли трескотня,
В подвалах дворца не дьявола ли возня,
Мой витязь славный, Гэсэр, давай,
Враги во дворце, скорей вставай.
Проснулся Гэсэр, поднялся он,
Не понимает, что это значит,
Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.

Со всей силой и ловкостью рук
Первым делом хватается он за лук,
За хангайскую стрелу он хватается,
Больше прежнего удивляется.
Стрела, упреждающая другие стрелы,
Вместе с луком не уцелела.
Хангайскую первую стрелу
Кто-то вдоль расщепал,
Боевой неизменный лук
Из семидесяти козьих рогов
Разломан на семьдесят кусков,
Тетива у него перерезана,
Все, что острое, все железное,
Все ударяющее загублено,
Все режущее затуплено,
У копья рукоятка изрублена.
За меч державный схватился он,
Под пологом его найдя кое-как.
Меч зазубрен с обеих сторон,
Бесполезно держать в руках.

Себя не помня, врагов кляня,
Гэсэр гнедого зовет коня.
С ногами быстрыми, тонкими,
С копытами крепкими, звонкими.
Конь гнедой Бэльтэн отозвался вмиг,
Конь, как молния, под окном возник.
В юго-западное окно копытом бьет,
Открывает окно, батора ждет.
Он спросить своим ржаньем хочет:
Что за паника среди ночи?
Услышал ли хозяин слухом-бденьем

Далекого ночного врага?
Увидел ли хозяин острым зрением
Близкого ночного врага?

Гэсэр одевается в одно мгновенье,
В окно выскакивает в нетерпении.
Одним движеньем в кромешной мгле
Гэсэр оказывается в седле.
Конь копытами вокруг дворца стучит,
Гэсэр сердито во тьму кричит:
— Если хочешь со мной сразиться,
В щелку прятаться не годится.
Если руки твои не слабы,
Что ж ты прячешься, словно баба?
Если витязь ты хоть немного,
Что ж ты прячешься под порогом?
Перестань по задворкам ползать,
Никакой в этом нету пользы.
Выходи ты в поле просторное,
Где дорога большая, торная,
Где стоит сосна пятиглавая,
Потягаемся там силой-славою.
Крик оглушительный Гэсэр издает,
Как тысяча лосей одновременно ревет,
Крик сотрясающий Гэсэр издает,
Как десять тысяч лосей одновременно ревет.

После этого
За правую сторону повода он потянул,
После этого
Направо гнедого коня своего повернул,
Не выпуская повод из крепких рук.

Сделал по солнцу обширный круг.
Направил коня он в поле просторное,
Где лежит дорога большая, торная,
Чтоб под древней сосной,
Под сосной пятиглавой,
Потягаться с врагом силой-славой.

В это время дьявол Архан
Злотворением обуян,
Под серебряно-золотым дворцом
Без всякой пользы
На четвереньках и на брюхе ползал.
Вылез он из-под дворца, от злости серый,
И лицом к лицу повстречался с Гэсэром.

Теперь черту — куда деваться —
Хочешь — не хочешь, а придется сражаться.

Сошлись они в поле чистом, просторном,
Где дорога лежит большая, торная,

Где растет сосна пятиглавая,
Сошлись они померяться силой-славою.
Оба они могучи,
Оба они сильны,
Словно две черных тучи,
Что грозой прогреметь должны.
Глядя на противника клыкастого, страшного,
Абай Гэсэр у него спрашивает:
— Кто ты,
Мирный сон людей тревожащий,
Кто ты,
От сладкого сна людей будящий,
Ты, что хочешь взять не положивши,
Ты, подобно головешке чадящий?

Архан расправил широченные плечи
И обратился к Гэсэру с наглой речью:
— А ты думал — ребенок малый,
Пришел тебя раздавить-убить?
А ты думал — мальчонка слабый,
Пришел тебя скрутить-удавить?
Абай Гэсэр щеки надул сердито,
Абай Гэсэр спрашивает у бандита:
— Скольких,
Кровожаднейший из чертей,
Задушил ты в колыбельках детей?
Сколько ты болезней по земле распустил,
Скольких ты людей голодом уморил?
Сколько слез ты людям еще припас?
Но сегодня, дьявол, пробьет твой час.

Шей, мощные, огромные,
Как тростинки я свертывал,
Ноги, толстые, словно бревна,
Как травинки выдергивал.

От человека родившийся
Сверхчеловеком не станет,
На земле появившийся
До небес не достанет.
Ребра у тебя костяные, а не железные,
Против кого, чудо-юдо, полезло ты?

После этих слов
Сердце у Архана затрепетало,
После этих слов
Печень у него задрожала,
Колени его подогнулись,
Сухожилия его натянулись.
Во всем его черном теле
Мускулы ослабели.
Но продолжал он храбриться,

Но продолжал он хвалиться:
— Когда начнем с тобой драться,
Не буду я на месте топтаться,
Не буду я мучить руки, ноги и спину,
На землю тебя не кину,
Я тебя,
Начиная с ног, изжую,
Я тебя, начиная с головы, проглочу.

Раскрыло чудовище пасть свою,
Каждый клык подобен копыю-мечу.
Раскрыло чудовище огромный рот,
Проглотить всю вселенную норовит,
Верхними клыками небо скребет,
Нижними клыками землю скоблит.
Два великих могущества сближаются,
Схватка-битва у них начинается.
Наклонили они головы, глазами косят,
Напрягли они ноги, упираясь, стоят.
Надвигаются друг на друга могуче,
Наползают друг на друга, как две тучи.
Зная, что вселенная высока,
Руками свободно взмахивают,
Зная, что земля широка,
Руками до краев размахивают.
Лоб в лоб они упираются,
Руками друг за друга хватаются.
Толстые шеи друг у друга свернуть хотят,
Большие головы друг у друга оторвать норовят.
Сшибаются они, как изюбры,
Бодаются, словно зубры.
Ногами они топчут половину земли,
Воздуху они полнеба вдохнули,
До предела жилы они напрягли,
Сухожилия они до крайности натянули.
Там, где они упираются,
Возникают ямы глубокие,
Там, где они напрягаются,
Возникают овраги широкие.
Высокого неба высоты
До края краев содрогаются,
Широкой земли широты
До глуби глубин сотрясаются.

Мясо друг у друга со спины выдирают,
Мясо друг у друга с груди выгрызают,
Реки крови по земле текут,
Горы мяса вокруг растут.
Задевают борцы друг за друга руками,
Словно камни стучат о камни.
Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной силы они не качаются.
Три дня они бьются,

Семь дней они бьются,
А схватка все не кончается.
Но Абай Гэсэр во время схватки
Сил набирается,
Но Абай Гэсэр во время схватки
Все прямее и тверже становится,
У Гэсэра во время схватки
Ловкости прибавляется,
У Гэсэра во время схватки
Движения убыстряются.
А у черного дьявола сердце затрепетало,
Тело вялым и сонным стало,
Толстая шея его вот-вот согнется,
Лохматая голова его вот-вот оторвется,
Упругая спина его ослабела,
Между ребрами у него заболело,
Гэсэр
Гнет его, как сырое дерево,
Гэсэр
Ломает его, как сухое дерево,
Сун далай — великое море,
Волнуется и дрожит,
Сумбэр уула — священная гора,
Сотрясается, дребезжит.
После этого Гэсэр Архана черного
В оборот берет,
После этого Гэсэр коварного черта
В обхват берет,
Под двумя подмышками крепко жмет,
Как камыш ломает, веревки вьет,
Поднимает вверх и о землю бьет.
О восточную тайгу брякнет,
Восточные небеса сотрясаются,
О западную тайгу брякнет,
Западные небеса содрогаются,
Заставляет Гэсэр Архана козлом кричать,
Заставляет Гэсэр Архана козой верещать.
Кидает Архана Гэсэр батор
На острые скалы, на гребни гор,
В южные горы
Архан ногами упирается,
Северных гор
Архан головой касается.

А душа из черного тела
Навсегда улетела.

Непобедимого врага победив,
Быстрейшего из жеребят обогнав,
Переднее назад заворотив,
Неседланного жеребца оседлав,
Заднее наперед загнув,
Неломаемое сломав,

Непугаемое спугнув,
Абай Гэсэр
До звона в своей богатырской груди радуется,
Абай Гэсэр
До звона в своем богатырском сердце радуется,
Абай Гэсэр
До стопа в своей богатырской груди восторгается,
Вверх поглядит — смеется,
Вниз поглядит — улыбается,
Победителем он зовется,
Удалым прозывается.

После этого
Три слоя почвы срыв,
После этого три слоя земли отрыв,
Архана, черного дьявола, похоронил,
И сверху тяжестью придавил.
На излучине вечного моря,
В середине степного предгорья,
Достигающую небесных сосков текучих
Воздвигает он каменную кучу.
Совершив такое деянье,
Произносит он заклинанье:
— Под тремя слоями земли разрытой
Будешь вечно лежать ты, Архан, убитый.
Ты, дохлая туша, лежи и тухни,
Ты, тухлая туша, лежи и кисни,
К жизни людской не тяни ты руки,
Не мешай ты земной, человеческой жизни.

После этого
Трубку из чистого серебра он берет,
С берцовую кость величиной,
Кисет из черного бархата он берет,
С рукав величиной,
Копну красно-резаного табака
В трубке бережно уминает,
Кресалом, сверкающим, как ледяная река,
Искры-молнии высекает,
Пушистый трут величиной с лося,
Размахивая им, раздувает,
Разгоревшуюся трубку сося,
Дым, как облако, выпускает.

Сидит Гэсэр — трубка в руке,
А дым от нее, как туман по реке,
Так сидит, говорят,
Так дымит, говорят,
О схватке с дьяволом вспоминает.
После этого
Возвратился он, наконец,
В свой серебряно-золотой дворец.
Перво-наперво

Тридцать трех богатырей своих,
Вслед за тем,
Трехсот воевод своих,
А еще вслед за тем —
Трех тысяч оруженосцев своих
К себе зовет;
Хара Зутана зовет четвертым, —
От страха ни живого ни мертвого, —
Собирает он их всех вместе,
Говорит он им всем по чести:
— Что-то вы ленивыми стали,
Чуть Гэсэра своего не проспали!
Тридцать три богатыря,
Триста воевод,
Три тысячи оруженосцев
Великим удивлением удивились,
Великим стыдом устыдились,
Впредь, словами своими медлительными,
Обещают они быть бдительными.

— А ты, Хара Зутан, — говорит Гэсэр, —
Рановато на ноёйское место сел.
Все вооружение мое ты возьми-ка,
Все снаряжение мое собери-ка,
Все колющее собери, все острое,
Все режущее, все сверкающее,
Все черно-желтое, все пестрое,
Все разящее, все стреляющее,
Все, что было до блеска наточено,
Все, что за ночь тобой испорчено,
Отнеси хангинским семи кузнецам,
Отнеси шэнгинским семи кузнецам,
Пусть они горны свои разожгут,
Все исправят, все откуют,
Все вернешь мне в целости сам.

Хара Зутан
Большим удивлением удивился,
Большим стыдом устыдился.
Глаза поднять на Гэсэра не может,
Раскаянье его гложет.
Хотя совесть его черна, а душа его злая.
Гэсэр, когда нужный час настал,
Хорошее вспоминая, плохое не забывая,
Хара Зутану выговаривать стал.

— Разве белые хорошие дела
Мы не вместе делали?
Разве твоя хангайская стрела
Не летала рядом с моими стрелами?
Не под одной ли крышей мы часто жили,
Крепким словом сказанным дорожили?
Будем судиться не по словам,

А будем судиться мы по делам.
Возьмем в свидетели нашего отца,
Эсэгэ-батюшку, мудреца и творца,
Предначертанное им возьмем за закон,
Пусть тебя судит не я, а он.
Давай обратимся к бурханам-небожителям,
Спросим у них: «Рассудите нас и скажите,
Мирно ли мы разойтись должны,
Вместе ли мы и дальше жить должны,
Или мы сразиться с Хара Зутаном должны,
Или мы наказать его должны?»

Хара Зутан, от испуга серый,
Начал ползать у ног Гэсэра.
Ползает, корчится, извивается,
Стонет, плачется, извиняется,
Всячески себя умаляет,
Гэсэра всячески умоляет.
— Отныне не буду я поступать по чужим словам,
Отныне буду я себе хозяином сам,
Ты меня не вини, мой племянник и внук,
Не сумел я уйти из дьявольских рук,
Это все Архана-дьявола каверзы,
Обойти бы его надо за версту,
А я, старый плут и дурак...
Обманул меня глупого, хитрый враг,
Но теперь-то уж я примерным буду,
Твоей справедливости не забуду.
Будем мы друг друга любить-уважать,
Будем мы жить да добра наживать.

Абай Гэсэр по своей доброте
Выслушал слова покаянные те.
— Ладно,— сказал он,—
Прежнее за оплошность примем.
Грязное, черное за беспечность примем,
Впредь с врагами осторожными будем.
Настороженными, чуткими будем.
Чуткостью уха

дальнего врага выслушивать будем,
Зоркостью глаза
близкого врага высматривать будем,
Трезвостью разума
Замышляющего врага распознавать будем.
Если на кочку ногой не наступить,
Откуда муть в роднике возьмется?
Если черной мысли не заронить,
Откуда черное дело возьмется?
Если черного дела не совершить,
За что же боги сердиться будут?
Если по кривой тропе не ходить,
Откуда взяться греху и блуду?
Тридцать три богатыря,

Триста воевод,
Три тысячи оруженосцев
Раскрыли уши,
Правдивое слово,
Справедливое слово
Они внимательно слушают.
Разумно-ясному дружно внимают,
Торжественно-прекрасное постигают.

Но Гэсэру они высказывают,
Что надо бы Хара Зутана наказывать
За то, что с чертом он спутался,
В ущерб народу и родной стороне,
Привязать его крепкими путами
К толстой красной сосне,
Привязать его ремнями кожаными,
Содрать с него, изменника, кожу.
У шубы теплый воротник должен быть,
У люда старший богатырь должен быть.
Шубу мы узнаем по ее теплости,
Старшего мы узнаем по его строгости.

Ты, Гэсэр,
Белоголовому отцу-батюшке помолись,
Ты, Гэсэр,
Седовласой матери-матушке поклонись,
Пусть черные дела Хара Зутана пред ними предстанут,
Пусть их правдивые слова мерой станут.

Но Абай Гэсэр наказывать дядю не стал,
Только клятву с него при народе взял,
Чтобы вел он себя впредь не разбойно,
Чтобы вел он себя впредь достойно.

Хара Зутан
Большим удивлением удивился,
Хара Зутан
Большим стыдом устыдился,
Клятву дав, домой удалился.
Совершив этот суд милосердный свой,
Абай Гэсэр отправился на покой.
Прямой дорогой направился он,
К любимой жене Урмай Гоохон.

Урмай Гоохон
Серебряный стол накрывает,
Сладко-вкусную еду расставляет,
Урмай Гоохон
Золотой стол накрывает,
Сладко-крепкое питье разливает,
Угощает его и потчует,
Угодить ему всячески хочет.
Абай Гэсэр неторопливо вкушает,

Абай Гэсэр неговорливо внушает:
— Жестокого врага победив,
Беспечности предаваться не следует,
Великого врага победив,
Хвалиться этим не следует.
Так,
С женой, похожей на красное солнышко,
Так,
Выпивая питье до донышка,
Говорят они,
Пока сметана на чистой воде не настоится,
Сидят они,
Пока трава на голом камне не уродится.
Однако,
С наступлением вечера
Берет он Урмай Гоохон за плечи,
И ведет ее на постель мягкую,
Под теплое легкое одеяло,
Сейчас они вместе лягут,
Благо, что ночь настала.

Пожелаем ему сна спокойного,
Пробужденья утром достойного,
Пусть узлы он все пораспутывает,
Пусть удача ему сопутствует,
Пусть земля его будет щедрой,
Пусть судьба его будет светлой,
На родной земле, под его рукой,
Пусть вернутся к людям мир и покой.

ВЕТВЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О ПОБЕДЕ ГЭСЭРА НАД ГАЛ НУРМАН ХАНОМ

Девять ветвей у дерева,
Каждая листвою повита,
Девять сказаний древних,
В каждом сказанье битва.

В выдру, что ценнее всех зверей,
Почему не пустить стрелу?
Великому роду богатырей
Почему не воздать хвалу?

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

На груди золотой земли,
С вечной жизненной благодатью,
На холмах Улгэн-земли
С исполнением всех желаний,
С многотысячными табунами-стадами,
Вверх по пастбищам поднимающимися,
С бесчисленными конями-быками,
Вниз по пастбищам спускающимися,
В день три раза питающийся,
Трижды в год наслаждающийся,
Себе на благо, другим не во вред,
Жил, говорят, хан Ганга Бурэд.
До того, как пришли обиды,
До того, как пришли напасти,
Люди там горя не видели,
Все были довольны и счастливы.
Богатая жизнь была привольна,
Сытой жизнью были все довольны.
Простор был сушью не высушен,
Народ был ветром не выветрен.
Травы зеленые переливались,
Травы тучные колыхались,
Реки в зелени извивались,

Серебром они изливались.
Но внезапно начали травы сохнуть,
А быки и лошади началидохнуть,
Реки начали от истоков мелеть,
Солнце начало от восхода тускнеть,
С неба ни дождинки не капало,
Все живое захирело, ослабло.
Распространились холод, голод и тьма,
Распространились язва, оспа, чума,
Распространились распри, слезы и кровь,
Забыли люди жалость, любовь,
Северные народы
Десятками тысяч гибнут,
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут,
Гибнут люди ночью, гибнут и днем,
Охватило землю черным огнем.
Хан Ганга Бурэд с несчастьями не смирился,
Но не знает, что бы все это значило,
Большим удивлением он удивился,
Большой задачей он озадачился,
Может быть батюшка небо-отец
Все эти несчастья на землю послал?
Может быть, по воле матери-земли
Мрак на землю спустился?

Большую думу он думать стал,
Сердцем каменным он ожесточился.
В золотой бубен он бьет,
Северных людей собирает,
В серебряный бубен он бьет,
Южных людей призывает.

Северные народы
Спереди бело-звездного дворца,
В поднебесьи сияющего,
Собравшись, волнуются-шумят,
Южные народы
Сзади квадратно-белого дворца,
В поднебесье светящегося,
Собравшись, волнуются-галдят,
Слепых-косых людей поводыри приводят,
Хромых-безногих людей на руках приносят.

Хан Ганга Бурэд,
Что был народам вместо отца,
Выходит из своего дворца.

Бело-звездный дворец — на девять углов,
Двери во дворце — на девять сторон,
В квадратно-белом дворце
Девяносто девять окон.
Перламутровую хангайскую дверь

Хан величественно открывает,
Через мраморный хангайский порог,
Не обронив ни соринки с ног,
Хан медлительно переступает,
Выходит он на верхнюю ступеньку крыльца
Такой ширины, что годится
Бегать там с жеребеночком кобылице,
Перешагивает он на нижнюю ступеньку крыльца
Такой ширины,
Что пасти бы там резвые табуны.

Северных и южных людей он приветствует,
Всем собравшимся он поклоняется,
Ко всем, вокруг столпившимся тесно,
С такими словами он обращается:
— То не батюшка небо-отец
Своим проклятием нас проклинает,
То не сама земля-матушка
Бедствия на нас насылает.
Истоки бедствий, истоки проклятий
На краю Хонин Хото должны искать мы —
В стране,
Где все деревья с корнями выдернуты,
В стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в стране бесплодной,
В стране бесславной, в стране бестравной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где ветер, в стране, где туман,
Появился дьявол Гал Нурман.
На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола — особенный глаз.
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Из рта торчит единственный клык,
Две руки у дьявола — сокрушители царств,
Две ноги у дьявола — топтатели царств,
В распоряжении у дьявола — десять тысяч коварств.
Превращений три тысячи,
Разрушений тридцать три тысячи,
Жар напускает он выжигающий,
Пожар напускает он пожирающий,
Этот дьявол Гал Нурман, чудовище и злодей,
Губит наши земли, скот и людей,
Богатая наша жизнь стала бедной,
Жирная наша жизнь стала скудной.
За что ни схватятся люди — вредно,
За что ни возьмутся люди — трудно.

Болезни, о которых никто не слышал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не знал,
Стада косят,

Люди плачут и голосят,
Где травы цвели, там пепел лежит,
Где деревья росли, там зола лежит.
Окутали землю тьма и туман,
Вот что наделал Гал Нурман.
Давайте, люди, держать совет,
Как нам избавиться от этих бед...

Вверх посмотрит хан — опечалится,
Вниз посмотрит хан — затоскует,
А люди стоят в молчании,
Пребывая в немой печали.

Но тут появился седой старичок,
Сморщенный, как сморчок,
У длинноногих людей меж ног проскользающий,
У низкорослых людей под мышкой пробегающий.
Сам он ростом в шесть четвертей
И борода его клочьями в шесть четвертей,
Волосы у него сквозь шапку наружу проросли,
Ногти у него сквозь рукавицы наружу проросли,
Похож он был на корешок из земли.
Вышел седой старичок-недоросточек,
Опирающийся на камышовую тросточку,

Встал старичок перед ханом суровым
И вымолвил верное слово:

— Слушайте, вы,
Когда пить-есть зовут, вперед вылезавшие,
Слушайте, вы,
Когда на суд зовут, назад убегающие,
То не батюшка небо-отец
Своим проклятием нас проклинает,
То не сама земля-матушка
Бедствия на нас насылает.

Это Гал Нурман,
Из шен Атай Улаана возникший,
Черный дьявол и хан
Себя хозяином возомнивший,
На всю вселенную обозлившийся,
На нас, добрых людей, ополчившийся,
Жаром
Все цветущее на земле иссушающий,
Пожаром
Все сущее на земле пожирающий,
Этот дьявол — причина всех наших бедствий,
Но уже народился для решительных действий
Богатырь, который нас всех спасет,
Батор, который дьяволу гибель несет.
По решению божественного совета,
Спущен он к нам, на землю эту.

Спокойствие земле возвратить спустившийся,
Порядок и счастье на земле установить спустившийся,
От пятикнижного бурхана с указанием спустившийся,
От пятидесяти пяти небесных долин с порученьем спустившийся,
Всех злых врагов победить спустившийся,
Всех добрых людей оделить спустившийся,
Абай Гэсэр хубуун
На помощь нам небесами дан.
Вечное море Манзан
Простым водопоем он сделал,
Великую долину Моорэн
Обыкновенным пастбищем сделал,
У истоков великой реки Хатан,
Говорят, проживает великий хан.
За тремя долинами, за тремя горами
Живет, говорят, он с тремя дядьями.
Богатырей у него —
Тридцать три,
Военачальников у него
Три сотни,
Оруженосцев у него —
Три тысячи.
Вот кто дьяволу гибель несет,
Вот кто нас от бедствий спасет.

Ганга Бурэд хан
Старикашечку выслушал.
Ганга Бурэд хан
На крыльцо широкое вышел.
— Горы стоят высокие,
Реки текут широкие,
Долы лежат далекие.
Где найдется такой скакун,
Где найдется такой ездок,
Чтоб в течение нескольких лун
Доскакать до Гэсэра мог,
Чтоб доставил от нас он Гэсэру весть,
Рассказал бы о нас все Гэсэру, как есть?

Старичок,
У длинноногих людей меж ног проскользающий,
Старичок,
У низкорослых людей под мышкой пробегающий,
Ростом в шесть четвертей,
С бородашкой в шесть четвертей,
С волосами,
Сквозь шапку наружу проросшими,
С ногтями,
Сквозь рукавицы наружу проросшими,
Седенький старичок-недоросточек,
Опирающийся на камышовую тросточку,
Стоит перед ханом суровым,
Говорит свое верное слово:

— От тепла бесчисленных очагов,
От дыма бесчисленнейших юрт,
Пусть тысячу опытных ездоков
Умело и тщательно отберут,
Из этой тысячи на местах,
Сто искусных ездоков выделите,
Из этих выделенных ста
Десять наискуснейших выберите.
Среди этих искуснейших десяти
Постарайтесь одного ездока найти,
Который через все преграды и страны
Доскачет до Абай Гэсэра хубууна.
Затем из бесчисленных табунов
Тысячу коней внимательно отберите,
От тысячи отобранных скакунов
Сто наиотборнейших отделите,
Из этих ста отберите десять,
Среди десяти найдется такой скакун,
Который через все долины и веси
Домчится до Гэсэра за несколько лун.

Таким-то способом
Из бесчисленнейших людей
Был отобран Зоодой Мэргэн батор.
А из бесчисленнейших лошадей —
Чубарый скакун по кличке Шодон,
Короткохвост, пятнист, неказист,
Да зато на скаку резв и скор.

Так,
В середине земли живущий
Ганга Бурэд хан
Зоодой Мэргэн батора
На чубаром коне короткохвостом
В путь-дорогу дальнюю снарядил,
Всем необходимым в достатке снабдил.
Ведь горы, — думал он, — стоят высокие,
А реки, — знал он, — текут широкие,
А долины, — верил он, — лежат далекие.
Сто двадцать вьюков для гонца навьючил он,
Двенадцать ему провожатых назначил он.
Затем Зоодой Мэргэн батор
/А его баторм стали звать с тех пор/,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром смазал.
После этого Зоодой Мэргэн батор
На короткохвостого коня садится,
В сторону страны Гэсэра коня поворачивает,
Повод ослабит —
Конь, как молния, мчится,

Конь рысдой трусит,
Когда повод он укорачивает.
Чуть направо коня повернул он —
Тринадцать долин под конем промелькнуло.
Чуть налево коня направляет —
Двадцать три перевала под ним пролетает.
Жаворонок вьется — начало лета,
Едет Зоодой легко одетый,
Шелковый халат он распахивает,
Шелковой плеточкой он помахивает,
Сорока стрекочет — зима начинается,
В лисьей шапке Зоодой в седле качается.
Тридцатилетний путь он
За три года проскакивает,
Трехлетний путь он
За три месяца проскакивает,
Трехмесячный путь он
До трех дней укрощает,
Трехдневный путь он
До трех часов сокращает.

Едет месяцы он, едет недели,
Приближается к дальней цели.
Коня он кормит травами лишь росистыми,
Коня он поит водами самыми чистыми,
Коня он кормит травами, лишь верхушками,
Коня он поит родниками самыми лучшими.

А сто двадцать навьюченных лошадей
И двенадцать сопровождающих людей
Всех по одному он назад домой отправил,
Никого себе в помощники не оставил.
Доскакал он до вечного моря Манзан,
Доскакал он до великой долины Моорэн,
Доскакал он до желтой реки Хатан,
Доскакал он до голой сопки, где песок до колен.

Поднялся гонец на вершину сопки,
Перед глазами дворец поднебесно высокий,
Тот дворец, которого он искал,
Звездной россыпью засверкал,
Лунно-солнечно засиял,
Глубиной своей зазиял.

На скалистую землю Улгэн
Дворец основанием своим опирается,
Небесно-воздушных сфер
Дворец верхами своими касается,
Если сверху вниз на него посмотреть,
Словно звезды в небе мерцают,
Если снизу вверх на него посмотреть,
Словно кометы летят-мелькают.
Выбранный от дыма бесчисленных очагов,

Избранный из тысячи опытных ездоков,
Зоодой Мэргэн сияющий дворец созерцает,
С коня чубарого короткохвостого слезает,
Седло и потник с него снимает,
Из потника с шелковой каймой пыль выбивает.
Серо-красный костер,
Дымно-яркий костер
На вершине горы разжигает,
На колени становится,
Руки к дворцу простер,
Голову в молитве склоняет.

В это время проснулся Абай Гэсэр,
Вышел из дворца, вокруг посмотрел,
Юную землю свою он трижды насквозь проглядывает,
Молодые просторы свои он четырежды вокруг оглядывает,
И видит, что у великого моря Манзан,
В начале великой долины Моорэн,
Около желтой реки Хатан,
На голой сопке, где песок до колен,
Словно там на сопке огонек горит,
Словно около огонька человечек стоит,
Разжег человечек серо-красный костер,
На колени встал, руки простер,
То распрямляется человечек, то складывается,
Он дворцу постоянно кланяется.

В полуночную эту пору
Кричит Абай Гэсэр
Буйдан Улаан батору:
— Вставай, — кричит, — перестань храпеть,
Что это за костер там может гореть?
Кто это у великого моря Манзан,
В начале великой долины Моорэн,
На берегу желтой реки Хатан,
На голой вершине, где песок до колен,
Кто это развел там костер,
Кто это руки к нам простер?
Кто это там, то распрямляется, то сгибается,
Кто это нам до земли поклоняется?
Ты коня из конюшни выведи,
Ты намерения человечка выведай.

Если человечек тот плохой и злой,
Отруби ему голову с плеч долой,
Голову к его же седлу приторочь,
Хлестни коня, прогони его прочь,
Пусть он скачет назад, к себе домой,
Так поступи, если человечек тот злой.

Если же пришел он с намерениями добрыми,
И окажется он хорошим воином,
Распроси его обо всем подробно

И приветствуй его достойно.
В его же седле, на его же коне
Приведи ты гостя ко мне.
Буйдан Улаан батор
Без промедленья взялся за дело,
Собрался он скоро,
Приготовился он умело,
Серебром отделанный панцирь свой
На грудь и плечи он надевает,
Серебром блистающий шлем боевой
На лоб надвигает,
Коня, скребущего землю ногой,
Из конюшни выводит и седлает,
В серебряные стремяна ноги вдел,
В серебряное седло плотно сел.

Скачет он к верховьям долины Моорэн,
Скачет он к изгибам реки Хатан,
Стелется рысью, как сохатый в чаще,
Летит, как беркут крыльями машет.
Летит он к вершине песчаной горы,
Где яркий огонь в темноте горит,
А Зоодой Мэргэн, молящийся возле костра,
Услышав тонкий приближающийся свист,
Подумал, что выпущена в него стрела,
Упал в испуге лицом он вниз,
Руками голову загородив,
Лежит неподвижно ни мертв ни жив.
Буйдан Улаан батор
К человечку лежащему приближается,
Не видевший подобного до сих пор,
Удивленьем великим удивляется.

— Ты, валяющийся около подошвы моей,
Ты, обретающийся около пятки моей,
Чей ты сын? Откуда ты взялся?
На вершине горы ты зачем оказался?

Чтобы в чувство привести и вернуть дар речи,
Соболиным рукавом по щекам его хлещет,
Поднимает с земли его с чувством добрым,
Внимает рассказу его подробно.

— На груди золотой земли
С вечной жизненной благодатью,
На холмах Улгэн-земли
С исполнением всех желаний,
С многотысячными табунами-стадами,
Вверх по пастбищам поднимающимися,
С бесчисленными конями-быками,
Вниз по пастбищам спускающимися,
В день три раза питающийся,
Трижды в год наслаждающийся,
Себе на благо, другим не во вред,

Живет наш хан Ганга Бурэд.
До того, как пришли обиды,
До того, как пришли напасти,
Люди там горя не видели,
Все были довольны и счастливы.
Богатая жизнь была привольна,
Сытой жизнью были все довольны.
Простор был сушью не высушен,
Народ был ветром не выветрен.
Но внезапно травы начали сохнуть,
А быки и лошади сталидохнуть,
Реки начали от истоков мелеть,
Солнце начало от восхода тускнеть,
С неба ни дождевки не капало,
Все живое захирело, ослабло.
Распространились холод, голод и тьма,
Распространились язва, оспа, чума,
Распространились распри, слезы и кровь,
Забыли люди жалость, любовь.
Истоки бедствий мы обнаружили,
Пришли они к нам снаружи,
Из страны,
Где все деревья с корнем повывернуты,
Из страны,
Где все наизнанку вывернуто,
Из страны холодной, страны голодной,
Из страны бестравной, страны бесправной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.

В той стране, где ветер, в стране, где тьма,
Появился дьявол Гал Нурман.

На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола — особенный глаз,
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Из рта торчит единственный клык.

Жар напускает дьявол выжигающий,
Пожар напускает дьявол пожирающий.
Северные народы
Десятками тысяч гибнут,
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут,
Болезни и людей и скот косят,
Люди плачут и голосят.
Послан я,
Выбранный от дыма бесчисленных очагов,
Послан я,
Избранный из тысячи ездоков,
Послан я
От народа бедного, многоликого,
Послан я

К Абай Гэсэру великому
Рассказать ему о народных бедствиях,
Умолять его об ответных действиях.
Чтобы нас, людей, ставших хилыми,
Чтобы нас, людей, ставших дряблыми,
Он избавил от злобного, хитрого,
От жестокого, черного дьявола.

Буйдан Улаан батор
Зоодой Мэргэна выслушал,
Терпеливо молчавший до сих пор,
Ему слово приветное высказал:
— Пока годы-лета еще длинные,
Многочисленны пока дни и ночи,
Разомнем в борьбе руки сильные,
Разогнем в войне спины мощные.
Погаси костер красно-серый,
Мы поедем с тобой к Гэсэру.

Он в седельце его сажает,
Во дворец его приглашает.

Выбранный
От дыма бесчисленных очагов,
Избранный
Из тысячи опытных ездовых,
Посланный
От народа бедного, многоликого,
Подъезжает Зоодой Мэргэн ко дворцу великому.

В золотые сверкающие ворота он въезжает,
С коня короткохвостого он слезает,
Привязывает к серебряно-бисерной коновязи,
Действует он достойно и без боязни,
Коня своего чубарого расседывает,
Шелковый потник отряхнув, на земле расстеливает.
На расстеленный потник на колено встает,
Молиться начинает, поклоны кладет.

В это время
Буйдан Улаан батор
К Абай Гэсэру в покои вошел.
Тридцать три батора
Длинный ковер расстилают,
Тридцать три батора
Зоодоя Мэргэна приглашают-встречают.

Зоодой Мэргэн по ковру неторопливо идет,
Тридцати трем баторам руку для приветствия подает,
В рукопожатии добром и честном
Руки они крепко соединяют,
Словами красивыми, интересными

Разговор начинают.
Угощенья и вина гостю подносят,
В белый дом зайти просят,
Белую овцу для гостя закалывают,
Угощенья и вина навстречу выносят,
В черный дом зайти просят,
Черную овцу для гостя закалывают.

Абай Гэсэр в это время
Достойно восседает,
Имеющей власть красивой рукой
Праматеринскую книгу листает.
Листает он ее при свете луны,
Все буквы в книге ему видны.

Абай Гэсэр в это время
Озабоченно восседает,
Имеющей силу белой рукой
Праотцовскую книгу листает.
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая буква на примете.

А тридцати трем баторам могучим
От приезда Зоодоя Мэргэна радостно,
Жить без схваток им скучно,
Жить без битвы им тягостно.
Пока годы-лета еще длинные,
Многочисленны пока дни и ночи,
Разомнем, говорят, руки сильные,
Разогнем, говорят, спины мощные.
Они гостя, помощи чающего,
Всячески ободряют
И к Гэсэру, книгу листающему,
Поскорее впускают.

Выбранный
От дыма бесчисленных очагов,
Избранный
Из тысячи опытных ездовых,
Посланный
От народа бедного, многоликого,
Подошел гонец к Гэсэру великому.

От Ганга Бурэд хана
Узелки он с дарами развязывает,
Что народу бедному надо,
Он подробно Гэсэру рассказывает,
Гэсэра заступником и защитником называет,
При этом кланяться не забывает.
Абай Гэсэр хубуун
Достойно восседающий,
Народный заступник-батор

Прародительскую книгу листающий,
— Да,— говорит,— знаю я вас,
Живущих в середине земли,
И Ганга Бурэд хана
И весь подвластный хану народ,
Мой отец досточтимейший Хан Хурмас
Под свое покровительство вас берет.

Услышав это, Зоодой Мэргэн
Уж радоваться начинает,
Но Абай Гэсэр говорить продолжает:
— Да, покровительствует вашему хану
Мой великий отец Хан Хурмас.
Но избавить вас от Гал Нурмана
Не настал еще час.
Буду я биться с черным дьяволом
Через девять лет,
А пока руки мои еще слабы,
Сил для этого и половины нет.
Преодолеть мне пока не удастся,
Все, чем обладает мохнатая его голова:
Две тысячи двадцать два коварства,
Три тысячи тридцать три волшебства.
Сила двух его рук
Восьми поднебесным силам равна.
Сила двух его ног
Восьми преисподним силам равна.

С шестьюдесятью шестью он баторами,
С шестьюстами он военачальниками,
С шестью тысячами оруженосцев.
Раньше времени он непобедим,
Раньше срока — непоборим.
Гал Нурман был уже в облике мужа,
А я сидел в пеленках и в луже,
Он уже воюет и скачет,
А я еще сопливый и плачу,
Конь его —
Хоть небожителям подавай великим,
А мой Бэлыгэн жеребеночком взбрыкивает,
Раньше чем через девять лет
Сразиться с ним возможности нет.
Преодолеть мне пока не удастся
Все, чем обладает мохнатая его голова:
Две тысячи двадцать два коварства,
Три тысячи тридцать три волшебства.
А ты возвращайся к воде,
Которой в детстве напился,
А ты отправляйся к земле,
Где на свет появился.

Полосатый детеныш-тигренок
Без матери сиротеет,

Человек, хоть батор, хоть ребенок,
Без родины обеднеет.

Золотые столы накрыли,
Вкусные яства расставили,
Серебряные столы накрыли,
Крепкие напитки расставили,
Арзу и хорзу подносят,
Всего попробовать просят.
Выбранного и присланного от народа
Царственно угощают,
Прощаются с ним у порога,
Благополучной дороги желают.

Но как только вышел Зоодой из дворца,
Окружили его тридцать три батора-бойца.
— Отправляешься ты, как мы видим, в дорогу,
Но обещал ли Абай Гэсэр подмогу?

Отвечает Зоодой простосердечно:
— Что же, время ведь быстротечно.
Девять лет мы еще победствуем,
Девять лет мы еще помучаемся,
Не пришло еще время действовать
Абай Гэсэру могучему.

Когда все это баторы услышали,
Из себя от волнения вышли.
Серца их затрепетали,
Мышцы их задрожали,
Суровые тела их напряжились,
Натянулись их сухожилия.

— Как же так? Божественный Хан Хурмас
Под своим покровительством держит вас,
Как же после этого вам не помочь?
Зачем же воду в ступе толочь?
Это очень нам не привычно,
Иди-ка ты к Гэсэру вторично.

Послушался Зоодой и к Гэсэру пошел,
Но нового во дворце ничего не нашел.

Тогда баторы — к молодцу молодец
Сами толпой ворвались во дворец,
Перед Абаем Гэсэром они предстали,
Упрекать великого предводителя стали:
— Пока годы-лета еще длинные,
Многочисленны пока дни и ночи,
Разогнем, — говорят, — руки сильные,
Разогнем, — говорят, — спины мощные.
Уж давно не дрались мы с дьяволом,
Уж давно не дрались мы с хитрым,

Наши мускулы стали дряблыми,
Сухожилия стали хилыми,
Все мечи у нас заржавели,
От безделья мы отупели.
Наши луки уже не гнутся,
Наши стрелы в цель не впиваются,
Наши кони мирно пасутся,
По зеленой траве катаются.
А ведь мы еще все не слабы,
Мы ведь воины, а не бабы.

Тут Абай Гэсэр глянул грозно,
Словно молния заблестала,
Задрожал во вселенной воздух,
Закачались дальние скалы,
Тридцать трех баторов от ханского стула
В широкие двери как ветром сдуло.

После этого,
Буйдан Улаан батор,
Что Зоодоя-гонца во дворец привел,
Что его на горе, там, выслушал,
Из дворца рассерженным вышел.
Он коня оседлал,
Он в дорогу собрался,
В дальний путь поскакал,
В долине белой оказался,

А это там, где жил-поживал
Имеющий скакуна слоново-солового,
Имеющий белую седую голову
С белым желанием, с мыслями белыми,
С дорогами светлыми, облачно-белыми,
Имеющий белые свитки с законами,
Мудростью долгих лет умудренными,
Чтимый со всех четырех сторон
Дядя Гэсэра Саргал Ноён.

Дорогой длинною утомленный,
Сказал Буйдан Саргалу Ноёну:
— Если Абай Гэсэр
Гал Нурману руки ремнем не свяжет,
Гал Нурману ноги ремнем не свяжет,
К седлу его не привьючит,
Уму-разуму не научит,
Вниз лицом на землю его не свалит,
Вниз затылком на камни его не свалит,
Гору на него не взгромоздит,
Кости его черные не раздробит,
Сами будем сражаться с дьяволом,
Сами будем сражаться с хитрым,
Или мы такие уж слабые,
Или мы такие уж хилые?

Богатырский род не ославим,
Бедный люд в беде не оставим.

Если ж дьяволу поддадимся,
Никуда, значит, мы не годимся.

Саргал Ноен не промедлил ни дня,
Слоново-солового оседлал коня,
Он коня на бело-облачную дорогу выводит,
Конь копытами бьет, несется,
Море белое ходуном ходит,
Реки плещутся, земля трясется,
Скачет Саргал Ноен по важному делу
К золотому дворцу Абай Гэсэра.

В золотые, сверкающие ворота он въезжает,
Со слоново-солового коня он слезает,
Привязывает он коня к серебряно-бисерной коновязи,
Делает он все достойно и без боязни.

Абай Гэсэр
Посещением дяди чрезвычайно польщен.
Десять золотых свечей зажигает он,
Десять серебряных свечей зажигает,
Дядю своего гостеприимно встречает.
Он навстречу Саргал Ноену идет,
Руку для приветствия подает,
Друг на друга любовно глядя,
Обнялись они, племянник и дядя.

Абай Гэсэр угощенья гостю подносит,
В белый дом зайти его просит,
Белую овцу для гостя закалывает.

Абай Гэсэр напитки гостю подносит,
В черный дом зайти его просит,
Черную овцу для гостя закалывает.

Золотой стол накрывают,
Вкусную пищу на него ставят,
Серебряный стол накрывают,
Редчайшую пищу на него ставят,
А к концу обильнейшего обеда
Начинают медлительную беседу.

Каждый многое знает,
По очереди говорит каждый,
О старом повспоминают,
О новом расскажут,
То, что прежде древнего произошло, выясняют,
То, что позже нового произошло, объясняют.
Разбирают мало-помалу,

Когда земля землей,
Когда вода водой стала,
Когда время из вечной вечности,
Как река, лишь брало начало,
Когда части из цельной цельности
Возникали мало-помалу.

Так говорят они,
Пока на чистой воде сметана не настоится,
Так беседуют они,
Пока на голом камне трава не уродится.
Но потом Саргал Ноен смело
Переходит к главному делу.

Трубкой дымя, подобно туману,
Напоминает он Абай Гэсэру хубууну:
«На землю от пятидесяти пяти небесных долин
Ты спустился,
С указанием из пяти священных книг
Ты спустился,
Превратить вечность в единый миг
Ты спустился,
С заданьем благополучие возвратить
Ты спустился,
С заданьем порядок восстановить,
Ты спустился,
С желаньем веселие возродить,
Ты спустился,
С мечтаньем всю нечисть истребить,
Ты спустился,
С надеждой успокоить людей земных,
Ты спустился,
С решением счастливыми сделать их,
Ты спустился,
С мудростью для семидесяти мудрецов,
Ты спустился,
С основой для семидесяти языков,
Ты спустился,
От черных замыслов злых врагов
Державно-булатный меч ты имеешь,
От нападения злостно-черных врагов
Сделанный из семидесяти козьих рогов
Сокрушающе-желтый лук ты имеешь,
Если выпустишь ты свою стрелу в цель,
Никто от нее не останется цел.

Если сидеть и ждать, пока девять лет пройдет,
Все люди погибнут, весь народ перемрет,
Жаром
Гал Нурман землю всю иссушает,
Пожаром
Все живое на земле он пожирает.

Должен ты тех людей защитить-спасти,
Чтоб могли они мирно свой скот пасти,
Чтоб могли они опять веселиться,
Чтоб смогли они опять расплодиться,
Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться».

Так Саргал Ноен говорил умело,
Что в Гэсэре кровь закипела.
Его сердце он размягчил,
Его душу разгорячил.
— Гей, вы,— крикнул Гэсэр,— э, гей!
Для похода готовь коней!
С Гал Нурманом мы биться будем,
Чтобы счастье вернулось к людям.
Все оборванное пришейте,
Все разошедшееся прибейте,
Все развязанное свяжите,
Все раскрученное скрутите,
Все ослабшее укрепите,
Затупившееся заострите.
Припасите все, что понадобится.
Тридцать три богатыря,
Триста военачальников,
Три тысячи оруженосцев
Слушают, радуются.
За праведное дело станем,
Богатырский род прославим,
Бедный люд в беде не оставим!
Приказанье Гэсэр словно выстрелил:
«Через трое суток чтобы выступить!»
Отложил он всю заботу домашнюю,
Стал готовиться он на битву страшную.

Приказал Гэсэр первым делом
Привести гнедого, под цвет огня,
С гладкой шерстью и крепким телом,
Бэльгэна — любимейшего коня,
С ногами тонкими,
С костями звонкими,
С сухожилиями упругими,
С копытами круглыми.

Потник шелковый по спине коня Гэсэр расстилает,
Седлом из якутского серебра коня седлает.
Складчато-серебряный надхвостник,
Чтобы седло вперед не сползало,
Через круп перебрасывает,
Пластинчато-серебряный надгрудник,
Чтобы седло назад не сползало,
Через грудь перетягивает,
Подпругу застегивает,
Подпругу прилаживает,

По крупу коня похлопывает,
По крутой шее коня поглаживает.
Повод за луку седла привязывает,
Красное кнутовище за подушку седла затыкает,
Так коня он в путь собирает.
Мнется гнедой, серебром рябя...
Теперь остается приготовить себя.

Прежде всего
Своим тридцати трем баторам
Для своих богатырских рук
Приказал приготовить боевой свой лук.
— Мой лук,— говорит,— возьмите,
Семьдесятю быками на семидесяти пнях согните,
Тетиву на него натяните.

Семьдесят быков богатыри запрягли
На семидесяти пнях лук согнуть,
Однако на тех пнях тетиву натянуть
Не смогли.
Семьдесят пней,
На которых они лук сгибали,
С корнями из земли повывлетали.

Трудились богатыри отчаянно,
Несут они лук хозяину.
Гэсэр на колени лук положил,
Двумя пальцами тетиву защебил,
Легко свой несгибаемый лук согнул,
Легко ненатягиваемую тетиву натянул,
Звучно щелкнул натянутой тетивой, говорят,
И, довольный, после этого сказал, говорят:
— Если летом им пользоваться,
Очень хороший лук,
Если зимой им пользоваться,
Незаменимый лук.

После этого
Сшитые из семидесяти лосиных кож
Замшевые черные штаны
Он натягивает,
Целиком сшитые из тюленьих кож
Облегающие унты
Ступнями растягивает,
Ярко-шелковую накидку-дэгэл
На плечи накидывает,
Семьдесят медных пуговиц и крючков
Ловкими пальцами своими застегивает,
Сплошной серебряно-золотой кушак
Вокруг себя опоясывает,
Его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает.
И оделся Гэсэр и обулся,

Перед зеркалом так повернулся,
Перед зеркалом сяк огляделся,
Хорошо ли он обулся-оделся.

После этого
Под семидневным непрерывным дождем
Ни разу еще не промокшие,
Семьюдесятью острыми стрелами
Ни разу еще не пробитые
Угольно-черные доспехи
На спине у себя закрепляет,
На груди у себя укрепляет.
Саблю булатную в серебряных ножнах
На левое бедро нацепляет,
Нож булатный в золотых ножнах
На правое бедро нацепляет.
После этого
Серебряный, длинный,
Величиной с речную долину
Боевой колчан на левый бок прицепил.

После этого
Девяносто пять стрел
За плечами у себя веером укрепил,
Так что в холод от них теплее будет,
А в жару от них тенистее будет.
В руки взял он кремнево-сапфировый щит,
Словно солнце сверкает, как гора стоит,
Как гора стоит, как дуб шелестит,
Похожую на копну травы
Соболиную шапку на себя надевает,
Похожую на пучок травы
Кисточку на шапке поправляет.

После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром намазал,
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром смазал.

После этого,
Величественным движеньем
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
На улицу он выходит теперь,
Неторопливыми движениями,
Не уронив ни пылинки с ног,
Переступает мраморный хангайский порог,
Медленными движениями, без суеты,
По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где с восьмьюдесятью восьмью украшениями,

С восьмьюдесятью восьмью драгоценными вкраплениями
Стоит серебряно-золотая коновязь.
К коновязи он идет с серебряного крыльца,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца,
Ноги свои в серебряные стремяна он вдел,
В седло из якутского серебра он плотно сел,
Тридцать три богатыря вслед за ним идут,
Все своих коней боевых берут.

После этого,
От золотой коновязи по кругу,
Цепочкой следуя друг за другом,
Слева направо, как солнце плавает,
Поехали богатыри за победой, за славою.
Земля вокруг не истоптана, не изрыта,
Идут их кони копыто в копыто,
Идут их кони следок в следок,
Постепенно поворачивая на восток.

Три дня они едут
По своей земле, по ханской дороге,
Четыре дня они едут
По лесной земле, по людской дороге,
Дальше едут, дорог не зная,
Дальше лежит земля чужая.

Доезжают они
До серебристо-серебряной горной гряды,
Где человеческая нога никогда не ступала,
Останавливаются они
У черно-черной родниковой воды,
Из которой скотина никогда не пивала.
Рассаживаются они в кружок на отдых,
Вдыхают они чужеземный воздух,
Трубки раскуривают, дымят,
О предстоящих подвигах говорят.

Когда они
Так неторопливо сидели и трубки курили,
Когда они
Так неторопливо о предстоящих подвигах говорили,
Перед ними вдали две косули —
Самка и самец — промелькнули.
Абай Гэсэр встрепенулся вдруг,
В мгновение ока схватил свой лук —
И самца и самку стрела поразила,
Обе косули насквозь пронзила.

— Если бы, — сказал баторам Гэсэр, —
В них стрелу свою не пустил,
Если бы, — объяснил баторам Гэсэр, —
Их стрелою своей не сразил,
Пришлось бы нам возвращаться домой назад, —

Так Абай Гэсэр сказал, говорят.
Баторы кожу с животных сняли,
Как полагается туши освеживали,
На костре изжарили и сварили,
Нежного мяса они поели,
Еще немного поговорили
И вскоре дружно все захрапели,
Чтобы утром, проснувшись как можно раньше,
В предназначенный путь отправиться дальше.

В это самое время
Живущий в долине Сагаанта,
Имеющий скакуна слоново-солового,
Имеющий белую седую голову
С белым желанием, с мыслями белыми,
С дорогами светлыми, облачно-белыми,
Имеющий белые свитки с законами,
Мудростью долгих лет умудренными,
Чтимый со всех четырех сторон
Дядя Гэсэра Саргал Ноен
Забеспокоился под своей безопасной крышей,
Встревожился среди полночи, задумался среди дня,
Что-то дыханья внука Гэсэра нигде не слышно,
Что-то ржанья его гнедого коня,
Его Бэлыгэна нигде не слышно.
Как бы худого чего не вышло.
Забеспокоился Саргал Ноен и без лишнего слова
Садится на коня своего слоново-солового.
Дорогу к Гэсэру он доподлинно знает,
В мгновение ока во дворец прибывает.
Встречает его Алма Мэргэн — Гэсэра жена,
С почтеньем выслушивает Саргала она.
— Забеспокоился, — говорит Саргал, —
Я под своей домашней крышей,
Встревожился я в полночь и средь белого дня,
Что-то дыханья Гэсэра нигде не слышно,
Что-то не слышно ржанья его коня.

Приехал узнать я из первых рук,
Где сейчас Гэсэр, мой племянник и внук.

Алма Мэргэн подняла на Саргала глаза:
— Уехал Гэсэр, а куда, не сказал,
Может быть, поехал он на охоту,
Или куда душа захотела.
Не женская это забота,
Не женское это дело.
Садится Саргал Ноен на слоново-солового коня,
Круг объезжат протяженностью в два дня.
То заря восток разукрашивает,
То приходит тьма, как положено.
Всех расспрашивает Саргал, переспрашивает,
След Гэсэра найти не может.

Во второй раз садится Саргал на коня,
Круг объезжает протяженностью в четыре дня.
Небеса то звездами разукрашены,
То рассвет настает, как положено.
Всех расспрашивает Саргал, переспрашивает,
След Гэсэра найти не может.

По степной земле, по ханской дороге
Три дня он едет,
По лесной земле, по людской дороге
Шесть дней он едет.
Останавливается, дороги не зная,
Дальше лежит земля чужая.
Тут увидел он след копыта,
Вся земля глубоко изрыта.
Там, где были холмы и горы,
Оказались ямы и доли,
Где бугор был, там, смотришь, впадина,
Возгорелось тут сердце дядино.

За правую сторону повода он потянул,
По правому боку плеткой коня он стегнул,
Взвился конь на дыбы, полетел как птица,
Красная пыль за конем клубится.
Мчится конь, над землей расстилается,
Желтая пыль за конем поднимается.
От красной пыли на земле темно стало,
Желтая пыль небо запеленала.

Между тем,
Абай Гэсэр на гнедом коне
Остановился и баторам своим говорит:
— Это слышится мне или чудится мне,
За спиной у нас — стук копыт.
Вы не слышите разве сзади —
Шумно дышит Саргал — мой дядя?

Все назад вы оборотитесь,
И в туманную даль взгляните.
Все, что видно в дали туманной,
Доложите мне без обмана.

Поглядели баторы назад
И Гэсэру так говорят:
— Конь слоново-соловый мчится,
Красно-желтая пыль клубится,
Небеса она застилает,
Нас Саргал Ноен настигает.

Абай Гэсэр тотчас спешился,
У Гэсэра на сердце весело.
Из-под широкой ладони глядя,
С нетерпением ждет он дядю.

Вот догнал племянника Саргал Ноен,
Подает ему свою руку он,
Его ласково обнимает,
На словах же горько пеняет:
— Вот что значит молодо-зелено,
Разве так заветами велено?
Уходя в пределы чужой земли,
Почему вы меня, старика, обошли?
Почему вы мне ничего не сказали,
Почему вы меня с собой не взяли?

Отвечает Гэсэр:

— Не ругай ты нас,
Мы идем выполнять твой же наказ.
Для людей той далекой — восточной страны —
Мы источник бедствий найти должны.
В стране,
Где деревья с корнями выдернуты,
В стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в страе бесплодной,
В стране бестравной, в стране бесславной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где ветер, в стране, где тьма
Появился дьявол Гал Нурман.
На спине у дьявола десять тысяч глаз,
На темени у дьявола — особенный глаз.
Этот глаз округл, этот глаз велик,
Из рта торчит единственный клык,
Жар напускает он иссушающий,
Пожар напускает он пожирающий,

Болезни людей и скот косят,
Люди плачут и голосят.
Северные народы
Десятками тысяч гибнут.
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут.
Должны мы людей защитить-спасти,
Чтоб могли они мирно свой скот пасти,
Чтоб могли они опять веселиться,
Чтоб смогли они опять расплодиться,
Козней дьявольских не бояться,
Красотой земли наслаждаться.

— Это правильно вы все делаете, —
Говорит Гэсэру Саргал Ноен, —
Но почему же дядя с думами белыми
Оказался тобой стороной обойден?
— А затем я тебя не взял с собой,
А затем ты сейчас же вернись домой,
Что должен кто-то и дома жить,

Что должен дома порядок быть.
Вдруг болезни на людей или скот нападут,
Вдруг другие напасти нас найдут,
Вдруг враги подойдут войной грозя,
Одного Хара Зутана оставлять нельзя.
Нет, должен кто-то за домом смотреть,
Должен огонь в очагах гореть,
К тому я веду всю эту речь,
Что должен ты вернуться, чтоб дом беречь.
А чтоб знал ты, где я и что я делаю,
Отдаю я тебе рубашку нательную,
Рубашку шелковую, рубашку белую,
Не снимай ее и в постели ты.
Если я буду стрелой поражен,
Если я буду врагом побежден,
Рубашка белая эта тотчас
Почернеет вся, превратится в клочья.
Если же я буду врага побеждать,
То не надо ее ни мыть, ни стирать.
Если врага я в бою одолею,
Станет она еще белее.

Саргал Ноен
Рубашку надел через голову,
Саргал Ноен
Напутственное слово промолвил:
— Всех врагов побеждай,
Дьявола сокруши,
Задуманное осуществляй,
Начатое заверши,—
Такие слова на прощанье сказал,
Возвращаясь домой, Ноен Саргал.

После этого
Абай Гэсэр с тридцатью тремя баторами,
Дальше поехал во враждебную сторону.
В бездорожных местах дорогу торя,
Холмы превращая в низины, а горы в ямы.

Едут с Гэсэром тридцать три богатыря,
Никуда не сворачивая, едут прямо.
И хотя просторы земли широки,
И нисколько они не сужаются,
И хотя дороги-пути далеки,
Все же к цели войны приближаются.

Когда пестрая сорока над лесом стрекочет,
Шесть зимних месяцев предвещает.
Абай Гэсэр остановиться не хочет,
Лисью шапку на голову надевает.

Когда золотой соловей над озером заливается,
Летние месяцы обозначает,

Абай Гэсэр по летнему одевается,
Халат растегивает, грудь открывает.

Рыся — рысит,
Несясь — несется,
Грозит — грозит,
Смеясь — смеется.

Так достигли они страны,
Где деревья все с корнями выдернуты,
Достигли они стороны,
Где все наизнанку вывернуто,
Хонин Хото там была страна.

Пустынна и безводна лежала она,
Постоянно там было ветрено,
А травы никакой там не было,
Проскальзывая под тремя преградами,
Текла там река с тремя водопадами,
В той стране, где холод, в стране, где тьма,
Обитает дьявол Гал Нурман.

Достигнув этой страны печальной,
Земли окраинной, изначальной,
Абай Гэсэр и его баторы
Поднялись на большую двуглавую гору.
Поглядели они оттуда во все концы
И видят Гал Нурмана зданья-дворцы,
Горы издали кажутся кочками,
Зданья издали кажутся точками.
Поглядели они с горы вперед и назад
Владенья дьявола лежат как на блюде.
Стада внизу муравьями кишат,
Люди внизу комарами толкуются.
Стада и люди — тайги черней.

Спрашивает Гэсэр у своих богатырей:
— Друзья, баторы, смотрите, вот,
Пришли мы в землю, где дьявол живет.
Никому еще он не позволил через эту землю пройти,
Никому не позволил и ползком проползти,
Никому не позволил на коне перескакнуть,
Никому не позволил мышью прошмыгнуть.
Как же теперь нам, баторы, быть,
Как же нам дверь войны открыть?
Что нам в начале войны сказать,
Как нам начало с концом связать?
Стоят баторы, переминаются,
Посоветовать ничего не решаются.

Тогда
Абай Гэсэр слово берет
И такой приказ отдает:

— Начнем с начала, а не с конца.
Пускай отправятся два бойца.
Чтобы они табун лошадей отбили,
Двум табунщикам головы прострелили,
Простреленных табунщиков к лошадям привьючили
И отправили к Гал Нурману могучему.
А сам табун пусть пригонят сюда,
Хорошая будет для нас еда.

Посланные баторы —
Буйдан Улаан батор,
Эржэн Шуумар батор —
Словно камни брошенные прошуршали,
В одно мгновение из глаз пропали,
Табун лошадей они отбили,
Двум табунщикам головы прострелили.
Приторочили их к лошадям, подняв с земли,
Но оставили им голос, чтобы говорить могли,
С притороченными к седлам ношами
Побежали к ханскому дому лошади.

А табун лошадей угнали в горы,
Где остались в ожидании другие баторы,
Вокруг костра все баторы сели,
Очень славно они поели.

Между тем,
С простреленными табунщиками
Лошади, на свободу отпущенные,
Прибежали к ханскому дворцу без боязни
И остановились около коновязи.
Гал Нурман из дворца роскошного выйдя,
Простреленных табунщиков тотчас увидел,
Задыхаясь от обиды и гнева,
Закричал он направо, закричал он налево:
— Кто прострелил их, имя мое черня?
Кто осмелился выйти против меня?

Прибежали к нему два батора-сторожа.
Спросил он у них еще строже:
— Кто осмелился имя мое чернить,
Моим табунщикам головы прострелить?
Сторожа ему все рассказали,
Как узлы на веревке развязали:
— Два батора табун лошадей отбили,
Двум табунщикам головы прострелили.

Гикнув:
— Пусть попробуют нас догнать!
Крикнув:
— Пусть попробуют лошадей отнять!
Угнали табун на двуглавую гору,
Но не знаем, откуда взялись баторы.

Гал Нурман повесить сторожей приказал,
Во дворец пошел, прародительскую книгу взял.
Имеющей власть правой рукой
Праматери книгу листает,
Имеющей силу левой рукой
Праотца книгу листает,
Листает он ее при свете луны,
Все буквы в книге ему видны,
Листает он ее при солнечном свете,
Каждая буква на примете.
Пальцем он по книжным страницам водит,
Нехорошие известия в книге находит:
«На землю пятидесяти пяти небесных долин
Абай Гэсэр спустился,
С указанием пяти священнейших книг
Он спустился,
Превратить вечность в единый миг
Он спустился,
С заданьем благополучие возвратить
Он спустился,
С заданьем порядок восстановить
Он спустился,
С желанием веселие возродить
Он спустился.
С мечтаньем всю нечисть истребить
Он спустился,
С надеждой успокоить людей земных
Он спустился,
С решением счастливыми сделать их
Он спустился,
С мудростью для семидесяти мудрецов
Он спустился,
С основой для семидесяти языков
Он спустился»
И что теперь Абай Гэсэр
И с ним тридцать три батора
Прибыли на двуглавую гору.

После этого
Гал Нурман книгу продолжает листать,
Пальцем по строчкам водя, продолжает читать,
То, что ему нужно, продолжает искать.
Книга тайную тайну ему открыла:
Сравнение силы его и Гэсэра силы.

Оказывается,
Сила двух рук Гэсэра
Четырем поднебесным силам равна,
Сила двух ног Гэсэра
Четырем преисподним силам равна,
Сила груди Гэсэра
Четырем наземным силам равна,
Число его превращений — двести,

Число его волшебств сто и два...
Радуетя Гал Нурман такой вести,
Ликует мохнатая голова,
Потому что
Сила двух его рук
Восьми поднебесным силам равна,
Сила двух его ног
Восьми преисподним силам равна,
Сила его груди
Восьми наземным силам равна,
А число его превращений — две тысячи,
А число его волшебств —
Тысяча три...
— Ну, — грозитя он Гэсэру, — смотри!
Он, Гал Нурман,
Был уж в облике мужа,
А Гэсэр сидел еще в пеленках и в луже,
Он, Гал Нурман,
Уже воюет и скачет,
А Гэсэр еще сопливый и плачет.
Конь Гал Нурмана —
Хоть небожителям подавай великим,
А Бэлыгэн у Гэсэра жеребеночком взбрыкивает.
После этого велел Гал Нурман,
Чтобы пришел к нему батор Манзан Шуумар.
Пришедшему Манзан батору
Объясняет без лишнего разговора:
— Абай Гэсэр хубуун
Великое вечное море Манзан
Простым водопоем сделал,
Великую долину Моорэн,
Где трава колышется выше колен,
Обыкновенным пастбищем сделал.
А теперь
Он войной на нас ополчился,
На вершине двуглавой горы остановился.
Ты, Манзан Шуумар, батор верный мой,
Метни-ка жребий наш золотой.
Если жребий орлом к земле упадет,
То Абай Гэсэр меня побьет,
Если жребий упадет орлом к небесам,
То Абая Гэсэра побью я сам.

С большого пальца жребий полетел, закрутился,
С большого ногтя жребий полетел, завертелся,
Манзан батор на колени перед ним опустился,
В упавший жребий пристально он вгляделся.
Поднял голову он в испуге,
Изогнулись бровей его дуги.
— О, хан мой, жребий наш о том говорит,
Что Абай Гэсэр тебя победит.
Упал наш жребий лицевой стороной вниз,
В предстоящей битве Гэсэра ты берегись.

Гал Нурман, дьявол, челюсти сжал,
Вторично жребий метнуть приказал.
Жребий вверх полетел, закрутился,
Жребий к облакам полетел, завертелся,
На землю жаворонком опустился,
Манзан Шуумар в него вгляделся.
— О, Гал Нурман, о хан досточтимый мой,
Нехорошо нам жребий упал золотой,
Лицом к земле наш жребий лежит,
Абай Гэсэр тебя победит.
Волосы у Гал Нурмана поднялись дыбом,
Зубами скрежетал он, заволакиваясь дымом,
Говорит он, помня предсказания книжные:
— Несчастье преодолеть пытаются трижды.
Метни-ка нам жребий еще ты раз,
Посмотрим, что он скажет сейчас.

Жребий вверх полетел, закрутился,
В небеса полетел, завертелся,
Падучей звездочкой опустился,
Манзан Шуумар в него вгляделся,
Вгляделся пристально, задрожал,
Сам в испуге на землю упал.

— О, Гал Нурман, о великий хан,
Поверь мне, жребий — один обман.
В третий раз говорит он одно и то же:
Абай Гэсэр тебя превозможет.
Схватил Гал Нурман предсказателя за ноги,
О землю шваркнул, закинул на небо.
Упал Гал Нурман
На железную черную кровать,
Стал зубами скрипеть, волосы на себе рвать.

Галтай Гоохон хатан пришла утешить:
— Ведь у Гэсэра сила двух рук
Четырем поднебесным силам равна,
А сила твоих двух рук
Восьми поднебесным силам равна.
Ведь у Гэсэра сила двух ног
Четырем преисподним силам равна,
А сила твоих двух ног
Восьми преисподним силам равна,
Ведь у Гэсэра сила груди
Четырем наземным силам равна,
А у тебя сила груди
Восьми наземным силам равна,
Ведь число его превращений — двести,
А число твоих превращений — две тысячи,
Ведь число его волшебств сто и два,
А число твоих волшебств тысяча три,
Как мальчишку, сможешь его ты высечь,
Вставай с кровати, слезы утри.

Галтай Гоохон утешила Гал Нурмана,
Своего возлюбленного, черного хана.
Стал на радостях дьявол прыгать-скакать,
Железную, черную продавил кровать.

Начал Гал Нурман приготавливаться к сражению,
Проверяет он оружие, снаряжение,
Поднялся он на высокую южную гору,
Поглядеть издалека на Гэсэра батора.

Смотрит он вдаль из-под широкой ладони —
Где Абай Гэсэр, где его баторы, где кони,
А глаза у дьявола заволакивает словно бы дымом,
А волосы у дьявола становятся дыбом,
А кровь по жилам словно бы остывает-густеет,
А голова от страха словно бы пустеет.

А между тем, чтобы сражение выиграть,
Надо ведь какую-нибудь хитрость выдумать.
Думает Гал Нурман, на горе стоя,
Принимает он решение простое.
Первое его было действие —
Совершил он большое молебствие,
Видели окрестные горы,
Слышала вся тайга,
Как совершал он молебствие — тайлга.
Затем,
Чтобы ублажить Абая Гэсэра,
Чтобы размягчить его кости,
Усладить его тело,
Самых нежных жеребят с собою взял он,
Самые сладкие напитки с собою взял он,
Весь сияющий в золоте и серебре,
Сам поехал к двуглавой горе.

У подножья горы лес с корнями он вырывает,
Белое просо на землю он рассыпает,
Совершает он вторично молебствие,
Посылает он Гэсэру приветствие,
Посылает напитки и жеребят,
Гэсэр с баторами пьют и едят.

Наедаются они так, что не скажешь — мало,
Напиваются они так, что не скажешь — плохо,
Кровь у них разогрелась и заиграла,
Сердца размякли, душа оглохла.

А Гал Нурман
И его шестьдесят шесть баторов
Тем временем, не теряя ума,
Поднимаются на двуглавую гору,
Поднимаются они все на вершину,
Встречаются с Гэсэром и его дружиной.

Говорятся на вершине речи негромкие,
Сверкают на вершине доспехи яркие,
Серебряные стремяна друг о дружку шоркнули,
Стальные мечи друг о дружку звякнули.
Один батор к другому навстречу идет,
Один батор другому руку для приветствия подает,
Почтительно они друг с другом здороваются,
Руки крепко соединяют,
С употреблением красивых слов
Искусный разговор начинают.

Каждый многое знает,
По очереди говорит каждый,
О старом повспоминают,
О новом расскажут,
То, что прежде древнего проистекло, выясняют,
То, что позже нового проистекло, объясняют,
Пьют они черную водку арзү,
Пока на чистой воде сметана не настоится,
Пьют они черную водку хорзү,
Пока на голом камне трава не уродится.
Напиваются они так, что не скажешь — мало,
Наедаются они так, что не скажешь — плохо,
Кровь у них разогрелась и заиграла,
Сердца размякли, душа оглохла.

После этого Гал Нурман смело
Переходит к главному делу:
— Я в твою молочную пищу
Пальцы свои не макал,
Я в твою мясную пищу
Руки свои не запускал,
В стремяна твоих коней
Я ноги свои не ставил,
На порогах, возле твоих дверей,
Я мусора не оставил,
За что же ко мне придираешься,
За что же на меня ополчаться?
Это наши отцы меж собой воевали,
Это наши матери меж собой враждовали,
Какие мысли вынашивая,
К ханству пришел ты нашему,
Или мстителем себя возомня,
Ты войной пошел на меня?
— Не ради старой мести
Я отправился в этот большой поход,
Но дело чести
Заступиться за несчастный, бедный народ.

Зачем ты жаром
Земли наши опустошаешь,
Зачем пожаром
Все живое ты пожираешь?

Где травы цвели — там пепел лежит,
Где деревья росли — там зола лежит,
Болезни, о которых никто не слышал,
Людей косят,
Болезни, о которых никто не знал,
Стада косят,
Люди плачут и голосят,
Северные народы
Десятками тысяч гибнут,
Южные народы
Сотнями тысяч гибнут,
Окутали землю тьма и туман,
Вот что ты наделал, Гал Нурман!
Должен я за людей заступиться,
Должен я с тобой, Гал Нурман, сразиться.

Гал Нурман в досаде махнул рукою,
— Ладно, оставляю я ваших людей в покое,
Чтобы чистой стала в реках вода,
Чтобы мирно паслись на лугу стада,
Чтобы люди могли опять веселиться,
Чтобы люди смогли опять расплодиться,
Чтобы козней моих могли не бояться,
Красотой земли наслаждаться,
Ради этого не следует нам сражаться.
Пусть считают люди, что я жесток,
Что страшнее меня никого уж нет,
Нашей битве не пришел еще срок,
Надо ждать еще девять лет.

Тридцать три батора Абая Гэсэра
Отошли в сторонку и кругом сели.
Сидят они, совещаются,
В словопрениях упражняются,
К Абаю Гэсэру, приняв решение,
Посылают батора Нээхэр Эмшэна.
«Если уж сошлись два великих хана,
Если уж съехались их дружины,
Разъезжаться попусту было бы странно,
С двух сторон двух баторов выбрать должны мы,
Пусть они между собою поборются,
А два хана великих на том успокоются».

Абай Гэсэр хубуун
И Гал Нурман
Решение это правильным посчитали,
К интересному зрелищу готовиться стали.
С одной стороны выбран
Буйдан Улаан батор,
С другой стороны выбран
Гань Галзуу батор,
Один из тридцати трех богатырей,
Другой из шестидесяти шести богатырей,

Чья рука верней, чья сабля острей,
Сейчас они всем покажут,
А пока они важно похаживают,

Оба они перед схваткой разделись,
Оба приготовились-разогрелись,
Никто не моргнул и глазом,
Как две сабли взметнулись разом,
Разъехали они на расстояние дня,
Каждый из них пришпорил коня,
Налетели они друг на друга с разгона,
Сабли у них схлестнулись со звоном,
Из-за равной удали бойцы не сдаются,
Из-за равной ловкости не качаются,
Бесконечное время бьются,
А схватка все не кончается.
Но Гань Галзуу момент улучил
В середине жестокой схватки,
На противника в бешенстве наскочил,
Разрубил его от ключицы до пятки.
Разрубил он вдоль его тело,
Только сердце сталь на задела.
То не травы росой обливаются,
Половинки тела слипаются,
То не солнышко поднимается ввысь,
Половинки тела опять срослись,
Сила прежняя в прежнем теле,
Сабли вновь у них зазвенели,
Буйдан Улаан,
Что на две части едва не развалился,
Буйдан Улаан,
Что снова соединился,
Чрезмерно осерчал и разгорячился,
Сабля его хангайская просвистела,
Не стал он противника рубить вдоль тела,
А махнул он саблей своей поперек,
Шею срезал он, как травы стебелек.
Срезал он голову и поддел ее
Острой саблей на острие.

К Гал Нурману с подарком таким подошел
И голову черную и кудлатую
Бросил сидящему дьяволу на подол
Белого праздничного халата.
Больше голова ничего уж не скажет,
Коса раскрутилась длиною в сажень.
Гал Нурман
Вскочил и рассвирепел,
Гал Нурман
Раскраснелся и засопел,
Налетел он, от злости серый,
На сидящего рядом Абая Гэсэра,
Брызжет слюной, кричит сердито,

Скрипит зубами, словно в бою:
— Если не убьешь своего бандита,
Я собственноручно его убью!

Но Абай Гэсэр — благородный
Сказал: — Батора в обиду не дам.
Схватка у них была честной,
А если двоим на земле нам тесно,
Будем биться без лишнего разговору,
Затем я и пришел на двуглавую гору.

Гал Нурман после этих слов
Завертел косыми глазами зло,
Крутит зрачками то вверх, то вниз,
Без смертельной схватки не обойтись.
Два хана встают на дорогу мести,
Гору, как нитки клубок, обвивают,
Гору, как перевернутый горшок обегают,
Ищут для схватки подходящее место,
Хорошее место они выбирают.
Роют землю яростно, как изюбры,
Наклоняют головы, словно зубры.
Зубы скалят они, как волки,
Налетают друг на друга, как соколы,
Вселенная гудит и ходит волнами
От низкой земли до неба высокого.
Сун далай — великое море
Волнуется и дрожит,
Сумбэр уула — священная гора
Сотрясается, дребезжит,
Времена перепутались меж собой,
История вся пошла вразнобой.
С севера туча шла,
С дороги сбилась.
Южная туча шла,
Остановилась.

Все черное закипело и заострилось,
Все белое перемешалось,
Все серое встrepенулось,
Все синее расплескалось,
Все зеленое перевернулось.
Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной силы они не качаются,
Семь дней они бьются,
А схватка все не кончается,
Мясо друг у друга со спины выдирают,
Мясо друг у друга с груди выгрызают,
Мясо вокруг лежит, как горы,
Прилетают с севера черные вороны
На целый день и на целую ночь,
Мясо в клювах уносят прочь.
«Истекая ручьями кровавыми,

Пусть дерутся бойцы на равных», —
Так летают вороны, каркая,
Продолжается схватка жаркая.
Передними острыми зубами
Мясо из спины выгрызается,
Десятью белыми пальцами
Мясо из груди вырывается.
Реки крови по земле текут,
Холмы мяса вокруг растут,
Красная кровь растекается,
Черная кровь сгущается.
Наползают бойцы друг на друга тучами,
Кости вокруг валяются кучами.
Вдруг Гал Нурман момент улучил
В середине жестокой схватки.
На Гэсэра в бешенстве наскочил,
Разрубил его от ключицы до пятки.
Разрубил он с хрястом наискосок его тело,
Чуть за сердце красное сталь не задела.
То не травы на рассвете качаются,
Половинки тела слипаются,
Каменем черным и каменем белым
Соединились две части тела.

Тут Абай Гэсэр момент улучил,
В середине жестокой схватки,
На Гал Нурмана яростно наскочил,
Разрубил его от ключицы до пятки.
Разрубил он черту наискось его тело,
Чуть за сердце черное сталь не задела.
Черные вороны улетают ввысь,
Половинки тела опять срослись.
Говорят друг другу баторы,
Не решить нам саблями спора,
Кому живу быть, кому мертвым лечь.
Мы решим теперь силой рук и плеч.
Из-за равной удали они не сдаются,
Из-за равной ловкости не качаются.
Девять дней непрерывно бьются,
А схватка все не кончается.

Потом они оба устали биться,
Разошлись отдохнуть, поесть, подкрепиться.
Разошлись они до времени, до поры,
По двум вершинам двуглавой горы.
А надо сказать, пока ханы сражались,
Их баторы тоже не прохлаждались.
Внизу, у горы подножия
Собрались они все во множестве.

У Абая Гэсэра богатырей тридцать три,
Да у Гал Нурмана богатырей шестьдесят шесть,
Тоже не успевали ни попить, ни поесть.

Теперь и для них неожиданно вышла
Небольшая хоть передышка.

Собрались вокруг Гэсэра его богатыри,
Смотрят, а их не тридцать три.

Пересчитали снова, не поверив сперва,
Опять получается тридцать два.
Кто же остался на поле боя,
Со своей отчаянной головою?
Видят,
Мчится к вершине от подножия гор
Отставший Эржэн Шуумар батор.
На вершину горы он с разгону выскочил,
Светло-синий конь его кровью выпачкан.
Кружит Эржэн по площади, не слезая с коня,
Четвертинку зажареной лошади пожирает с копья.
— Эй, вы,— кричит он,—
Рассиживаться не время,
Если сейчас же не нападем,
Одолеет нас чертово племя.
Я, Эржэн Шуумар,
В бою про сон забывающий,
Я, Эржэн Шуумар,
На ходу желудок свой набивающий,
Вам говорю я сам,
Надо бой продолжать, если бой уж начат.

Тридцать три богатыря, еду побросав,
За Эржэн Шуумаром скачут.
В это же время
Хангайские горы закачало и затрясло.
Это Гал Нурман ноги вдел в стремя
И сел в седло.
Сладко оно или не сладко,
Продолжается между ханами схватка.
Кидаются ханы то вверх, то вниз,
Пытаются друг у друга мясо грызть.
Начинают они друг друга мять,
Пытаются друг у друга мясо рвать.
Начинают они вертеться, юлить,
Пытаются друг у друга кровь пролить.
Набрасываются они друг на друга со злостью,
Пытаются раскидать друг у друга кости.
Но мяса уж ворону поклевать не найдется,
Но мяса уж сороке поклевать не наберется,
Костей не находится, кровь не льется.
В это время
Гал Нурман, дьявол-хан,
Руками железными, твердыми,
Злостью бешеной обуян,
То тянет Гэсэра, то дергает,
Когда тянет — за поджилки хватается,

Когда дергает — до пяток добирается.
Когда назад его толкать станет,
Тот задом до земли достает.
Когда вперед его тянуть станет,
Тот коленки гнет.
Когда назад он Гэсэра толкает,
Тот на заднюю полу халата наступает,
Когда дергает его он обратно,
Тот наступает на переднюю полу халата.
Из-за того, что не прошло девяти положенных лет,
У Гэсэра для схватки сил еще нет.
Ухватиться он за дьявола хочет,
А не хватается.
Толкнуть он дьявола хочет,
А не толкается.
Поднять он дьявола хочет,
А не поднимается.
Победить он дьявола хочет,
А не побеждается.

Силы его кончаются.
Белые зубы его
Как будто чернеют,
Ясные глаза его
Как будто мутнеют.
Сильные руки его
Как будто немеют.

Буйдан Улаан батору
Смотреть на все на это невмочь,
Вопреки порядку и уговору
Хочет он Гэсэру помочь.

Две полы своего халата
За кушак заткнув,
Два рукава своего халата
До локтей завернув,
Подскочил он к дьяволу сзади
И за правую коленку его ухватил,
Но дьявол, не оборачиваясь, не глядя,
Лягнулся что было сил,
Наградил он батора таким пинком,
Что на три версты тот отлетел кувырком.

Но опять подскочил он к дьяволу сзади,
За левую коленку его ухватил.
Левой ногой, не оборачиваясь, не глядя,
Лягнулся дьявол, что было сил.
Отлетел Буйдан Улаан на четыре версты,
Пыл его поостыл.

В это самое время,
О котором идет у нас речь,

В это самое время,
О котором рассказу нашему течь,
По пятидесяти пяти небесным долинам,
По тропинке ровной, по тропинке длинной,
Пониже звезд, повыше земли
Два внука Хана Хурмаса шли,
Шли они просто так, гуляли,
Забот никаких не знали.
Шли они по тому небесному шву,
Откуда видно и земли и небес синеву.
Одного внука звали Айзай,
Другого внука звали Муузай.

Распахнули они небесную дверь,
И глядя оттуда, сверху вниз,
Землю разглядывать принялись.
Интересно им посмотреть, что на земле делается,
Все они разглядеть на земле надеются.

И вот они видят, удивлены,
Что на краю Хонин Хото, восточной страны,
В стране,
Где все деревья с корнями выдернуты,
В стране,
Где все наизнанку вывернуто,
В стране холодной, в стране бесплодной,
В стране бестравной, в стране бесправной,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами,
В стране, где ветер, в стране, где тьма,
Бьется их дядя Абай Гэсэр с дьяволом Гал Нурман.

Смотрят внуки в четыре глаза,
И глазам не верят,
Дядя их с каждым часом
В этой схватке слабеет.
Ухватиться он за дьявола хочет,
А у него не хватается,
Толкнуть он дьявола хочет,
А у него не толкается,
Силы его кончаются.
Сильные руки его
Как будто немеют,
Белые зубы его
Как будто чернеют,
Ясные глаза его
Как будто мутнеют.
Увидев это, Айзай и Муузай домой
Немедленно побежали,
Деду Хану Хурмасу наперебой
Обо всем рассказали:
— Делать нам было нечего,
Играли мы дружно, весело.

Шли мы тропинкой длинной
Посреди небесной долины.
Небесную дверь распахнули
И на землю вниз заглянули.
Интересно нам было, как люди живут,
Скотину пасут, пищу жуют.
Увидели мы, что в одной пустынной стране,
В засушливой ветреной стороне,
Где деревья с корнями выдернуты,
Где все наизнанку вывернуто,
Где река под тремя преградами
Проскальзывает тремя водопадами.
В стране, где холод, в стране, где тьма,
Сражаются наш дядя и Гал Нурман.

Да, Абай Гэсэр там сражается,
Но силы у него уж кончаются.

Услыхав от внучат подобный рассказ,
На коня вскочил Хан Хурмас.
С белыми мыслями в белом уме,
Скачет он к бабушке Манзан Гурмэ.
Коня к коновязи привязывает,
О случившемся несчастье рассказывает.
О том рассказывает, что недалеко от востока,
Абай Гэсэр, не выдержав срока,
Девяти положенных лет не выждав,
С Гал Нурманом сражаться вышел.
А теперь козленком он верещит,
А теперь ягненком он блеет,
В руках у дьявола по швам трещит,
С каждым часом слабеет.
Сам он в возрасте малого ребенка,
Конь его в возрасте жеребенка.
Гал Нурман из него веревки вьет,
Крутит, вертит, о землю бьет.

Бабушка, гордо сидящая
С серебряной чашей в руках,
Бабушка, зорко следящая
За всеми звездами в небесах,
Бабушка, опирающаяся
На множество горных вершин,
Бабушка, обзирающаяся
Множество небесных долин,
Бабушка,
Звездные книги читающая,
Бабушка,
Все швы во вселенной сшивающая,
Бабушка,
Держащая все тайны в уме,
Великая бабушка Манзан Гурмэ
Умела сразу за дело браться,

Вызывает она Гэсэрова брата.
На коне соколино-сером
Примчался Заса Мэргэн, брат Гэсэра.
Дает ему бабушка белыми руками
С конскую голову алмазный камень,
Камень священный, камень мерцающий,
В любую цель без промаха попадающий.

— Заса Мэргэн, мой надежный внук,
Возьми этот камень из добрых рук.
На седьмую земную твердь
Ты скорее скачи теперь
На коне соколино-сером,
Помоги ты брату Гэсэру.

Заса Мэргэн немедленно отправляется,
До двери между небом и землей добирается,
За дверь тихонечко потянул,
Приоткрыл и вниз заглянул.

Видит он, что в стране холодной,
Видит он, что в стране бесплодной,
Видит он, что в стране бестравной,
Видит он, что в стране бесправной,
Где деревья с корнями выдернуты
И где все наизнанку вывернуто,
Где великая сушь и тьма,
Побеждает Гэсэра Гал Нурман.
Руки, ноги у Гэсэра слабеют,
Жилы его вот-вот лопнут,
Помочь ему никто не успеет,
Гал Нурман его слопаёт.
Пока доскачешь до земли от неба,
Абая Гэсэра — как и не было.

Берет Заса Мэргэн двумя руками
С лошадиную голову алмазный камень,
Камень священный, камень мерцающий,
В любую цель без промаха попадающий.
Над камнем Заса Мэргэн батор
Произносит шепотом наговор:
— Звездный глаз,
На черную землю лети,
Синий алмаз,
В черную голову попади,
Если не сумеешь
Ты в цель попасть,
Никогда не посмеешь
Нигде упасть,
Будешь ты вечно
По вселенной летать,
В пустоте бесконечно
Будешь сверкать.

Большим пальцем закрученный,
Указательным пальцем пущенный,
Полетел камень на землю, вниз,
Послышался шум, послышался свист,
Словно лось ревет,
Словно бык рычит,
Словно стрела поет,
Словно выпь кричит.
Удаляется камень летящий,
Удаляется камень шуршащий,
Удаляется камень мерцающий,
В любую цель попадающий.
Улетает камень в земной предел,
Где дьявол Гэсэра почти одолел,
Вперед дергает —
Лбом о землю его ударяет,
Назад толкает,
Затылком о камни его ударяет.

Абая Гэсэра хубууна
Побежденным он посчитал,
Земные темные страны
Себе подвластными посчитал,
Несчастных земных людей
Своими жертвами посчитал,
Прекрасных земных зверей
Обреченными посчитал.
А между тем, он слышит,
Что воздух над ним содрогается,
А между тем, он слышит,
Что земля под ним сотрясается,
Словно лось ревет,
Словно бык рычит,
Словно стрела поет,
Словно выпь кричит.
Приближается камень летящий,
Приближается камень шуршащий,
Приближается камень мерцающий,
В любую цель попадающий.
Поворачивает дьявол коня
От камня мчится, как от огня.

Но конь стрелы не быстрее,
Ладонь меча не острее.
Куда бы ни мчался дьявол, страхом гоним,
Священный камень летит за ним,
Летит по следу священный камень,
Бегущего дьявола настигая,
И попадает ему как раз
На черном темени в мерзкий глаз.
Вместе с глазом, единственным, мерзким,
Всю голову камень разбивает вдребезги.
На просторном белом поле

Падает дьявол, взыв от боли.
До северной высокой горы головой касается,
В южную гору ногами упирается.
А Заса Мэргэн батор не теряя ни мгновенья,
Около брата Гэсэра опускается на колени,
Видит, что жилы его истончились,
Видит, что кости его оголились,
Видит, что сердце едва-едва трепыхается,
Видит, что брат его вот-вот скончается.

Говорит Заса Мэргэн: — Поднимайся, брат,
Спасти тебя я был очень рад.
Имеющий старшего брата,
Старшим братом спасен будет,
Имеющий младшего брата,
Младшим братом спасен будет,
Только мертвого уж никто не разбудит.
Заса Мэргэн на Гэсэра с любовью глядя,
Всячески брата голубит и гладит,
Вверх на небо поглядит — улыбнется,
Вниз на землю поглядит — засмеется.
Выбрал он из всех стад молодую кобылу,
У которой жиру на восемь пальцев было,
Накормили Гэсэра кобыльим жиром,
Жизнь у него побежала по жилам,
Горячая кровь заструилась под кожей,
Абай Гэсэр хубуун тотчас ожил.
Моментально он исцелился.
Вместе с братом он решил
Посмотреть, где дьявол Гал Нурман,
Который попался брату на обман.
Как он северной горы головой касается,
Как он в южную гору ногами упирается.
Решили они, что если хозяин убит,
То убить и коня обычай велит.
Убили два брата коня хана,
Положили коня возле Гал Нурмана.

После этого
Сырых деревьев они надрали,
Сухой валежник насобирали.
Обложили дровами и дьявола и его коня,
Поднесли к дровам живого огня.

После этого
Из осины лопату сделали,
Золу и пепел по ветру развеяли.
С юга пришедший ветер золу на север унес,
С севера пришедший ветер пепел на юг унес.
Угли и головешки пошли вразброс.

Покончив с дьяволом наконец,
Пошли оба брата в его дворец,

Оба они впереди идут,
Своих баторов за собой ведут.
Во дворце сверкающе-блистающем,
Во дворце величием поражающем,
Нашли они Гал Нурмана опустевший трон,
Но еще они там нашли
Красавицу Галтай Гоохон.
От нее и глаз оторвать не могли.
У черного дьявола наложницей она была.
Во дворце у дьявола как царица жила.

Заса Мэргэн на нее лишь взглянуть успел,
Сразу же от любви побелел, как мел,
В наложницу дьявола и царицу
С первого взгляда успел влюбиться.
Но прельстился царицей не один только хан,
Задрожал от любви и Буйдан Улаан.
Во дворце началось веселье,
Все баторы буйны от хмеля,
Все гуляют, поют, веселятся,
Лишь два молодца друг на друга косятся.
Между ними спор не решен,
Кому достанется Галтай Гоохон.

Между тем, самой-то красавице
Эта распря уж больно нравится,
Она радуется и душой веселится:
Может, в драку у них спор разгорится?!

Как увидел это Абай Гэсэр,
Щеки надул сердито,
На спорящих с гневом глядит он,
Говорит он сердито братьям, баторам,
Затеявшим из-за женщины ссору:
— С наложницей дьявола с какой это стати
Сын хана Хурмаса собирается спать?
С любовницей дьявола с каких это пор
Собирается тешиться белый батор?
Тут из ножен меч, что всегда при нем,
Сам собой выскочил мигом
И показывает своим острием
На старинную, священную книгу.
Сам меч переворачивает страницы,
Глядит Гэсэр в книгу и диву дивится.
«Если эту женщину, — там написано, — вы не убили,
Значит и дьявола не победили.
Не победили вы дьявола грозного,
Спихватитесь, да будет уж поздно».

Узнав про такое дело,
Абай Гэсэр с места срывается,
Решительными шагами, смело,
Идет он в покои красавицы:

С невольным восхищением смотрит он
На гибкую, плавную Галтай Гоохон.
Да, двигается она гибко,
Да, ходит она плавно,
Но пока что она не погибла,
А это для Гэсэра — главное.

Вся она,
Как зелень, солнцем просвеченная,
При виде ее
Ягнята от удовольствия блеют,
Встречает она Абая Гэсэра сердечно,
Очарованный ею Абай Гэсэр немеет.

Но как только она показала спину,
Абай Гэсэр меч потихоньку вынул,
Свой воинственный меч из ножен извлек
И перерубил он красавицу поперек.
Из чрева женщины, надвое перерезанной,
Недоношенный ребенок выпал железный.
Шестимесячный выпал плод-недоносок,
Говорит он Гэсэру голосом жестким:
— Недоношенным вы меня из чрева освободили,
Себя жалко.
Красивую женщину вы пополам разрубили,
Мать жалко.
Гал Нурмана преждевременно вы убили,
Отца жалко.
Если б я родился, когда полагается,
Затравил бы тебя, как серого зайца.
Одной бы рукой тебя я сжал,
В кулаке раздавил бы в избытке силы,
Вот почему теперь мне жалко,
Что мать меня в чреве не доносила.
Но вы не радуйтесь раньше времени,
Все равно я вырасту и вас отыщу,
Железную ногу вдену в стремя,
За отца, за мать, за себя отомщу.

Между тем
Заса Мэргэн на брата обиделся,
Найдя красавицу, братом убитую.
— Уйду, — говорит, — и больше мы не увидимся,
На помощь мою теперь не рассчитывай.
Не живут вместе орлы и вороны,
Разойдутся наши следы в разные стороны.
Но Абай Гэсэр брата удерживает,
Железного младенца ему показывает.
— Уезжай, если хочешь, брат мой, но прежде
Одно условие тебе высказываю.
Если этого недоноска ты сумеешь убить,
То мать его тотчас же обещаю я оживить.
— Почему не убить?

Или руки мои ослабли?
Заса Мэргэн размахнулся саблей.
Железного младенца что есть силы он рубит,
Но только саблю ханскую губит:
Размякла сабля, как будто из теста,
А железный ребенок лежит — ни с места.
Тогда копьем он в сердце и печень бьет,
Завилось в пружинку стальное копье.
Тогда стрелой хангайской черной
Он стреляет из лука в младенца-черта,
Стрелу пускает он в нетерпенье,
Стрела расплющилась до оперенья.
Все тридцать три батора на младенца набросились,
Рубят, колят, стреляют, режут,
Хотят превратить чертенка в крошево,
А результаты у них — все те же.
Все, что острое было у них, — затупилось,
Все, что режущее было у них — зазубрилось,
Все, что рубящее было у них — переломилось,
Все, что целое было у них — расплющилось.
Сам Гэсэр
К младенцу железному подступился,
Но булатно-царственный меч
Надвое переломился.

Длинное копье в дугу согнуло,
Черная стрела — соскользнула.
Абай Гэсэр и Заса Мэргэн,
И тридцать три их батора
Перестали суетиться, стараться,
Начали они совещаться.
Совещаются они долго,
Говорят они без умолку,
Но исполненные терпенья,
Принимают они решение
Позвать на землю из небесной страны отцов
Семьдесят семь самых опытных кузнецов.
Кузнецы по их просьбе спустились вниз,
За дело немедленно принялись.

Сковали они для шестимесячного чертенка
Из железа прочного, из железа звонкого,
Гнездо не гнездо, клетку не клетку,
И железного младенца заперли крепко.
С семи сторон пододвинули горны,
Начали мехами их дуть-раздувать.
Докрасна раскалилось железо черное,
А что за дверцей, им не видать.
Приоткрыли немного раскаленную дверцу,
Ничего не сделалось там младенцу.
Ближе прежнего пододвинули они горны,
Пуще прежнего мехами их раздувают,
Добела раскалилось железо черное,

А что за дверцей, они не знают.
Поглядели, а младенец там раскалился,
Повертели, а чертенок там размягчился,
Положили они его на наковальню,
Взяли семьдесят семь своих молотков,
Уж они ковали его, ковали,
И сверху, и снизу, и со всех боков.
Сделался чертенок поменьше кошки,
Потом он сделался меньше блошки,
Колотили его мягкого, словно тесто,
Пока не получилось ровное место.
Сун давай — великое море
Волнуется и дрожит,
Сумбэр уула — священная гора
Сотрясается, дребезжит,
Стволы у деревьев расщепляются,
Листья осыпаются, сучья ломаются,
Черная пыль за клубилась,
История заблудилась,
С севера туча шла —
С дороги сбилась,
Южная туча шла —
Остановилась,
Стада, пасущиеся в поле,
В тайгу устремились,
Звери, живущие на воле,
На становищах поселились,
Козлята от кормящих козлик отстали,
Взрослые птицы своих птенцов растеряли.

В это время
Из восточной небесной долины
Вниз спускается крепкая, длинная,
Ярко-красная шелковина,
Вместо матери-пуповины.
Если бы до младенца она дотянулась,
То в железного чертенка жизнь бы вернулась,
Потекли бы сверху в него кровь и сила,
Все опять бы стало, как было.

Абай Гэсэр, увидев такое дело,
Достает свой лук, достает и стрелы,
Хангайскую черную стрелу выбирает,
Оперенную, крепкую, ровную,
Над стрелой он шепчет и причитает,
Острие на пальце попробовав,
Когда он острие стрелы заклиняет,
Красный огонь на острие возникает,
Когда он оперенье стрелы заклиняет,
Синий дым над перьями возникает.

— Ты, моя стрела,
Метка и остра,

Ты лети целый день,
Шелковинку задень,
Пополам перерви,
Возвращайся в крови.
Силой плеча он лук натянул,
Силой пальцев он тетиву зашипнул,
От большого пальца
Крепость стрела получила,
От указательного пальца
Меткость стрела получила,
В шелковину она попадает,
Пополам ее разрывает.
В этот миг пронзительно-звонко
Раскатился голос чертенка:
— Вы не радуйтесь раньше времени,
Все равно я вас отыщу,
Железную ногу вдену в стремя,
За отца, за мать, за себя отомщу.
Тут послышался тяжкий вздох,
И чертенок железный сдох.

После этого Мэргэн Заса
Возвратился на западные небеса.
С Абай Гэсэром они помирились
И по-братски простились.

В эту же пору
Абай Гэсэр и его тридцать три батора
Гал Нурмана, дьявола, победившие,
Всех врагов-чудовищ сразившие,
Железного дьяволенька раздавившие,
Радость полной победы вкусившие,
Пошли по широкой дьявольской вотчине
Лугами, лесами, кочками,
Всю траву перемяли,
Все ручьи замутили,
Людей и скотину к себе погнали,
Пастухов с собой захватили.
Где Гал Нурману сладко жилось,
Теперь обитает лишь дикий лось,
Где вкусно ели и сладко пили,
Расплодилось теперь крапива,
Озирая запустевшую сторону,
Радуются черные вороны
Да лисица хитрая, рыжая,
Довольна уж тем, что выжила.

Гонят они домой и людей и скот,
Ганга Бурэд хан им навстречу идет.

Абая Гэсэра он поздравляет с победой,
Зазывает к себе обедать.
Угощаются они яствами разными,

Пьют хорзү, а не воду сырую.
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют,
На десятый день опохмеляются
И в дальнейший путь отправляются.
После длительного обеда,
Благодушнее став и добрей,
Оставляет Абай Гэсэр Ганга Бурэду
Захваченных у дьявола скот и людей.
Чтобы люди здесь жили-плодились,
Чтобы стада паслись-возродились.
После этого, наконец,
Отправляется Абай Гэсэр в свой дворец.
Черта-дьявола победив,
Он в веселии пребывал.
Ганга Бурэд его проводил,
Благополучия пожелал.
Едут они, где сыро и холодно,
Едут они, где сухо и жарко,
Едут они через землю воронов,
Едут они через землю жаворонков.
Хотя реки бывают длинными,
Но до моря все равно добираются,
Хотя родная земля за горами-долинами,
Но все равно приближается.
Доезжают они до вечного моря Манзан,
Которое Абай Гэсэр водопоем сделал,
Доезжают они до великой долины Моорэн,
Которую Абай Гэсэр пастбищем сделал,
Доезжают они до великой реки Хатан,
Доезжают они до дворца Абай Гэсэра.
Абай Гэсэр в золотой бубен бьет,
С северных склонов народ собирает,
Абай Гэсэр в серебряный бубен бьет,
С южных склонов народ приглашает.

На берегу великого моря Манзан,
На краю великой долины Моорэн,
Где трава растет выше колен,
У истоков великой реки Хатан
Всех торжественно он встречает,
Всех обильно он угощает.

Саргал Ноён, Гэсэров дядя,
Говорит, на победителя глядя:
— Удалых баторов и сыновей
Из чужих краев здоровыми мы встречаем,
Боевых прекрасных коней
Из тяжких боев оседланными встречаем,
Возвращается прекрасное время,
Да забудет нога про стремя.
Да забудут глаза и руки
Про каленые стрелы и луки.

На просторы алтайских пастбищ
Мы коней попастись отпустим,
На раздолье саянских пастбищ,
Мы коней погулять отпустим.
Золотые столы накроем,
Вкусную пищу на них поставим,
Серебряные столы накроем,
Крепкие напитки на них расставим,
Мяса-масла поставим — горы,
Архй-арзү подадим — озера.
Угощаясь яствами разными,
Друг друга люди целуют,
Восемь дней они празднуют,
Девять дней они пируют,
На десятый день опохмеляются,
Но по домам еще не разъезжаются,
Снова празднество продолжается.

Так голубых озер птица,
К камышам и к воде стремится,
Так батор, одолев дорогу,
Возвращается к родному порогу.

ВЕТВЬ ПЯТАЯ

ПОБЕДА ГЭСЭРА НАД ЧУДОВИЩЕМ ОРГОЛИ— ХОЗЯИНОМ ТАЙГИ

Девять ветвей у священного желтого дерева,
На каждой ветви свеча горит,
Девять о Гэсэре сказаний древних,
О битве каждое говорит.

Черного соболя с шелковистым мехом,
Пустив стрелу, почему не добыть?
О непобедимых славных баторах
Сказания почему бы не повторить?

А-э-э-э!

А-э-э-э!

А-а-у-у-дон!

Когда

Хана Хурмаса царственная рука
Атай Улаана разрубая на части,
В третий раз взмахнула мечом,
И правую руку у батора несчастного
Отрубила по самое плечо,
Когда отрубленная рука
Полетела на землю вниз,
На земле, где горы, реки, тайга,
Многие бедствия начались.
Рука не стала там валяться в пыли,
Обернулась она чудовищем Орголи.
Тело у него — сорока верст,
Рот у него — четырех верст,
Обладает он пугающим колдовством,
Располагает он содрогающим волшебством,
Пестро-лживое чудовище всей тайгой завладело,
Черно-злое чудовище большого захотело.

На склоне великой Сумбэр-горы
Орголи-колдун лежал до поры.
На северном склоне горы лежал,

Постепенно креп, округлялся, мужал,
 Принимал вид устрашающий,
 Злому чудищу подобающий.
 Страшнее его ничего уж на свете нет.
 Справа поглядеть — он на скалы похож,
 Слева поглядеть — он на сопки похож,
 Издали поглядеть — похож на синий горный хребет,
 Вблизи поглядеть — нападает дрожь.
 Верхней челюстью он небо скребет,
 Нижней челюстью он горы жует,
 Обеими челюстями он деревья жрет.
 По дальней окраине языком лизнет,
 Сандаловыми деревьями набивает рот,
 С таежной окраины воздух втянет,
 Дубы и лиственницы поглощать станет.
 Все таежные деревья подряд
 За сорок верст сами в рот летят.
 Вместе с деревьями попадает в рот
 Северный народ и южный народ.
 И тех людей, что с гор спускаются,
 И тех людей, что вверх поднимаются,
 Всех он втягивает в огромный ротище,
 Глазами новые жертвы ищет.
 Увидел вдали Абай Гэсэра страну.
 Вот кого, думаю, я изорву, изомну;
 Вот кому, думаю, я живот вспорю;
 Вот кого, думаю, я до конца разорю.
 Обо всем об этом
 Абай Гэсэр своим особенным умом узнал,
 По дальним приметам
 Намерения колдуна Орголи разгадал.
 Думает:
 Вершина горы
 Всегда облаками и туманом повита.
 Думает:
 У мужчины зрелой поры
 Всегда сражение да битва.
 Тридцать трех своих богатырей
 Абай Гэсэр созывает скорей,
 Богатыри собрались все сразу.
 Абай Гэсэр им рассказывает:
 — Из далеких стран пожаловавшего врага
 Допускать ли в свои излюбленные луга?
 Из близких мест напавших врагов
 Допускать ли до своих излюбленных очагов?
 С задней северной стороны,
 Из-за великой Гумбэр-горы,
 Обманщик, обор тень, колдун,
 Злобное чудовище Орголи
 Следует к нам дорогой войны,
 Мы достойно встретить его должны.
 Издали он на горный хребет похож,
 Вблизи поглядишь — пробирает дрожь.

Верхней челюстью он небо скребет,
Нижней челюстью он горы жует,
Обеими челюстями он деревья жрет.
Все таежные деревья подряд
За сорок верст к нему в рот летят.
Северный народ и южный народ
Вместе с деревьями попадают в рот.
Своей чуткостью
Издавека вы его услышать должны,
Своей зоркостью
Вблизи вы его увидеть должны,
Следующего к нам дорогой войны.
Словно солнечный день вы безоблачны,
Словно длинный камыш вы не ломчаты.
Тридцать три — все воины мощные,
Тридцать три — все мои помощники.
С Орголи мы сражаться будем,
Чтобы счастье вернулось к людям.
Все оторванное пришейте,
Все разошедшееся прибейте,
Все развязанное свяжите,
Все раскрученное скрутите,
Все ослабшее укрепите,
Затупившееся заострите.
Еще не выйдет солнце туманное,
Как мы отправимся на поле бранное.
Отправимся мы на край земли
Сразиться с чудовищем Орголи.
Приготовьте все, что понадобится.
Тридцать три доблестных богатыря,
Слушая Гэсэра, радуются.
Стоящие о том, что стоят, забыли,
Сидящие о том, что сидят, забыли.
Так сражаться они любили.
— Пойдем, — говорят, —
Куда нам Гэсэр прикажет,
— Убьем, — говорят, —
Кого нам Гэсэр покажет,
— Найдем, — говорят, —
Все, что нам Гэсэр скажет.
Сечей-битвой мы насладимся,
На свои луга возвратимся.
Широко-просторные груди они выпячивают,
Мечи железные они оттачивают,
Бугристо-мощные спины они распрямляют,
Округло-толстые ноги они укрепляют.
Все оторванное они пришили,
Все разошедшееся прибили,
Все развязанное связали,
Все раскрученное скрутили,
Все несказанное сказали,
Все ослабшее укрепили.
Все проворны и все толковы,

Все к походу они готовы.
В это время приводят уздою звеня,
Абаю Гэсэру
Бэ́льгэ́на — гнедого коня.
Травы наедался он
На двадцати алтайских пастбищах,
Сил набирался он
На двадцати горных зеленых склонах,
Когда он и другие кони траву там ели,
Им жаворонки в небе высоком пели.
По крупной гальке Бэ́льгэ́на водят,
Чтобы черные копыта его крепкими были,
По черному льду Бэ́льгэ́на водят,
Чтобы круглые копыта его никогда не скользили.
К ветру мордой заставляют его стоять,
Светлый ветер заставляют его глотать.
Ключевой водой из чашки его напоили,
Живой травой из горсти его накормили.
По горным местам его водят,
Чтобы на сокола был похож,
По дальним местам его водят,
Чтобы на ястреба был похож.
Проделав все это,
Шелковый потник на Бэ́льгэ́на накидывают,
Закончив все это,
Вогнуто-серебряным седлом Бэ́льгэ́на сёдлают,
Пластинчато-серебряным подхвостником круп обтягивают,
Сплошным серебряным нагрудником грудь обхватывают,
Подпругой с десятью пряжками коня перетягивают,
Ремнем с десятью языками его засупонивают,
Все снаряжение к коню прилаживают,
Вокруг коня удовлетворенно похаживают.
К узорчато-серебряной коновязи
Коня привязывают,
О полной готовности коня
Абаю Гэсэру сказывают.

В это время
Алма́ Мэ́ргэ́н хата́н,
Открыв большой семейный сундук,
Лучшие одежды со дна достав,
Подает их Гэсэру из собственных рук.
Сшитые из семидесяти лосиных кож
Замшево-черные штаны
Гэсэр натягивает,
Целиком сшитые из тюленьих кож
Облегающие черные унты
Ступнями своими растягивает,
Ярко-шелковую накидку-дэгэл
На плечи накидывает.

Семьдесят сверкающих медных пуговиц
Силой пальцев своих застегивает,

Сплошной серебряный десятисаженный кушак
Вокруг себя опоясывает.
Его оставшиеся концы
Аккуратно с боков запихивает.
И оделся Гэсэр, и обулся,
Перед зеркалом так и смяк повернулся,
Все пылинки со складок сдувая,
Перед зеркалом
С расправленный потник величиной,
Гэсэр погляделся:
Хорошо ли обулся-оделся.
После этого
Водами семидесяти дождей не промоченные,
Остриями семидесяти стрел не пробитые,
Угольно-черные доспехи на спине у себя укрепляет,
Серебряный, длинный,
Величиной с речную долину,
Боевой колчан на правый бок прикрепляет.
Узорно-серебряный, боевой,
С косое поле величиной,
Налучник с левого боку подвешивает.
О белые кости не ломающийся,
В горячей крови не размягчающийся,
Державно-булатный меч привешивает,
Лук с костяными подпорками,
Изготовленный из рогов
Семидесяти изюбров-самцов,
Вставляет в налучник узорчатый свой,
Семьюдесятью пятью стрелами,
Девяноста пятью стрелами,
Развернутыми веером,
Заполняет колчан боевой,
Так что в холод от них теплее будет,
А в жару от них прохладнее будет.
Похожую на копну травы
Соболиную шапку на себя надевает.
Похожую на пучок травы
Кисточку на шапке поправляет.
Звездно-белый шлем надел на голову,
Стал похож на большую гору.
То не солнце сверкает, то не дуб шелестит,
То Гэсэр в боевых одеждах стоит.

После этого,
Чтобы голода не чувствовать десять лет,
Рот себе паучьим жиром смазал.
После этого,
Чтобы голода не чувствовать двадцать лет,
Губы себе червячьим жиром намазал.
После этого,
Величественным движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
На улицу он выходит теперь.

Неторопливыми движениями,
Не уронив ни соринки с ног,
Переступает мраморный хангайский порог.
Медленными движениями, без суеты
По ступенькам серебряным с высоты,
Ни разу на лестнице не оступясь,
Идет он туда,
Где стоит серебряно-золоченая коновязь.
К коновязи он идет с серебряного крыльца,
Красный повод отвязывает от серебряного кольца.
По крупу глядя,
По шее хлопая звонко,
Своего коня он ласкает, как жеребенка,
Вокруг него с любовью похаживает,
Там и сям по шерсти поглаживает,
Краснодеревое кнутовище к седлу прилаживает.
После этого
Ноги в серебряные стремяна он вдел,
В седло из якутского серебра он плотно сел.
За повод потянув, коня повернул он круто,
Поехал от коновязи по солнцу, по кругу,
Стремя в стремя с ним рядом,
Два ноёна, два дяди,
Тридцать три богатыря нарядных
Едут сзади.
Едут они на край земли
Сражаться с чудовищем Орголи.
Едут плотно:
Абай Гэсэр и два дяди по сторонам,
Задевая друг друга по стремянам.
А за ними плотно в ряд, по три в ряд
Тридцать три богатыря дорогу торят.
Едут они по ханской звонкой дороге,
Едут они по людской торной дороге,
По дороге широкой, по дороге лесистой,
Едут они рысисто.
По гребням высоких гор они мчатся,
Копыта до гор не успевают касаться.
Над лесными верхушками они пролетают,
За верхушки копытами не задевают.
Скачут они,
Края у твердой вселенной качая,
Скачут они,
Просторное небо наполняя тучами,
Из Сумбёр уула-горы огонь высекая,
Сун далай-море взбаламучивая.
Пересказывают они через тридцать вершин,
Как через одну вершину,
Перемахивают они через тридцать долин,
Как через одну долину.
Все, что врозь стоит,
В одно сливается,
Что вдали стоит —

Приближается.
Скачут они
Пониже звезд, повыше облаков,
Искры сыплются от подков.
Все мелькает, летит, несется
И луна, и звезды, и солнце,
Все летит вокруг, завихряется,
Все мелькает и удаляется.
Словно беркут парит-пластается,
Словно сокол с небес бросается,
Словно гуси летят — гогочут,
Словно эхо в горах хохочет.
Не стрела шуршит оперением —
Скачут воины с нетерпением.
На расстояние ста видимостей
Повода не натянув скачут,
На расстояние тысячи видимостей
Кнута не касаясь скачут.
Вдруг, поперек дороги, как ночи мгла —
Отвесная каменная скала.
Не объехать ее, не перескочить.
Стали думать всадники, как тут быть.
Одни рассуждают умно и здраво,
Нельзя ли объехать преграду справа.
Другие думают здраво и трезво,
Что лучше объехать препятствие слева.
Третьи утверждают,
Что ни вправо, ни влево нет пути,
Надо прямую тропинку найти.
Ведь если лежит поперек преграда,
Но людям дальше двигаться надо,
Значит прямо ли, вправо ли, влево ли,
Но тропинку они проделали.

Один говорит — так не годится,
Другой говорит — так не бывает,
Абай Гэсэр слушал-слушал и начал сердиться.
Щеки он, сердясь, надувает,
Свое решение предлагает.
Абай Гэсэр, не долго думая,
Хангайскую черную стрелу достает,
Абай Гэсэр, долго не мудрствуя,
Черную стрелу на тетиву кладет.
Над наконечником стрелы он шепчет,
Чтобы стрела была крепче.
Над опереньем стрелы он бормочет,
Чтобы стрела была точной.

Шепчет он до появления красного пламени,
Бормочет он до появления синего пламени.
Боевой свой лук
Он так натянул, что дым пошел.
Тугой свой лук

Он так натянул, что огонь пошел.
Силой большого пальца закрученная,
Ловкостью указательного пальца пущенная,
Хангайская черная стрела в цель попадает,
Преграду-скалу на куски раздробляет.
Образовался в скале такой проход,
Что любое войско легко пройдет,
Пешеходы пройдут измученные
И верблюды пройдут навьюченные,
Где стояла скала высокая,
Пролегла дорога широкая.
Абай Гэсэр вперед проскакал,
И прежде всего стрелу отыскал.
Валялась она по другую сторону преграды,
«Свое добро,— Гэсэр говорит,— бросать не надо.
Хорошая вещь,— Гэсэр говорит,— еще понадобится,
Хорошей стреле сердце радуется».
Отряхнул он стрелу от прилипшей земли,
От той земли холмы пролегли.

Абаю Гэсэру препятствий нет,
Скачет он дальше впереди отважных богатырей.
Путь, на который надо девяносто лет,
Проскакивают они за девять дней.
Скачут они, как стрела свистит,
Скачут они, словно камень шуршит.
И хотя просторы земли широки,
И нисколько они не сужаются,
И хотя дороги-пути далеки,
Все же к цели войны приближаются.
Уж Сумбэр-гора им видна,
Ее северная сторона.
Повод натянул Абай Гэсэр,
Остановился послушный конь.
На стременах привстал Абай Гэсэр,
К глазам приставил ладонь.
Над горами, холмами, пригорками,
Над болотами злыми, жуткими,
Смотрит вдаль он глазами зоркими,
Вслушивается ушами чуткими.
Видит он, что к востоку от Сумбэр уула-горы,
Травы высохли, пожелтели.
Вся земля черна от золы,
Реки сузились, обмелели.
Там деревья гниют и падают,
Скалы крошатся, рассыпаются,
А в тайге полно зверя-падали
И сама земля рассыхается.

Еще выше Гэсэр в стременах привстал,
Еще дальше и зорче смотреть он стал.
Еще чутче прислушивается он,
Не поймет он, что б это значило,

Большим удивлением удивлен,
Задачей большой озадачен.
За пределы видимости смотрит во все глаза,
За пределами слышимости слушать старается,
Какая-то синееется там полоса,
Что-то там вдалеке содрогається.
Два дяди-ноёна по бокам от него стоят,
Два дяди-ноёна тоже слушают и глядят.
— Что видите? — спрашивает Гэсэр у дяди.
— Что слышите? — спрашивает Гэсэр у другого.
— Ничего не видим мы, — отвечают дяди, —
Ничего не слышим, хуже глухого.
— Что видите? — спрашивает Гэсэр у баторов.
— Что слышите, — спрашивает он у отчаянных.
— Ничего не видим, — отвечают баторы.
— Ничего не слышим, — отвечают.
Тогда приказывает Гэсэр ноёнам,
Тогда приказывает Гэсэр баторам:
— Тихо двинемся и пойдем мы,
Удаляясь в чужие горы.
Пусть сердца ваши будут каменными,
А повадки пусть будут волчьими,
Вы след в след идите за нами,
Мы пойдем путем укороченным.
Через землю, что вся изрыта,
Через рывины, через комья,
Пусть идут копыто в копыто,
Друг за другом послушные кони

Так повел их Гэсэр умело,
По военным правилам древним
В те нехоженые пределы,
Где гниют на корню деревья,
Где травы высохли, пожелтели,
А реки сузились, обмелели,
А скалы крошатся, рассыпаются
И сама земля рассыхается.

В это время
В стороне от великой Сумбэр уула-горы
Обладающий пугающим колдовством,
Располагающий содрогающим волшебством,
Хозяин тайги, чудовище Орголи,
И змея желтобрюхая, огромная,
Свои силы и ловкость пробуют.

Друг на друга они нападают,
Друг друга яростно пожирают.
Когда чудовище раскрывает пасть,
Туда полтайги успевает попасть,
Когда змея раскрывает рот —
Горы, скалы, гальку жуёт.
От схватки чудовищ поднялся ураган

От северных стран и до южных стран.
Сун далай-море кипит, вся земля дрожит,
Сумбэр уула-гора дребезжит.
Могучие деревья до земли пригибает,
Зеленые травы до золы выжигает.
Трижды змея вокруг чудовища обвилась,
Зубами в его тело впилась.
Но чудовище Орголи змею зубами грызет,
Но чудовище Орголи змею когтями дерет.
Раздирает ее лапой железной,
Все нутро из змеи наружу полезло.
Оскаленными зубами вгрызается,
Змея по швам расползается.
Силы змея теряет,
Гибель ее наступает.
Четыре у чудовища лапы с когтями острыми,
Дерет змею этими лапами чудовище пестрое,
Кишки выворачивает наружу,
Кровищи натекло — большая лужа.
Наконец добралось чудовище и до шеи,
Вцепилось в шею зубами всеми.
Змея сначала взвилась, как кнут,
Но зубы ее грызут и мнут.
Постепенно затихла она и присмирела,
Растянулась веревкой и околела.
Изнаненное чудовище, зубами лязгая,
Начинает по кругу победную пляску,
Вставая, падая, медленно пляшет,
Раны облизывает, вид его страшен.
Еще бешенство Орголи не проходит,
Еще вокруг глазами он водит.
Еще за скалы и горы хватается,
Еще в деревья зубами вцепляется.
Не затих еще шумный ураган
От северных стран и до южных стран.
Еще море кипит, еще земля дрожит,
Еще гора Сумбэр дребезжит,
Еще черный ветер по свету летает,
У Абай Гэсэра
Полы халата он раздувает.
Хара Зутан ноён,
Около Гэсэра стоящий, видя такое дело,
От страха сделался белым-белым.
Бойтся он чудовища Орголи,
Обращается он к баторам с такими словами:
— Чтобы мы живыми отсюда уйти могли,
Чтобы благополучно могли мы с вами
Домой вернуться той же дорогой,
Не должны мы чудовище трогать.
Ведь тело у него — сорока верст,
Ведь рот у него — четырех верст,
Обладает он пугающим колдовством,
Располагает он содрогающим волшебством.

Верхней челюстью он небо скребет,
Нижней челюстью он горы жует.
Если с Абай Гэсэром вместе
Станем мы биться с чудовищем, если
Чудовище мы разозлим, затронем,
Окажемся все у него в утробе.
Станем мы для чудовища пищей,
Вон какой у него, поглядите, ротище.
Мы в испуге своем оправдаемся,
Со стыдом своим примиримся,
В похвалах людских не нуждаемся,
Пересудов людских не боимся.
Где низинкой, а где по скалам,
Пригибаясь и уползая,
Уберемся, чтоб нас не достала
Пасть клыкастая, лапа злая.
Так Харá Зутáн малодушный
Уговаривать стал баторов,
А баторы стоят и слушают,
Но Саргал Ноён в эту пору
Закричал на Хара Зутана:
— Замолчи ты, с душою серой!
Побеждать ли мы нынче станем,
Погибать ли — вместе с Гэсэром.

В это время Гэсэр
Черное острое копьё в правую руку взял.
В это время Гэсэр
Звездно-белый шлем поглубже на голову надел,
Бэлыгэна — гнедого коня
По лоснящемуся правому крупу плетью огрел.
Громким голосом на всю вселенную закричал.
Рев тысячи быков
В своем голосе он соединил,
Рычанье тысячи драконов
В своем крике он объединил.
На хозяина черной тайги,
На властелина бесконечных лесов
Он решил напасть.
А чудовище, между тем, переминаясь на ногу с ноги,
Растянуло клыкастую пасть.
Воздух чудовище в себя втягивает,
И все, что вмиг с воздухом попадает,
Все подряд не разглядывая
И не пережевывая, глотает.
Конь Гэсэра попал в воздушный поток,
Несется к чудовищу, как осенний листок.
Не слушаясь повода и хозяйской руки,
Несется он в пасть на оскаленные клыки.

Абай Гэсэр
С коня на правую сторону наклонясь,
Камень схватил величиной с жеребенка.

Абай Гэсэр

С коня на левую сторону наклонясь,
Камень схватил величиной с ягненка.
Но камни эти коня Бэлыгэна не придавили,
Его, летящего как ветер, не остановили.
Несет его вместе с деревьями, камнями скальными,
Туда, где зияет пасть, клыками оскалена.
За клыки не задев пролетает он в темноту,
Оказывается у чудовища во рту.

Абай Гэсэр,

Размахнувшись черным железным копьём,
В корень языка чудовища Орголи бьет.
Острый наконечник в язык вонзился,
Опираясь на него, Абай Гэсэр остановился.
Язык чудовища стелется,
Как земля от пригорка и до пригорка,
Между небом и нижней челюстью
Копье стоит, как распорка.

Абай Гэсэр хангайскую стрелу берет,
Лук натягивает как полагается.
Прямо вверх он стрелой каленой бьет,
В небо чудовищу стрела вонзается.

Пестрое страшилище, чудовище Орголи
Вздогнуло от неба и до земли.
Взвыло чудовище, задрожало,
Море Сун-далай, что тихо лежало,
Возмутилось и забурило,
Горы крепкие закачались,
Даль туманом черным закрыло,
Пыль взвихрило и закрутило,
Реки полные расплескались,
Далеко отстоявшее все распалось,
От близ лежащего ничего не осталось.

А между тем два ноена, два дяди,
Оказавшись перед пастью чудовища мрачной,
Друг на друга глазами злобными глядя,
Начали ссориться, ругаться начали.
Кричит Саргал Ноён на Хара Зутана:
— Прилично ли отступать могучим и смелым,
Побеждать ли мы нынче станем,
Погибать ли, но вместе с Гэсэром.
Хара Зутан ему в ответ:
— На победу у нас надежды нет.
Сам Гэсэр, наш племянник и внук,
В страшной пасти погибнет от мук.
Какую победу ты нам пророчишь,
Если и сами мы едва не проглочены.
Пока не поздно давай назад повернем,
От страшных клыков как-нибудь ускользнем.
Но Саргал Ноён

Не стал слушать эту грязную речь,
А выхватил он
Свой хангайский булатный меч.
Сильно он рассердился, надул он щеки,
Брови его встопорщились, словно щетки.
Разогнал он коня, плетью его стеганул
И на спину чудовища сиганул.
А чудовище лежит, изгибается,
Хвост у него извивается,
Орет чудовище, хрипит и рычит,
Ведь в глотке у него копые торчит.
Левой рукой Саргал Ноён
Повод натягивает,
Правой рукой Саргал Ноён
Мечом размахивает.
— Голову, — кричит Саргал Ноён, — изрублю.
— Чудище, — кричит Саргал Ноён, — погублю.
Все восемнадцать жил у чудовища перережу,
Все части тела разъединю!
Мечом размахнулся сильнее прежнего,
Острые шпоры дал коню.
Конь несет удалого всадника,
Гром разносится по округе.
А баторы, друзья-соратники,
Натянули тугие луки.
Все в чудовище они целятся,
Там, где кожа его потоньше,
Чтоб достать до красного сердца,
Прострелив мясистую толщу.
У баторов острые стрелы,
Все готовы они, смотри.
Но слышался голос Гэсэра
Из чудовища, изнутри.
— Не стреляйте, — Гэсэр кричит.
— Не рубите, — Гэсэр кричит.
Ведь своими калеными стрелами
И меня вы насквозь прострелите.
Ведь хангайским мечом звеня,
Вы заденете и меня.
Я и сам уж внутри у зверя
До заветной добрался двери,
За которой душа находится,
За которой сердце колотится.
Тут слышался звон меча,
Тут слышался хруст хряща,
Это рубит Гэсэр плеча,
Душу-сердце внутри ища.
Вот достал он до сердца красного,
Разрубил он живую душу.
Орголи, чудовище страшное,
Превратилось в мертвую тушу.
А когда оно воздух выдохнуло,
Издавая предсмертный стон,

То Гэсэра наружу выдуло,
Полетел, кувыркаясь, он,
На песок, у подножья скал,
За три видимости упал.
А Хара Зутан между тем
Обезумел от страха совсем.
Раз Гэсэр, думал он, уже съеден,
Раз Гэсэр, думал он, уже проглочен,
Поскорее отсюда уедем,
Отыскав пути покороче.
Все равно уж победе не радоваться,
Все равно уж не выиграть бой...
Убежал он, уполз и спрятался,
Трех баторов забрав с собой.
Но Гэсэр, когда отряхнувшись встал,
Об измене дяди тотчас узнал.
Не увидел своим он глазом,
Догадался своим он разумом.
Абай Гэсэр на стременах привстал,
Голову поднял и закричал.
Рев тысячи изюбров
В своем голосе он соединил,
Рычание тысячи зубров
В своем голосе он объединил.
Кричит он на все стороны, могуч и велик,
Хара Зутану возвратиться велит.
Трех баторов вернуть назад,
А за трусость его простят.
У Хара Зутана ноёна
Лицо от стыда покраснело.
К победившему воину
Подошел он несмело.
Поднять он не может взгляда,
Покраснел он, как клюква-ягода.
Слабость показать — не хочется,
Слово сказать — не находится.
Перед Гэсэровым грозным ликом
Устыдился стыдом великим.
Постепенно все
Вокруг поверженного чудовища собираются,
Постепенно все
Вокруг мертвого страшилища сходятся,
Здороваясь, руками друг друга касаются,
Хорошие слова друг для друга находят.
Победитель Абай Гэсэр
Достает свой черный кисет,
Черный, бархатный, величиной с мешок,
Достает красный, резаный табачок.
Красным, резаным табаком
Свою трубку он набивает,
Мягко-пушистый трут,
С матерого лося величиной,
Махая им, раздувает.

А покурив, он берет саблю острую,
Разрубает он чудовищу брюхо пестрое.
Из чудовища разрубленного, раскуроченного,
Повалило все, что было проглочено.
Повалили звери таежные,
Травоядные, хищные, всевозможные.
Соболь, куница, бурундук, колонок
Тотчас бросились наутек.
Изюбр, медведь, росомаха, рысь,
Все в разные стороны понеслись.
А потом, как вода прорвав запруду,
Повалили толпами люди.
Все, кто были проглочены, съедены,
Выходят группами, выходят семьями.
Люди конные, люди пешие,
На свободу бегут поспешно.
На санях, на телегах скрипя колесами,
Едут голые, едут босые,
Едут сырые, изможденные,
Из неволи освобожденные.
Придорожная пыль колышется,
Смех, веселье повсюду слышится.
Люди радуются свободе,
Небу, солнышку, всей природе.
Люди западные, люди восточные,
И молодые, и седиными убеленные,
Зажигают свечи позолоченные,
Зажигают свечи посеребренные.
При сиянии луны они с Гэсэром встречаются,
Всяческого добра Гэсэру желают,
При сиянии солнца они с Гэсэром встречаются,
С победой доблестной поздравляют.

Гэсэр

При сиянии луны с людьми встречается,
Доброго пути домой им желает,
Гэсэр
При сиянии солнца с людьми встречается,
С освобождением их поздравляет.
Потом говорит он своим баторам,
Потом говорит он дядям-ноёнам:
— Кожу с чудовища Орголи надо снять,
Разрезать на куски и людям ее раздать.
Если выделать, замечательная будет кожа,
Людям на обувь и на одежду.
Баторы и ноёны кожу с чудовища содрали,
Изрезали на куски и народу раздали.
А про Абая Гэсэра забыли,
Главного победителя обделили,
Достались ему обрезки с лап,
Рукавицы выкроить из них хотя б.
На правую руку — с правой лапы,
На левую руку — с левой лапы.

Ждали все от Гэсэра гнева,
Но Гэсэр лишь весело рассмеялся
Трофею, который ему достался.
— Ладно,— говорит,— не в обрезках дело,
Главное, что чудовище околело.
Главное, что мы чудовище победили,
Народы плененные освободили.
Теперь дальше мы будем действовать,
Наши замыслы будем пестовать.
Самые нужные, опасные самые
Для себя мы дороги выберем.
Мужчина состоит весь из замыслов,
Женщина состоит вся из выкроек.
Мужчина,
Чтоб замысел воплотить,
Жизнь не пожалеет отдать.
Женщина,
Чтобы из выкроенного сшить,
Палец на руке готова отдать.

Гэсэр
Дядю Саргал Ноёна
С тридцатью доблестными баторами
На месте оставляет.
Гэсэр
Дядю Хара Зутана
С тремя доблестнейшими баторами
С собой в поход приглашает.
— Существуют,— говорит,— на земле четыре коварства,
Их четыре злых удалыца в себе хранят,
Нет от них никакого лекарства,
Кроме как победить всех подряд.
Поедем туда, где живет
Властелин неоглядных вод
Хан Уса Лосон.
Как отыскать нам злых удалыцов,
Как победить их в конце концов,
Посоветует он.

Поехали они быстро, поехали они смело.
Чтобы осуществить задуманное дело.
Как земля ни широка,
Но при езде — сокращается,
Как цель ни далека,
Но при езде — приближается.
В то время, когда они ехали,
Минуя то холм, то лес, то ложок,
Улгэн — бескрайнюю землю —
Покрывл хрустящий свежий снежок.
Оказались всадники
Хара Зутан, что хитер, и Гэсэр, что суров,
На пересечении двух звериных следов.
Слева направо пробежала куница,

Справа налево пробежала лисица.
Тотчас всадники разделились,
В разные стороны удалились.
Абай Гэсэр за лисицей гонится,
Хара Зутан за куницей торопится.
Каждому — своя воля,
Каждому — своя доля,
Каждому — своя дверь,
Каждому — свой зверь.
Каждому — своя тропа,
Каждому — своя судьба.
Хара Зутан, хитроумный хан,
Видать излишне поторопился,
В черную яму, не заметив как,
В глубокую яму он провалился.
Туда-сюда, на стенки бросается,
Туда-сюда, за камни цепляется.
Кричит, проклятьями сыплет, ругается,
А из ямы вылезти — не получается.
Тогда вместо ругани
Он кричит — «помогите!»
Тогда вместо брани
Он взывает — «спасите!»

Три батора поблизости оказались,
Так и сяк помочь бедняге старались.
Вокруг ямы бегают и хлопочут,
Но вытащить хана нет у них мочи.
Сидит Хара Зутан в яме грязной,
Ругает баторов словами разными.
Сидит Хара Зутан в яме черной,
Ругает баторов, вспоминая черта.
Сидит Хара Зутан в яме, мается,
Беспрерывно на баторов ругается.
— Из ямы хана вытащить — что за труд?
За что баторами вас зовут?
Дармоеды вы, а не богатыри,
Зовите Гэсэра, черт вас дери!
Что рты растянули? Что стоите?
Гэсэра сюда скорее зовите!

Три удалых батора
За Гэсэром поспешно мчатся,
Чтобы выручить ноёна, который
Продолжает в яме ругаться.
Гэсэр, заглянувши в яму,
Промолвил ноёну прямо:
— Значит царственно-великие небожители
Душу твою насквозь увидели.

Не за твое ли, Хара Зутан, двоедушие
Оказался ты в ловушке?
То пытался ты от меня сбежать,

То пытался ты меня обмануть,
А теперь я тебя должен спасать,
Руку должен тебе протянуть.—
Взял он свой меч за рукоятку
И протянул его острием вниз.
— Ну-ка, Хара Зутан, мой дядя,
За булатный меч мой держись.
Хара Зутан за меч ухватился,
Из ямы вылезти изловчился,
Но все пальцы о боевое острое железо
Оказались у Хара Зутана порезаны.
Начал он кричать на Гэсэра:
— Что с моими ты пальцами сделал?
Плохо ты с родственником поступаешь,
Имя мое родовитое унижаешь.
Разве можно старшего унижать,
Разве можно дядю своего обижать?
Дальняя гора от возмущения вздрогнет,
Ангара-река от возмущения пересохнет.
А что скажут наши баторы,
Да и в народе пойдут разговоры,
Что из ямы вонючей вызволив,
Дядю своего ты унизил,
Протянул ему ты меч, а не руку...
Говорит Гэсэр:
— Вперед тебе будет наука,
Не бегай ты с поля боя,
Не ползай, не трусь, не прячься.
Не хотел рисковать головою,
Потерял свои десять пальцев,
Но довольно уж ты наказан,
Залечу сейчас твои раны...
И лекарством он пальцы помазал
Ноёну Хара Зутану.
Вместо раненых и порезанных
Стали пальцы его крепче прежних.

После этого
Абай Гэсэр на коня садится,
Повод в руки берет,
Дальше Гэсэр стремится,
К Усá Лосóну, хозяину вод.
Земля широка, но все-таки сужается,
Цель далека, но все-таки приближается.

Подъезжает он к белому, квадратному,
Как небо просвечивающему дворцу,
Коня к коновязи привязывает,
Подходит к бело-серебряному крыльцу,
Величественным движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
Во дворец он входит теперь.
Неторопливым движением,

Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает мраморный, хангайский порог.
Хозяин дворца
Усá Лосóн, хан великих вод,
К Абаю Гэсэру навстречу идет,
Руку ему для приветствия подает.
Неторопливо они друг друга приветствуют,
Почтительно они друг с другом здороваются,
В рукопожатии добром и честном
Руки крепко соединяют,
С употреблением хороших и красивых слов
Искусный разговор начинают.
Усá Лосóн, порядок во всем любя,
Сажает гостя по правую руку от себя.
Золотой стол накрывает,
Вкусную пищу на него ставит,
Серебряный стол накрывает,
Редчайшую пищу на него ставит.
Озерко вина в чашу он наливает,
Пригорок мяса перед ней взгромождает.
Масла расставляет пригорки,
Напитки дает тройной перегонки.
Абай Гэсэр
Вкусно ест и сладко пьет,
Но разговор между тем о деле ведет.
«Существуют,— он говорит,— четыре коварства,
Их четыре удальца в себе хранят,
Нет от них никакого лекарства,
Кроме как победить их всех подряд.
Посоветуйте как мне их найти,
Какие ведут туда пути?»
Усá Лосóн,
Хан всех великих вод,
Речь свою осторожно ведет,
Чтобы стремлений витязя не охладить,
Чтобы делу нужному не повредить.
Начинает он речь издалека,
Вспоминает прошедшие, давние века,
Старину он припоминает,
Преданья древние оживляет.
— Да,— говорит он,—
Существует в мире четыре коварства,
Их четыре злых удальца в себе хранят.
— Да,— говорит он,—
Нет от них никакого лекарства,
Кроме как победить их всех подряд.

Но имеют они
Волшебство, до дрожи пугающее,
Но имеют они
Колдовство, до костей пробирающее.
Если ты задумал их победить,
Мало иметь силу,

Мало иметь ловкость,
Мало иметь и злость,
Но должен ты с собой захватить
Мою золотую трость.
Тут Усá Лосón,
Хан всех великих вод,
К заветному сундуку неторопливо идет.
Открывает он свой золотой сундук
И золотую трость отдает
Гэсэру из собственных рук.
О четырех коварствах Гэсэру рассказывает,
Как вести себя, Гэсэру наказывает.
Самый старший молодец удалой,
Обладает силой великой,
Ниспадает он многоводной рекой
С вершины горы Саридак.
Река водой холодной окатит,
Река волной голодной подхватит,
Никто из реки назад не вернется,
Утонет, закрутится, захлебнется.
Когда ты будешь к реке приближаться,
За трость золотую надо держаться.
В реку трость окуни и там поддержи
И такие слова реке скажи:
«Река, река, сделайся ты безвредной,
Река, река, сделайся ты полезной,
Река, река, у людей бедных
Исцеляй все недуги ты и болезни».

Второй из удальцов,
Скрывающий в себе второе коварство,
На самом деле — серебряное богатство.
На вершине серебряной горы под самыми облаками
Живет он в виде собаки с серебряными клыками.
Когда ты будешь к собаке той приближаться,
За золотую трость надо держаться.
До собачьей шерсти дотронешься тростью
И скажешь ей тихо, без всякой злости:
«Собака, собака, рассыпся на серебро,
В каждом кармане у людей окажись,
Стань для них имуществом и добром,
Посеребри ты людям бедную жизнь».
Третий из удальцов,
Скрывающий в себе третье коварство,
На самом деле — золотое богатство.
На золотой горе под самыми облаками
Живет он в виде собаки с золотыми клыками.
Когда будешь к собаке той приближаться,
За золотую трость надо держаться.
До собачьей шерсти дотронешься тростью
И скажешь собаке тихо, без злости:
«Собака, собака, рассыпся на чистое золото,
Стань для людей безумной страстью,

Чтобы они стремились к тебе смолоду.
Чтобы они утешались тобою в старости».

Четвертый из удальцов,
Четвертое земное коварство,
На самом деле, пряча свое лицо,
Скрывает подземного царства богатство.
Лежит он в глубине земли, не шевелится,
Что никто его не заметит надеется,
Под тремя слоями надежно прячется,
Десятью слоями надежно укрыт,
Ничем на поверхности не обозначено,
В каких местах молодец зарыт.
Слуху он не слышен, глазу невидим,
Сам наружу никогда не выйдет.
Ты тростью золотой над ним помаша
И такие слова ему скажи:
«Перестань ты быть сокрытым коварством,
Стань для людей ты вечным богатством».
Абай Гэсэр
Душой радуется, сердцем веселится,
Совет Уса Лосона ему пригодится.
Великого хана великий гость
Берет с собой золотую трость,
С Уса Лосоном тепло прощается,
К своему коню возвращается.
Неторопливым движением
Открывая перламутровую хангайскую дверь,
На серебряное крыльцо он выходит теперь,
Неторопливым движеньем,
Не уронив ни соринки с ног,
Перешагивает он мраморный хангайский порог.

После этого
Абай Гэсэр на коня садится,
Повод в руки берет,
Дальше Гэсэр стремится
От Уса Лосона, хана великих вод.
Встречей удовлетворенный,
Едет он из долины в долину,
Едет он с горы — в гору.
Вместе с ним оба дяди ноёна,
Вместе с ним тридцать три батора.
Земля широка,
Но постепенно сужается,
Цель далека,
Но все-таки приближается.
Едет Гэсэр побеждать
четыре коварства,
Едет он их превращать
в четыре богатства.

В это время четыре злых удальца,

Рожденные от злого отца,
О намереньях Гэсэра достоверно узнали,
К встрече с ним готовиться стали.
Самый старший молодец удалой
Мощью мощен, силой велик,
Низвергается вниз многоводной рекой
С вершины горы Саридак,
Собирается он Гэсэра волной захлестнуть,
Собирается он Гэсэра водой захлебнуть.
Но Гэсэр к реке спокойно идет,
В воду трость окунает и речь ведет:
— Река, река, сделайся ты безвредной,
Река, река, сделайся ты полезной,
Река, река, у людей бедных
Исцеляй все недуги ты и болезни.

Второй молодец,
Живущий на высокой горе,
Второй удалец,
Катающийся на серебре,
Ощерил на Гэсэра
Серебряные клыки,
Они остры и велики.
Но Гэсэр к собаке спокойно идет,
Тростью ее касается и речь ведет:
— Собака, собака, рассыпся на серебро,
В каждом кармане у людей окажись,
Стань для них имуществом и добром,
Посеребри ты людям бедную жизнь.

Третий молодец,
Живущий на золотой горе под самыми облаками,
Встречает Гэсэра золотыми оскаленными клыками.
Но Гэсэр к собаке идет спокойно,
Тростью ее касается и говорит достойно:
— Собака, собака, рассыпся на чистое золото,
Стань для людей безумной страстью,
Чтобы люди к тебе стремились смолоду,
Чтобы люди тобой утешались в старости.

Четвертый из удалцов
Пряча, закрывая свое лицо,
В глубине земли лежит, не шевелится,
Что Гэсэр мимо него пройдет, надеется.
Но Гэсэр тростью над ним помахал
И такие слова ему сказал:
— Перестань ты быть скрытым коварством,
Стань для людей ты вечным богатством.

Когда все это Гэсэр совершил,
Баторов и ноёнов позвал-собрал,
Великий праздник устроить решил,
Со своими сподвижниками запировал.

— Были мы удачливы,— он говорит,
— Были мы счастливы,— он говорит.
— Всех мы победили,— он говорит.
— Веселье мы заслужили,— он говорит.
Восемь дней они пируют,
На девятый — опохмеляются,
Готовят они коней и сбрую,
В дальний путь собираются.
Коней накормленных обласкали,
Коней обласканных оседлали,
В сторону дома поскакали.
Когда тихо едут,
Комья величиной с блюдо из-под копыт летят,
Когда быстро едут,
Комья величиной с котел из-под копыт летят.
Река длинна,
Но до моря все равно добирается,
Дорога далека,
Но дом все равно приближается.
Прискакали они в долину Мборэн,
Прискакали они на берег моря Мунхэ,
Прискакали они на землю Хатан,
Скачут они весело, без боязни,
Видят они множество очагов-огней,
Привязывают они боевых коней
К золотым, серебряным коновязям.
Встречает их Алма Мэргэн, Гэсэра жена,
Вселенную красотой затмевает она,
Победителя Гэсэра за руку берет,
Через перламутровую дверь во дворец ведет,
За стол золотой Гэсэра сажает.
Что дальше было, никто не знает.

СОДЕРЖАНИЕ

Героический эпос бурят
Василий Найдаков, Сергей Чагдуров

5

Запев

13

Ветвь первая.
Истоки людских судеб

15

Ветвь вторая.
О рождении Гэсэра на земле

89

Ветвь третья
О борьбе Гэсэра с дьяволом Арханом

167

Ветвь четвертая.
О победе Гэсэра над Гал Нурман ханом

207

Ветвь пятая.
Победа Гэсэра над чудовищем Орголи —
хозяином тайги

261

Г988 Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят.
кн. изд-во, 1986.—288 с., ил.

Улигер «Гэсэр» является венцом поэтического и эпического творчества бурят. И не только грандиозностью объема эпоса, огромного количества стихотворных строк. Богатырь Гэсэр — самый почитаемый бурятским народом сказочный батор. Он благородный защитник угнетенных, бедных людей; избавляя их от несчастий, добивается мира и благополучия жизни. Такова гуманная миссия народного батора на нашей земле.

Разные варианты эпоса о Гэсэре записаны в Приангарье, у берегов Байкала от общепризнанных мастеров-улигершинов. Затем они сведены были в сводный том. Девять ветвей (глав) опубликованы на бурятском языке в 1959 году.

Бурятский народный эпос полностью переведен на русский язык известным мастером слова В. А. Солоухиным.

Г 4702130000—163
M122(03)—86 —064—86

ГЭСЭР
Бурятский народный героический эпос
т. I

Редакторы
Тапхаев Л. Д.
Ильина Н. Н.
Художественный редактор
Андрус Л. Р.
Технический редактор
Ванчикова С. Ф.
Корректоры
Доржиева Д. Я.
Суткина Е. Е.

Сдано в набор 25.03.86. Подписано в печать 08.07.86. Н-00530.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура академическая. Усл. печ. л. 23,22. Уч.-изд. л. 18,93. Усл. кр.-отт. 73,85.

Тираж 25 000 экз. Заказ 914. Цена 4 р. 20 к.

Бурятское книжное издательство, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Отпечатано на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР 170040, г. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

